

Кати Бяз

МЕМОАРЫ ВЕДЬМЫ

к н и т а п е р в а я

у ж а с ы / м и с т и к а

16+

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Представь, что ты лежишь на зеленом поле молодых побегов и рассматриваешь кучевые облака, скопившиеся над лесом. Вдруг, к тебе приходит способность увидеть поле таким, какое оно есть без скрытых тайн, так как его видят ведьмы. Ты закрываешь глаза и поднимаешься в воздух, переворачиваешься и смотришь вниз, видишь сверху себя, беззаботно лежащую на траве. Ты смотришь сначала на поле и, в ту же секунду видишь каждую травинку, каждую землишку по отдельности. Под каждым камнем, около каждого корешка кишит жизнь, не особо приятная тебе, от микроскопических тварей до муравьев, от сороконожек до различного вида жучков и паучков. Чуть глубже есть змеи, неслучайное количество личинок мух и других насекомых. Это поле напитано жизнью, словно мокрая губка напитана водой. Ты делишь это пространство с миллиардом видов других жителей, о которых предпочитаешь не знать. Рассмотрев внимательно поле, ты теперь смотришь на себя таким же магическим зрением, и так же видишь нескончаемое множество различной жизни внутри своего тела и на его поверхности. От бактерий и микробов, до микроскопических паразитов. Они живут своей жизнью, даже не посоветовавшись и не спросив твоего разрешения. Ты тоже об этом знаешь, но предпочитаешь не знать. Так и люди, впечатленные обилием подробностей нашего мира, который они способны видеть по-другому, при помощи магии, решили все забыть и не видеть. Ведьмы стали редкостью, магическое видение стало тайной, не потому что это является тем, что человек не познал. Магия является тем, что человек отказался помнить....

Кати Беяз

- **Беяз Кати**

- Введение

- Утопленница

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Бес из леса

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Вишневый пирог

■ Глава 1

■ Глава 2

■ Глава 3

■ Глава 4

○ Лучшая подруга

■ Глава 1

■ Глава 2

■ Глава 3

■ Глава 4

○ Чертово Колесо

■ Глава 1

■ Глава 2

■ Глава 3

■ Глава 4

○ Книга Вторая

Беяз Кати
Мемуары Ведьмы
Книга Первая

Введение

Представь, что ты лежишь на зеленом поле молодых побегов и рассматриваешь кучевые облака, скопившиеся над лесом. Вдруг, к тебе приходит способность увидеть поле таким, какое оно есть без скрытых тайн, так как его видят ведьмы. Ты закрываешь глаза и поднимаешься в воздух, переворачиваешься и смотришь вниз, видишь сверху себя, беззаботно лежащую на траве. Ты смотришь сначала на поле и, в ту же секунду видишь каждую травинку, каждую землишку по отдельности. Под каждым камнем, около каждого корешка кишит жизнь, не особо приятная тебе, от микроскопических тварей до муравьев, от сороконожек до различного вида жучков и паучков. Чуть глубже есть змеи, нескладное количество личинок мух и других насекомых. Это поле напитано жизнью, словно мокрая губка напитана водой. Ты делишь это пространство с миллиардом видов других жителей, о которых предпочитаешь не знать. Рассмотрев внимательно поле, ты теперь смотришь на себя таким же магическим зрением, и так же видишь нескончаемое множество различной жизни внутри своего тела и на его поверхности. От бактерий и микробов, до микроскопических паразитов. Они живут своей жизнью, даже не посоветовавшись и не спросив твоего разрешения. Ты тоже об этом знаешь, но предпочитаешь не знать. Так и люди, впечатленные обилием подробностей нашего мира, который они способны видеть по-другому, при помощи магии, решили все забыть и не видеть. Ведьмы стали редкостью, магическое видение стало тайной, не потому что это является тем, что человек не познал. Магия является тем, что человек отказался помнить.

Имена некоторых персонажей в данной книге изменены или умышленно не называются.

Утопленница

Глава 1

Я выросла в деревне, чему несказанно рада. Только в деревне получаются хорошие ведьмы с истонными знаниями в нужной среде.

Мы вышли из дома чуть за полночь. Бабушка взяла фонарик и вручила мне самодельную черную свечу со спичками. На улице было очень приятно, ярко светила луна и трещала саранча. В темноте ночи хорошо различалось поросшее поле, которое переливалось словно гладь озера от любого дуновения ветра и светлая дорога вдоль него. На горизонте виднелась череда черного леса, словно стена какого-то загадочного старинного замка. Я посмотрела на небо и застыла в изумлении. В такие часы на черном небе часто присутствовали сиреневая и бледно-желтая туманности, в которых, словно в рыболовных сетях, запутались миллиарды ярких звезд.

Я любила темноту, мне не было страшно находиться в ней ни дома, ни на улице. Она укутывала меня и я, словно кошка, чувствовала в ней себя более защищенной. Я не могла толком объяснить тогда эту чистоту воздуха, когда все вокруг спали. Но для меня ночное время с полуночи до предрассветных часов было таким, словно кто-то, наконец, выключил телевизор, по которому давно закончились все передачи, и просто шла рябь на пару с неприятным шипением. Так вот, когда такой телевизор выключают, начинается тишина, которая так приятно успокаивает слух. Словно воздух стал чище без человеческой суеты, пустых мыслей и шумных разговоров. Без электрического света это состояние свободы и легкости усиливалось, и я порой испытывала настоящую эйфорию внутри себя.

Мы вошли в густой смешанный лес, где огромные шелестящие шапки деревьев так завораживающе блестели и словно приветствовали нас в своем царстве.

Бабушка хвалила меня за такие ощущения от ночи.

— Только ночью можно увидеть свечение предметов, — говорила она, — Человек, сам того не ведая, наделяет неживые предметы энергией, когда испытывает сильные эмоции, соприкасаясь с ними.

— Как он наделяет их? — поинтересовалась я.

— Любой человек — это мощный источник энергии, которую он выплескивает своими необузданными эмоциями вокруг, на окружающие его, по сути, неживые предметы. Зачастую сами предметы, сильно напитавшись человеческой энергией, становятся в каком-то смысле живыми. У многих бывало, что в

ожидании любимого фильма по телевизору или песни по радио, вдруг аппаратура начинала работать с помехами. Чувствительные телевизионные и радиоантенны, соприкасаясь с нашими эмоциональными выплесками энергии, просто переставали ловить чистые сигналы. А нам казалось, что весь мир против нас, когда мы сами были себе помехой, — подытожила она красочным для подростка примером, для которого телевидение — это целая жизнь.

Но, откровенно говоря, мне казалось тогда это миксом лекции по радиоэлектронике и сомнительными идеями о невидимых энергиях. В независимости от того, верю я ей или нет, она учила меня контролировать свои эмоции и направлять энергию в нужное русло, а не засорять ею пространство, что на тот момент у меня плохо получалось не только на практике, но даже в теории.

Конечно же, по ее мнению, растения тоже обладали живой энергией, особенно лесные деревья. Эта энергия, по словам бабушки, сильно отличалась от человеческой. Она имела салатово жёлтый цвет, и если б человек мог её видеть, то деревья бы в ночном лесу светились, словно фосфорные.

— Эта энергия балансирует человека, она необыкновенно полезна для нас, — с особой важностью снова подчеркнула она. И я в нескончаемый раз слышала от нее сожаление, что человек не способен ни видеть, ни понимать всю её значимость. Но без доказательств и примеров все воспринималось так, словно меня заставляют выучить наизусть стихотворение, смысл которого мне совершенно неясен. Часто ответно моё подростковое всезнание препятствовало такому заучиванию и подавало голос.

— А ты её видишь? — спросила вдруг я. — Здесь и сейчас видишь?

— Да, если прищурить глаза, то вижу, — спокойно ответила бабушка.

— Но если только ты её видишь, а все остальные нет, как же ты можешь наверняка знать, что она существует? — не то чтоб с ноткой, а, пожалуй, с целой гаммой недоверия спросила я.

— Летучая мышь почти слепа, она пускает сигнал и получает его обратно, когда тот отразился от препятствия и преобразился. Для летучей мыши это норма жизни. Возможно, она сильно растеряется, если потеряет этот навык и приобретет острое зрение. Но если она не потеряет своё природное умение, а к нему приобретет острое зрение, то начнет описывать окружающий мир

несколько иначе. С того момента для неё самой этот мир станет яснее, тогда как для других летучих мышей её слова о мире станут более туманными.

Я автоматически прищурила глаза и посмотрела на величественные стволы деревьев и богатую крону, чернеющую на фоне еще более черного ночного неба. Конечно, я не увидела никакого свечения, но пример мне показался очень убедительным.

Около озера повеяло прохладой, и некоторые сорта рано пожелтевших деревьев рассказали нам своим видом, что через месяц начнется настоящая осень. Как только мы подошли к краю воды, бабушка осмотрела местность орлиным прищуром, и показала мне жестом не шуметь. Я напряглась и стала пристально рассматривать озеро.

В деревне стали поговаривать, что рыбаки еще до восхода солнца видят призрак девушки в определенном месте этого озера. У нас в округе утонула одна девушка, говорили, она была влюблена в красивого молодого человека, который оказался ловеласом. Он настойчиво ухаживал за ней, но когда добился взаимности, резко переключился на другую особу прекрасного пола. Девушка долгое время тяжело переживала предательство, почти ни с кем не разговаривала и не выходила из дома. А когда ее суженый связал себя законным браком с новой пассией, сердце девушки не выдержало. Рано утром она ушла купаться на озеро, после этого живой ее уже никто не видел.

Но после смерти люди начали видеть её сгустком тумана на зеркальной водной глади. Белый силуэт напоминал хрупкую фигуру в ночной рубашке, который медленно передвигался со стелящейся предрассветной дымкой. Другие слышали тихую песню тонким женским голосом, доносившуюся до них. Рыбакам никогда не удавалось обнаружить направление, откуда мог доноситься звук, но им всегда казалось, что тихая песня окутывает их, и тонкий голос слышен практически отовсюду. Они описывали это так, словно звук равномерно окружал лодку либо же звучал выборочно в ушах кого-то из рыбаков.

Это были первые описания присутствия призрака на озере. Позже из них родились другие истории, более похожие на деревенские выдумки. О том, как призрак хватал рыбаков за шиворот и тянул прочь из лодки прямо посреди озера. Особенные фантазеры приукрашали события бездонными черными впадинами вместо глаз на прозрачном смертельно белом лице. Были так же повествования об обнаружении мокрых женских босых следов в лодке с кусками грязи и обрывками тины.

Мои мысли в напряженном наблюдении за озером прервало

жужжание прямо над левым ухом. Я откинулась вправо, чтоб не заполучить укус от явно большого летающего насекомого. Когда вдруг увидела, что жужжание издавала моя собственная бабушка. Преподнеся деревянную прищепку с какой-то леской ко рту и зажимая зубами ее часть, она издавала абсолютно правдоподобный звук. Я шепотом спросила:

— Зачем это? Чтоб призрак принял нас за пару шмелей?

— Для настройки нашего мозга, чтоб мы могли применить другое зрение, подобно летучей мыши, — слышался тихий ответ.

Сосредоточившись снова, я продолжила наблюдение, но, по правде сказать, уже в более расслабленном состоянии. Звук увесистого шмеля и в самом деле расслаблял, и мои ноги и руки немного онемели, а шея даже налилась свинцом. Мне казалось, что голова намного тяжелее обычного, ко всему веки мои то и дело норовили опуститься.

Мне стало невмоготу сидеть и сильно захотелось прилечь, как вдруг я обратила внимание на большие скопления тумана в одном месте на поверхности воды. Он собирался в сгустки, которые начинали двигаться быстрее общего потока. Затем один из них стал удлиняться ввысь и превратился в различимый женский силуэт. Он скользил по воде и будто искал глазами кого-то на противоположном берегу. Затем голова призрака стала поворачиваться в нашу сторону, и я увидела белое лицо с черными дырками вместо глаз и рта. Это зрелище заставило меня затаить дыхание. Я попыталась взять себя в руки и проанализировать ситуацию. «Зачем мне бояться этого тумана, напоминающего женщину и устрашающее лицо? Это всего лишь туман и моё воображение». Но тело совсем не слышало этих отрезвляющих мыслей. Меня резко бросило в пот, а затем я ощутила сильный трепет во всем теле. Еще больше страха мне придавало осознание того, что это невыразимо жуткое лицо ищет в темноте кого-то, и, стало быть, вскоре найдет, если я не перестану так сильно дрожать. В это мгновение внутренняя паника во мне пересилила, и я ринулась бежать прочь от озера предположительно в сторону дома.

Бабушка немного оторопела от моих неожиданных действий и спустя мгновение помчалась за мной. Она остановила меня резким движением уже в лесу и прижала к дереву. Ничего не понимая, я услышала ее поспешный шепот прямо на ухо о том, что призрак нас увидел и последует за нами в деревню.

— Ни в коем случае нельзя показывать ему путь, так как призраки не знают дорогу домой, умерев вдаль, — в спешке прошептала она.

Мы сидели на корточках, облокотившись о широкую сосну. Бабушка шепнула мне закрыть глаза, если я боюсь, что я и сделала. Но с закрытыми глазами страх не только не исчез, а, кажется, многократно усилился. Вдруг я почувствовала неимоверно ледяное прикосновение к моей шее. Это была рука, нежная женская и мертвецки холодная мокрая рука. Я чувствовала, как вода с нее стекает по моей спине под платьем. Она ледяными каплями, словно тонкими бритвами, резала мою кожу и заставляла конечности неметь от ужаса. Такого жутчайшего прикосновения я никогда не чувствовала в своей жизни.

Не помня ни единого указания, я вскочила и принялась бежать со всех ног. Даже цепкая хватка бабули была не в силах меня удержать.

Всё теперь мне казалось угрожающим. И высоченные деревья, словно стражи, молча наблюдающие за мной. И огромная луна, светящая как прожектор, который четко указывал моё местоположение настигающему призраку. Бежать по ночному лесу было очень страшно, однако, в разы страшнее тогда было для меня сидеть на месте без единого движения. Дорога домой показалась невероятно короткой, но невыразимо страшной. Толком, не помня, как добралась до деревни, я увидела такой теплый и знакомый силуэт нашего дома, и принялась колотить в дверь, боясь даже украдкой обернуться назад.

Сонный дедушка открыл мне, и я быстро захлопнула за собой дверь, тут же высунувшись в окно и поджидая бабушку. По песчаной дороге бежала темная фигура. Немного косолапая, она словно и не сильно торопилась. Моя бабушка была своеобразных форм и в свете луны на фоне желтой дорожки, я впервые поняла почему. Ее хрупкие щиколотки переходили в довольно широкие бедра, живот и плечи. А руки, словно тонкие кисточки, болтались, повинаясь любому колебанию тела. Если вы можете вообразить разницу между бабочкой и ночным мотыльком, то моя бабушка была плотным ночным мотыльком с тонкими крыльями изящной бабочки.

Эта картина быстро расслабила мой воспаленный страхом мозг, и мне заметно полегчало. Я с ловкостью помощника, который перелистывает ноты пианисту, открыла бабушке дверь и, впустив ее, снова заперлась на ключ.

— И что это было? — отдышавшись, спросила бабушка, — ты хоть свет погаси, для приличия!

Я сию же минуту выключила свет. Дедушка посмотрел на нас, замотал головой и, слегка шоркая тапочками, пошел обратно в спальню. Было как-то слишком тихо, и спустя время мне показалось, что теперь я в совершенной безопасности.

Высунув полголовы из-за шторы, я взглянула на освещенную луной проселочную дорогу. Там было спокойно, пусто и почти безветренно. Я пристально всмотрелась вдаль дороги, затем в поле, которое все еще блестело от пригнувшихся полевых трав. Я внимательно рассмотрела все освещенные места улицы и самые темные ее уголки. Призрака не было, ничего не шевелилось, кроме поля, неизменно напоминающего поверхность ночного озера. Создавалось ощущение, что, то, что я видела, никогда не было реальным. Как же все-таки уникально устроен наш мозг, он в абсолютном контроле за то, что нам видится и слышится. Если увиденное мной не нравится мозгу, если оно угрожает ему стрессом и ведет к ненормальности восприятия реальности, то по сему, легче просто удалить эту информацию раз и навсегда.

— Ты чего так испугалась? Вроде не из робкого десятка! — немного позже заговорила со мной бабушка.

— Как из-за чего? Ты не видела этой жуткой женщины? А как она схватила меня? — я дотронулась до своей шее, обозначая то самое место, где мертвецкая рука меня коснулась.

Конечно, слово «схватила» было сильным преувеличением, но только оно могло выразить словесно всю угрозу от призрака, которую я испытала на себе в ту ночь.

Бабушка явно была в недоумении. Оказывается, она видела лишь еле различимое облачко в женском силуэте. Никаких жутких подробностей моего видения и тем более касаний она не почувствовала, и была очень удивлена моим подробным описаниям нашего ночного происшествия.

Наутро мы узнали, что собака Максима, того самого ловеласа, что бросил несчастную девушку, сбежала из дома. Ее никто не мог найти. День я провела в саду, чувствуя вину за пропавшего пса. Мне не хотелось связывать это с тем, что я привела призрак утопленницы в деревню, но я никак не могла отделаться от этой мысли. Пару раз я выбегала за пределы двора, и пыталась самостоятельно разыскать пропавшего Шерифа. Так в моих душевных и физических метаниях незаметно подкрался вечер, и меня снова охватил панический страх. Я долго не могла уснуть и много раз ходила проверять заперта ли дверь на ключ.

Бабушка сидела на уютной скамье у окна, и в свете ночной лампы плела из шерстяных красных ниток какой-то узор. Я подошла к ней, и, спустив подушку на пол, села у ее ног. Мне совсем не нравилось, что в этой ситуации самым плохим

персонажем становилась я сама, приведя призрак в деревню. Поэтому я решила поговорить о происшествии, убедив себя и бабушку в своей невиновности.

— Почему душа этой девушки выглядит так устрашающе? — завела я тему. Это не было вопросом, на который мне нужно было обязательно получить ответ, но это было оправданием моим действиям. Где-то в моём сознании поселилось твердое убеждение, что все призраки страшные.

— Душа, искривленная предательством, именно так и выглядит. У девушки нет больше ее прекрасного тела, которое способно скрыть истинное состояние души, исковерканное болью измены. Теперь она выглядит именно так, с какими чувствами покинула наш мир.

— Значит, она не была хорошим человеком? — почти утвердительно сказала я.

— Я никогда не учила тебя делить людей на плохих и хороших, — резко отодвинувшись телом в сторону, взглянула на меня бабушка, — но мы способны сделать кого-то плохим, стараясь показать себя в лучшем свете. Стало быть, ты винишь себя за что-то?

Одним махом все карты были раскрыты, и мне только оставалось сознаться.

— Я нарушила твои указания и привела призрак в деревню, который что-то сделал с бедным Шерифом, — протараторила я.

— Не волнуйся, рано или поздно кто-то бы привел ее сюда. А Шериф просто испугался и убежал, я уверена, он жив и совершенно точно вскоре вернется обратно. Меня больше волнует другое! Если призрак дотронулся до человека, то это значит, — тут бабушка выдержала паузу, что б видимо нагнать страх на меня и принудить к послушанию в будущем. — Тогда это значит, что призрак наделил человека силой, и теперь тебе лишь достаточно получить знания, чтоб стать хорошей ведьмой. Однако какой путь ты выберешь, решать только тебе. Люди с силой, но без знаний часто выбирают ложный путь.

Благодаря этому разговору моя совесть совсем перестала грызть меня, но появилось много других вопросов. Уже лежа в кровати, я повторяла в голове слова бабушки про силу и даже пыталась как-то почувствовать ее в себе. Видимо, в этих попытках аккумулировать свою свежепребретенную сверхсилу, я незаметно для себя уснула.

Только бабушка испекла утренние блины, и мы сели завтракать, как в нашу дверь постучали. Бабушка открыла, и я услышала встревоженный женский голос.

Наш дом был хорошо известен, как дом ведуньи, и многие односельчане приходили сюда за бабушкиным советом, иногда за лечением, чаще за помощью в решении жизненных и семейных проблем.

Женщина прошла к нам за стол, и дедушка налил ей ароматного чая с бергамотом. Это была жена Максима, того самого мужчины, по вине которого утопилась девушка. Ольга была немного грузного телосложения, с короткими темными волосами и непонятного цвета глазами. Сейчас в свете окон они казались серыми, но когда она только зашла, я была уверена, что она обладательница ярких карих глаз. Тараторя, она принялась рассказывать нам свою ночную историю, от которой у меня снова забегали мурашки по коже.

Сразу после полуночи она проснулась от каких-то звуков за окном. Повернув голову, женщина обнаружила, что мужа рядом нет. Она встала и прошла по тускло освещенному дому.

— Он словно оловянный солдатик стоял и смотрел в одну точку, — напряженно вспоминала Ольга, — а около дома все быстрее и настырнее мелькало что-то белое. Оно маячило то в одном окне, то в другом. От этого движения был слышен шелест кустов под нашими окнами, и порой тихое постукивание в стекло. Муж стоял не моргая, было видно, что он увидел нечто, повергшее его в настоящий физический ступор. Я металась от окна к окну и пыталась рассмотреть, кто там такой смелый бродит и пугает нас. Но это нельзя было назвать обычным словом «бродит». Это существо перемещалось необыкновенно легко и быстро. Шагов не было слышно, лишь иногда шуршание зелени. Создавалось впечатление, что оно летает по воздуху, слегка касаясь земли. И я тоже на мгновение окаменела от ужаса, но мне, как человеку сильному, совсем не хотелось впускать в себя страх. Всеми силами я убедила себя, что кто-то зло шутит над нами. Наконец, устав от этой игры в прятки, я открыла окно и закричала: «Кто там бродит? Выходи уже, разберемся!» Вдруг совершенно внезапно кто-то невидимый жестоко схватил меня за волосы и вытянул из окна по пояс. Я пыталась освободиться от хватки, но все мои махи рук вокруг волос проходили по воздуху, без каких либо препятствий. Внезапно, прямо перед моими глазами возникло чье-то лицо из белого дыма с двумя огромными черными дырам вместо глаз. Я пыталась кричать, но из моего горла ничего не вырывалось кроме шипения. Не знаю, сколько это продолжалось, но вдруг все стихло. Я упала на подоконник, а

затем сползла обессиленная на пол. Меня трясло то ли от холода, то ли от приступа жара, но я совершенно не могла заставить свое тело слушаться и прекратить дрожать как осиновый лист. В надежде на помощь я повернулась к мужу, но его уже не было в комнате. Я собралась с силами и выползла в коридор, где он стоял точно так же, словно зомби, но уже напротив входной двери. Я опять попыталась кричать, но снова не смогла. Моё горло было чем-то сдавленно, а все звуки, которые я пыталась произвести сходились лишь к змеиному шипению. Ничего кроме этого хрипа я не могла из себя извлечь. Муж совсем не двигался, а за дверью кто-то скребся и говорил моим собственным голосом «пусти меня,пусти меня...» Это было совершенно дико и неопишимо страшно — слышать свой голос за закрытой дверью. Я сама застыла в окаменении, таращась на дверь. Мои мысли смешались в бурю непонимания, мозг отказывался давать команды, а тело выполнять их. И вот я уже видела, как он потянулся открыть дверь, но не могла его остановить. Меня парализовало как телесно, так и мысленно. Не помню как, но я собралась с силами и напала на него. Обхватив его руки, я всем своим телом повалила довольно высокого мужчину на пол. Тут он стал вырываться, и так мы проборолись до первого крика петуха. Затем все стихло, и муж внезапно успокоился, его тело приобрело мягкость, а лицо уставший и сонный вид. Подняв его с пола, я отвела Максима в спальню и уложила на кровать. Вскоре я снова смогла говорить, и сразу пришла сюда. Сейчас он спит. Я ни о чем не успела его расспросить, но если такое повторится опять, даже не знаю, как пережить следующую ночь, — не сделав ни одного глотка чая, закончила Ольга.

Ее рассказ привел меня в ступор. Я прекрасно понимала, о каких глазах, как черные дыры, шла речь, и не могла заставить себя съесть завтрак. Словно ком застрял в моем горле, вдобавок бабушка то и дело искоса поглядывала на меня. Дед привык к таким посетителям, и рано удалился со своим завтраком и стопкой газет в сад. Бабушка сделала несколько глотков и сказала, что впускать призрак, разумеется, нельзя. Так же она, казалось, была сильно удивлена такой силе и агрессии ночной гостьи, пожелав увидеть женщину еще раз вечером.

— Что мы будем с этим делать? — ошарашенная утренними новостями, спросила я.

— Я собираюсь приготовить магический оберег, который необходимо будет поместить под порог с наружной стороны. То есть поднять доски и вложить внутрь на уровне дверного проема, так чтоб он охранял границу дома с улицей.

В три часа по полудню мы с бабушкой спустились в погреб.

Наш погреб под полом в кухне был совершенно таинственным местом. Я всегда с большим воодушевлением спускалась туда и рассматривала, словно в музее, аккуратно разложенные, развешанные и расставленные среди закаток и варений магические предметы. В эти часы в погреб попадали мягкие солнечные лучи, и когда тяжелая дверь в полу открывалась, то малиновое варенье начинало светиться изнутри насыщенным бордово алым цветом. Банки со сливовым на просвет давали невероятно красивый и глубокий фиолетовый цвет. Между ними висели перемотанные тонкой бечевкой кустики с сухими травами, которые тоже в зависимости от семейства и степени засушки приобретали различные оттенки от припыленного до темно-зеленого цвета. Всё это буйство красок открывалось моему взору, только я попадала в это тайное место, и мне всегда было недостаточно времени на детальное его изучение. Чуть поодаль от входа и дневного света находились полки с кристаллами. Их было очень много, разных размеров, цветов и назначений. Я знала, что некоторые из них даже измельчались в пыль и добавлялись в колдовское питье. Полки с ними выглядели потрясающе красиво, на них никогда не попадал прямой луч солнца, и в этой полутени они блестели невероятными одиночными вспышками искр. Я не в первый раз застыла перед ними, ловя эти разноцветные переливы, но бабушка хлопнула меня по плечу, и дала понять, что надо подниматься обратно. Я ловко развернулась в тесной комнате и посмотрела на ее медную миску, полную тонких веточек и трав. Некоторые из них были неестественно длинными и напоминали обрывки лиан, о которых я знала по картинкам в атласе мира. Однако на бабушкиных лианах виднелись мелкие шипы и красные ягодки. Другие были тонкие словно нити, третьи короткие прямые палки. Мы поднялись из погреба, и яркое солнце слегка ослепило меня. Бабушка отдала мне свой начищенный медный тазик и захлопнула толстую деревянную крышку погреба.

Затем, уже на кухне, уютно усевшись в лучах летнего солнца, бабушка стала плести из них человека. Туго стягивая все прутья, у нее в руках получился коричневато-зеленый человек довольно искусного плетения. Она вставила два красных глаза из рябины в его лицо и заговором приказала никого не живого не впускать в дом, никого живого не выпускать из дома, коль тот спешит навстречу смерти своей. Все заговоры она говорила на колдовском языке, который был мне не понятен, но если я интересовалась о чем то или иное заклинание, то мне всегда предоставлялся точный или приблизительный перевод, произнесенных ею слов.

Во второй половине дня Ольга явилась за оберегом и, с некоторым пренебрежением покрутив плетеного человечка в руках, сухо поблагодарила нас.

Просидев на веранде весь вечер, мне совсем не хотелось заходить в дом, даже когда начало темнеть. Я прислушивалась и присматривалась, пытаюсь понять, покинул ли призрак деревню. Перед нашим домом открывался изумительный и так мною любимый вид. Довольно уютное поле с дикими травами и цветами, за которым красовался величественный темный хвойный лес. Этот пейзаж в любое время суток и года потрясал воображение своей красотой, и сейчас на закате поле играло красками бело-синих оттенков. Люпин и Валерьяна лекарственная разрослись здесь, возвышаясь над травами, с безупречным вкусом дополняя друг друга. Вдруг я заметила, как фиолетово-синие свечки Люпина в одном месте поля сильно раскачались, и витиеватой линией колышутся из стороны в сторону от чьего-то прикосновения. Я привстала, с любопытством разглядывая поле. Мельком в насыщенной зелени вечерних трав появились знакомые серо-коричневые бархатные ушки Шерифа. Ликуя, я вскочила и понеслась к нему на встречу. Пес, услышав мои радостные крики, тоже прибавил ходу, и мы встретились на обочине дороги, разделяющей наш дом и поле. Я была так счастлива, что пропавшая собака нашлась, что мне показалось это знаком благополучной концовки истории с призраком, хотя на самом деле все еще только начиналось.

Прошло несколько дней, наша гостья не приходила, и я всерьез стала верить, что бабушке удалось прогнать заблудившийся дух. На третий день вечером раздался стук в дверь, и в дом снова зашла Ольга. Однако весь ее вид был изрядно потрепан, на ладонях просматривались ссадины, а лицо казалось сильно измученным. Она гневно кинула плетеного человека в мою бабушку и окатила ее бранью. Оберег отскочил от бабулиной груди и упал на пол.

— Погоди, присядь, объясни все толком, — успокаивала ее бабушка, — с чего ты взяла, что я тебя в могилу решила свести? Сядь, дочка, сядь, расскажи все!

Та, наконец, села и расплакалась. Закатив рукава широкой рубахи, она показала ужасные синяки и царапины у себя на руках. Отодвинув темные волосы по плечи, женщина открыла свою шею, усеянную желтыми и зелеными следами от чьих-то пальцев. Оказалось, что с самой первой ночи, после того, как плетёный человек был подложен под пол, муж, доходя до двери на зов утопленницы, разворачивался ровно с места, где был положен оберег и шел обратно. Глаза его были налиты кровью, а руки,

словно колючие ветки, тянулись к ее шее и начинали душить. С криком первых петухов Максим ложился в кровать и засыпал. Наутро он ничего не помнил, кроме женского зова за окном. Его психика пошатнулась, и вечерами он начал регулярно употреблять спиртное, то ли, чтоб заглушить боль потери, то ли от страха, овладевшего им.

На третий день женщина не выдержала и вытащила из-под порога плетеного человека.

— Когда я открыла половицу, то не поверила своим глазам. Моя рука отдернулась, в попытке взять оберег. Он был совсем другой и уже мало походил на то, что ты мне дала для охраны.

Бабушка нахмурила брови и посмотрела на пол, туда, где упал ее оберег. Теперь его было совсем не узнать. Руки плетеного человека были размотаны, они напоминали длинные растопыренные в разные стороны щупальца, усеянные мелкими шипами. Его рябиновые глаза казались совсем обезумевшими, в них вплелись тонкие ветки, словно вены и дали ростки. Я сделала шаг назад, сторонясь этого чудища, как вдруг его глаза шевельнулись и уставились прямо на меня. Это произошло так быстро, что мне, оказалось, достаточно трудно признать реальность происходящего. По сей день я не могу ответить себе на вопрос, действительно ли это существо посмотрело на меня тогда или его взгляд был всего лишь плодом моего воображения.

Глаза бабушки заметно раскрылись от удивления, затем она прищурилась и свернула губы в трубочку. Всем нам теперь плетеный человек виделся иным, чем-то злобным, а не оберегающим. Он, казалось, жаждет чьей-то крови с этим рябиновым взглядом и ужасающе длинными растопыренными ветками-руками.

— Тебе, баб Валь, люди жизнь свою доверяют, а ты... — протянув последние слова и качая головой, пожаловалась женщина.

— Тут что-то не так, Ольга, мне надо...

— Ладно, чего там, оправдаться можно по-всякому, а кто мне здоровье вернет и рассудок любимого мужа? — перебила та бабушку.

— Мне надо подумать, что там у тебя произошло на самом деле. И покамест я не могу говорить пустого и придумывать небылицы, — сухо ответила бабушка, стараясь игнорировать давление недовольной клиентки, — а ночевать вам с мужем лучше вне своего дома сегодня.

Ольга подняла брови, напрягла губы и повернула голову в бок, выражая своим видом глубокое разочарование в способностях ведуньи. Она вышла из дома, не произнеся больше

ни слова, но из открытого окна до нас снова донесся ее осуждающий тон.

Бабушка сидела с задумчивым лицом, глядя в пол. Затем глубоко вздохнула и взяла плетеного человека газетой, велев мне не выходить из дома и не смотреть в окно. Разумеется, я ее послушалась.

Здрав ноги, я уселась на кровати в углу и стала изображать в большом альбоме для рисования плетеного человека. Вскоре я услышала звук разгорающегося костра и говор моей бабушки. Я прекратила рисовать, отложив все в сторону, и напряглась всем телом, стараясь услышать немного больше из того, что происходило во дворе. Бабушка в свою очередь тараторила что-то на неизвестном мне языке, как вдруг послышался визг, самый настоящий визг! На секунду я подумала, что это она, но сквозь череду визжаний, я все еще могла слышать ее невнятное бормотание. Мне стало не по себе, и средь бела дня мои руки покрылись мурашками. Затем все звуки смолкли, и я почувствовала запах жженных перьев, такой, словно дед только что опалил курицу. Потом запах совсем исчез, как и не было, и в дом зашла бабушка, а вместе с ней на языке появился горький привкус полыни.

— Кто это визжал? — с порога спросила я.

— Оберег визжал, — как-то подавленно ответила она.

— Так он был живой? — с ужасом спросила я, отклонившись спиной назад, словно меня отпихнули не рукой, а произнесенными словами.

— Да, живой. Он, конечно, не станцевал бы тебе лезгинку, но заставить одного человека убить другого, он вполне смог бы. Иди лучше принеси мне кое-какие вещи из погреба.

Глава 3

Когда я вернулась со всем необходимым, бабушка уже разложила на столе белый платок, на котором было что-то вышито. Приблизившись и присмотревшись к золотой вышивке, я обнаружила перед собой самую настоящую пентаграмму. На молочном шелке античным люрексом была вышита пятиконечная звезда с магическими знаками в центре каждого из лучей, и одним большим символом посередине.

Я немного оторопела, ведь этот знак всегда ассоциировался с нечистой силой, и по моим соображениям на полных правах причислялся к черной магии. Бабушка заметила мой взгляд и расплылась в улыбке.

— Магия не может быть чёрной или белой, магия она и есть магия. Вот мысли человека — это совсем другое дело. Именно наши мысли имеют определенный цвет и оттенок, подобно умению разжигать костер, который в одних руках способен согреть, а в других сжечь дотла, — пояснила она.

Разгладив руками немного примятый шелк, она даже выдохнула в сторону, дабы не нарушить гладкость привередливой ткани, и продолжила:

— Приемы же в магии примерно одинаковы, и перед тобой сейчас один из самых мощных колдовских символов. Были времена, когда этот знак нарочно приписали к чернокнижию, что было лишь попыткой запугать людей, в надежде, что они забудут, как пользоваться этой невероятной силой. Впрочем, надежды оправдались.

Бабушка взяла фиолетовые кристаллы и поставила их по краям знака. В центр она поместила толстую свечу темно-зеленого цвета, которая была явно самодельной. В ней прорисовывались мелкие детали трав и даже цветочков, её поверхность не была идеально ровной, а больше походила на кусок тёмного теста или глины. Я могла даже различить отпечатки пальцев того, кто её лепил. Любования свечой были остановлены треском травы, которую бабушка разожгла для ритуала. Плающая бледно-голубая веточка приблизилась к свече и всё зеленое туловище той будто бы ожило. Оно стало местами

прозрачное, с увековеченными навсегда остатками полевых цветов и трав, из отвара которых она была когда-то изготовлена. Бабушка дала свече разгореться и прочла заклинание, состоящее из трех коротких слов. Я даже улыбнулась, ведь мне показалось, что она шутит, забавляя меня детским стишком типа «абракадабра»... Но бабушка казалась сосредоточенной и серьезной. Она задула огонь на ветке, все еще держа ее в руке, и в то же мгновение от травы стал исходить темный дымок тонкой струйкой вверх. Ведунья поднесла ее к одному из лучей пентаграммы — та по прежнему дымила, затем ко второму лучу, к третьему и вдруг на моих глазах тающая в воздухе струя дыма устремилась не вверх, как положено по всем законам гравитации, а прямо вниз, прямо в центр одного из магических знаков. Это было таким завораживающим и неподдающимся никакому объяснению, что мне показалось, будто в этом месте отверстие, через которое сквозняк уносит дымок куда-то под пол. Я почти рефлекторно наклонилась и заглянула под стол. Отверстия, разумеется, не было, но когда я снова взглянула на поверхность стола, то наполовину черная ветка травы уже перестала дымить вовсе. Бабушка закончила ритуал, поблагодарив все атрибуты, я же поспешила спросить, что это всё значит?

— Это значит, что моя магия встретила чужую магию, образовав что-то живое, — глубоко вздохнув, ответила она. — Мой магический посыл встретил в том доме другой магический посыл и породил жизнь в плетеном человеке. Эмоции хозяйки дома определили перевес этой жизни в темную сторону.

Нашу клиентку не пришлось долго ждать. Она была человеком резким, порой конфликтным, и даже с родственниками ей не получалось обрести теплоту общения. Ей хотелось поскорее вернуться в свой дом, и она сразу с порога требовательным голосом попросила у бабушки разъяснений.

— Садись, — пригласила она Ольгу к круглому столу, отодвигая стул.

— Ой, давайте побыстрее, и только без этих плетеных игрушек теперь, — напыщенно заявила она.

— С ними или без, свою магию ты сама должна убрать, и я тебе в этом не могу помочь, — спокойно, наливая чай, начала разговор бабушка.

Женщина закрыла глаза, взялась двумя пальцами за переносицу, и сделала глубокий вдох.

— Так, бабуля, давайте по факту, а не фантазийные версии выдвигать.

— Тогда у нас двоих с фантазией всё хорошо. Тебе с сахаром? — не поддаваясь на провокации, продолжала бабушка.

— Да что ж это твориться, я за помощью к ней пришла, а она меня в чём-то обвиняет. Не можете решить проблему, не хватает силенок и знаний, так не надо на меня перекидывать. Мол, я приворожила, так теперь эдакая расплата ко мне пожаловала, — гневно выпалила женщина, вставая из-за стола.

Она резким движением отодвинула от себя стул и направилась к выходу, когда взявшись за ручку двери, замерла в оцепенении. Наступило гробовое молчание, все поняли, что женщина озвучила своё признание, здесь и сейчас. То, что тяготило её долгое время, просто не могло уже оставаться внутри и вырывалось наружу.

— И что будет, если не снять приворот? — после затянувшейся паузы, не поворачиваясь, спросила робким голосом еще минуту назад раздраженная Ольга.

— Мужа твоего призрак, скорее всего, заберёт, но и тебе не советую отныне ночевать дома, — невозмутимо произнесла бабушка, отпивая маленькими глоточками горячий чай.

— Гос-по-ди-и-и-и-и, — раздражённо протянула женщина, поворачиваясь лицом к нам, — так ты сними этот приворот и всё. И я пойду домой.

— Я не могу его снять, он сделан на твоей крови, должен снять тот, кто делал, — не прерывая свою чайную церемонию, ответила бабушка.

— И что, после этого будет? Он уйдёт из дома?

Тут бабушка, наконец, повернулась к нервной гостье лицом, и спокойным, но очень жестким голосом произнесла.

— Я не знаю, что будет после этого! Но если не сделать, то уйдёт он уже не из дома, а из этого мира! Ты это своим образованным мозгом понимаешь? Женщина сложила руки под грудь, подошла к окну и не глядя более бабушке в глаза начала свой рассказ.

— Я влюбилась в него, понимаете вы? Он полностью подходил мне по всем параметрам, он был для меня идеальной парой. Но видно же было, что парень совсем на ней помешался. Один раз на вечеринке я его напоила, и он даже в невменяемом состоянии не смог изменить ей со мной. Вот я и решилась, подумав: «ну девка же она красивая, найдёт себе ещё кучу таких как он, сильно переживать не будет». Вы же сами видели, какой она царицей ходила, сначала не подпускала его к себе, и, стало быть, не заслужила его любви. Такая гордая, королевна прямо, никто же не думал, что руки наложит на себя, — отрывками рассказывала Ольга, — Можно я закурю в окно?

— Кури, — коротко отозвалась бабушка.

— Я поехала к одной колдунье в городе, — затянувшись сигаретой, продолжила она, — мне её многие очень советовали. Она меня тогда спросила трижды, готова ли я принять последствия приворота. Ну, я ж и понимала, что последствия приворота, это наша счастливая жизнь с мужчиной моей мечты. Кто ж хотел понимать под этими словами какие-то другие последствия?!

Она стряхнула пепел за окно и, прищурив глаза от сигареты, а затем, выпустив целое облако дыма, продолжила:

— Я ответила трижды "ДА". Потом она пустила из моего пальца кровь длинной черной иглой. Набрала шприцем и впрыснула в маленькую бутылочку с миниатюрной пробкой. Она написала на листке слова и сказала мне прочесть их. Сама зажгла большую свечу и стала что-то шептать над ней, театрально разводя руками вокруг пламени. Потом дала мне знак, я закрыла глаза и произнесла заговор. После этого послышался сильный хлопок. Я открыла глаза, так и не поняв природу резкого звука, и увидела, как свеча стала коптить черным дымом. Кровь мне было велено смешать с молоком и сделать выпечку. Накормить мужчину, самой не есть. Я всё так и сделала, как раз через день был у него день рождения, и я испекла торт. Как он задул свечу и съел первый кусок, я опрокинула поднос будто случайно. Никто больше торт с приворотом не ел, а Максим в тот же вечер стал моим. Я осталась довольна таким быстрым результатом, — затянувшись еще раз, продолжала она. — Потом эта королевна стала ловить его на улице, я переживала тогда, что он к ней вернётся. Однажды в окно смотрю, он идёт ко мне, а она подбежала, схватила за руку, и он обернулся к ней. Они просто стояли и смотрели друг другу в глаза, не произнеся ни слова. Я тогда сильно испугалась, что она вернет его, а приворот прекратит действовать. Но потом он отпустил её руку и так же молча ушёл. Она ещё минут десять стояла там, а потом мы

узнали, что несчастной не стало. Ущемлено было её королевское самолюбие, что ко мне он пошёл, вот и утопилась, — закончила Ольга.

Мы слушали её в полном молчании. Я постоянно смотрела на бабушку и ждала, когда же она поставит эту мерзавку на место, указав на низость всех её слов и поступков. Но бабушка не произнесла ни слова. Она даже не взглянула ей вслед, выходящей быстрым шагом из нашего дома. Мы молчали, потом бабушка сделала глубокий вдох, и за ним такой же немой и одновременно многословный глоток чая.

— Разве любовь не оправдывает все наши действия? — спросила вдруг я, где-то когда-то слышав такую фразу.

— Когда тебе нравится цветок, ты его срываешь. Но когда ты любишь цветок, ты его каждый день поливаешь. Эта женщина не имеет в сердце любви, она не знает что это такое, и к её действиям любовь не имеет никакого отношения.

Шли недели, месяцы, но Ольга к нам больше не приходила. Деревня у нас была небольшая, однако и на улице мы с бабушкой её не встречали. Пару раз видели её мужа, Максима, который стал жить в доме своих родителей, и меня разбирало обычное человеческое любопытство по поводу их отношений и возможных событий. Моя бабушка не любила сплетен, и подруг, приносящих на хвосте последние новости деревни, у неё не было, поэтому мы оставались долгое время в полном неведении.

Бабушка учила меня, что бывают травы вечерние, ночные и утренние. Одна и та же трава, собранная в разное время суток может обладать различными свойствами. Та, что собрана вечером, никогда не будет использоваться в рецептах для лечения простуды и различного рода недостатка энергий в теле. Но она незаменима в успокоительном чае и настоях от ночных кошмаров. Утренняя трава, собранная в том же месте, что и вечерняя, напротив, могла лечить от усталости и ангины. Возможно, вам покажется, что такие тонкости, как время суток, совершенно незначительны в приготовлении зелья, однако в магии положение солнца и луны на небосводе имеет чуть ли не самое большое значение. В одни часы определенные духи природы бодрствуют, в другие спят и не могут дать траве нужной силы.

Стояло ранее утро, мы возвращались со сбора ночных трав. В

этот раз наш путь лежал на север, поэтому по возвращении, нам необходимо было пройти через всю деревню. Этой ночью было довольно холодно, и я хотела быстрее попасть домой и забраться под своё теплое одеяло. Мы шли по совершенно пустой деревне, было около половины четвертого, когда ещё даже самый бодрый петух сладко спал. Деревня выглядела странной, без единого проблеска света, без движения и звуков. Холодный воздух проглатывал все запахи, и я вправду ощутила себя в каком-то мертвом месте. Не было ни единого ветерка, и никакое шевеление не могло выдать реалистичность картинки. Мы словно шагали по страницам иллюстрированной книжки детских страшных сказок, где талантливый художник нарисовал лишь черные силуэты домов и деревьев на фоне слегка фиолетового от сского восхода неба.

У меня был сложный возраст. С одной стороны мне хотелось познавать тайные магические учения, с другой стороны в моей голове, словно стая неугомонных пчёл, роились вопросы, ответы на которые, порождали ещё больше неугомонных пчёл.

— Почему травяные настои с заговором помогают человеку выздороветь? Мы идём в лес ночью, собираем травы, разговаривая с каждым кустиком, прося его простить нас за то, что срываем и помочь в дальнейшем. Потом сушим эти травы, храним, делаем настои, читаем заговоры. Неужели не легче просто купить лекарства в аптеке? — прервав эту тишину, спросила я.

— Потому что мы забыли, как лечить своё тело. — Спокойно ответила бабушка.

«Ну вот, это произошло снова», — подумала я, — «опять она ответила так, что у меня возникло ещё больше вопросов, чем было в самом начале».

— А как мы лечили своё тело раньше? — Немного раздражилась я.

— Всё в этом мире вибрирует. Если настроить себя, словно музыкальный инструмент, на здоровые вибрации, то тело не будет болеть. Раньше человек знал, как себя вылечить. Он знал, как звучит его идеальная мелодия, здоровая и гармоничная. Общение с природой помогало ему услышать песню своего тела, он понимал, где тело фальшивит и перенастраивал себя, словно музыкальный инструмент. Жаль, что люди перестали испытывать благоговение и трепет перед возможностями Матери Земли,

потому что по-другому себя просто невозможно услышать и понять.

— Но как же настой может изменить их мелодию? — в ожидании замыкания своей логической цепочки, спросила я.

— Настой может вибрировать точно так же, как и человеческое тело. Маг готовит настой здоровой вибрации и даёт его больному человеку. Если человек принимает эти вибрации, то и его тело звучит по-другому, и в итоге становится здоровым.

— Принимает вибрации... То есть принимает настой? Ты так хотела сказать?

— Можно пить литрами настои и не излечиться, если человек не дал команду своему телу принять целительные вибрации. Принять вибрации, в первую очередь, значит поверить в их действие. И позволить своему телу услышать их.

Я многое не понимала тогда, и многие мысли меня тяготили своей неясностью. Бабушка всегда отвечала на мои бесконечные вопросы, но я не всегда могла осознать ее ответы. Многое так и оставалось для меня словами без смысла с налетом мистики.

Мы свернули налево, и перед нами предстала длинная улица с одноэтажными черными домами, в которых иногда проблескивали такие же черные окна. Лишь одно из них в правом ряду было тускло — жёлтым. В этом доме кто-то не спал. Проходя мимо него, бабушка замедлила ход, будто прислушиваясь к звукам, которые могли донестись оттуда, но там было довольно тихо, не было ни голосов, ни шагов. Вдруг, пройдя мимо него, бабушка остановилась, на секунду задумалась, и, словно ведя внутреннюю беседу, повернула обратно.

— Пойдём, спросим, как идут дела. — Сказала она, вроде бы, одновременно и себе и мне.

Я последовала за ней, и она тихо постучала в окно.

Клетчатая кухонная шторка быстро отодвинулась и на нас взглянула круглолицая женщина. Бабушка жестом спросила «как ты?» Женщина, завязывая халат под грудью, ответным жестом сказала «заходи через веранду». Нам открылась дверь и я ликовала, что сейчас окажусь в тепле, отнюдь не сразу узнав нашу клиентку, лицо которой сильно округлилось. Она изменилась не только лицом, и я неприлично долго рассматривала её огромный живот, который выдавал последние месяцы беременности.

Ещё её было трудно узнать без угрюмого и надменного взгляда. Нас угощала чаем доброжелательная, спокойная

женщина, в лице которой угадывались смирение и доброта. Исчезло это давящее выражение надзирателя и судьи, сейчас она виделась мне умиротворенной, и, кажется, даже стыдилась посмотреть лишний раз бабушке в глаза.

— Ты сняла приворот?

— Да, сняла, баб Валя. Сейчас вспоминаю всё, как в тумане. Будто не я вовсе была, когда это делала, как наваждение какое-то. Вернуть бы время вспять, да что там уже говорить... — на её глазах проступили слёзы. — Гормоны у меня, буду плакать много, не обращайтесь внимание.

— Слезы чистят душу, вымывая всё из неё своим потоком. Плакать полезно, вся грязь уходит. — Сказала бабушка, погладив пухлую руку женщины, теперь уже совсем без украшений.

— Я весь день тогда думала о том, что сама рассказала вам, но решимости снять приворот не было. Как только наступила ночь, муж мой пришёл домой очень пьяный и принялся с порога бить меня ладонями по лицу. Я пыталась укрыться от побоев, но в любом уголке дома он настигал меня снова и снова. Я убежала и закрылась в ванной, через минуту услышав, как с размахом открылась и захлопнулась входная дверь. Вся в слезах, решив, что как будет, так и будет, я продолжала сидеть в ванной. Примерно час спустя, снова услышав стук входной двери, я приблизилась к стене своего укрытия. Чтoб понять, один ли Максим пришёл, и в каком он состоянии, я ухом прислонилась к набело выкрашенной деревянной двери, разделяющей ванну и коридор. Сосредоточившись на звуках, я услышала сильный хлопок. Это был звук топора, врезавшегося в дерево прямо над моей головой. Холодный пот выступил по всему моему телу, я отошла от стены и села на ванную в полном оцепенении.

Мой собственный муж рубил сейчас дверь, разделяющую нас, топором. Что было б, если б он её прорубил, один Бог знает. Но на пятом разе он почему-то остановился и снова вышел из дома. Я всё ещё сидела в ванной и боялась лишний раз пошевелиться. Только когда в прорубленные расселины пробился дневной свет, я решила выйти в коридор. Дома никого не было, а весь пол был усеян следами босых ног, выпачканных в грязи и болотной тине. Я уже начала было думать, что мой муж сошёл сума, как обнаружила ещё одни следы. Рядом с мужскими массивными следами, можно было абсолютно ясно различить миниатюрные отпечатки женских ступней. Оторвав свой взгляд от пола, я замерла от непередаваемой словами картины: стены дома, дверные косяки, шторы под потолком и сам потолок был усыпан отпечатками женских рук. Кое-где по ним можно было предположить, что ночная гостья цеплялась за шторы, зависая прямо под потолком, а затем невиданной силой прибитая к нему,

она ползала на коленях, оставляя за собой жуткие отпечатки, неподдающиеся ни одной человеческой логике. Детально изучив их, я поняла, что теперь схожу сума сама.

Мне было невероятно страшно оставаться в этом доме. Возможно, меня мучил вопрос, где и с кем мой муж, но хочу признаться, что спасение собственной жизни беспокоило меня тогда намного больше. Впервые осознав, что не имею настоящих, глубоких чувств к своему супругу, я поняла, что не могу продолжать любить его алкоголиком или сумасшедшим. Более того меня теперь совсем не беспокоила его судьба, если он не мог оставаться прежним, — она остановила рассказ, потупив взгляд в стол, покрытый яркой клеенчатой тканью в кофейные кружки и разбросанные зерна кофе.

Ольга провела растопыренной ладонью по столу, сметая в край небольшие хлебные крошки так, будто пыталась этим жестом очистить свою собственную жизнь от событий прошлого.

— Я быстро собралась и отправилась в город снимать приворот, — глубоко вздохнув, продолжила она. — Сделавшая этот чертов приворот колдунья, весьма удивилась моей просьбе, сказав, что её рецепты очень качественные, и работают долго и верно. Мне не хотелось рассказывать всех подробностей ночи, и я быстро перевела тему, сказав, что просто осталась недовольна браком. Она, многозначительно опустив уголки рта, вытащила из старинной лакированной мебели какие-то листки бумаги, и снова посмотрела мне в глаза, словно желая убедиться в моем решении. Эти неровные листки напоминали разорванный блокнот, обожженный огнём со всех сторон, на которых виднелись отчетливые тёмные капли, по всей видимости, это были капли крови. Она написала на одном из таких листков моё имя и какие-то знаки под ним. В следующее мгновение я снова увидела, как в её руке сверкнула огромная игла. Она сделала жест, прося дать ей одну из моих рук. Немного замешкавшись, я протянула левую ладонь, и она быстрым движением довольно глубоко проколола мне палец. Кровь закапала в хрустальную резную вазочку. Затем она дала мне ручку из черного пера и сказала исписать весь лист сделанной ей надписью, используя вместо чернил свою собственную кровь. Когда последний знак был написан, следившая за правильностью каждой написанной на листе буквы, колдунья, сорвала этот лист со стола и придала огню, что-то приговаривая. Лист догорел дотла, и дело было сделано. Она, не прощаясь со мной, недовольно захлопнула дверь, как только я оказалась на лестничной площадке.

Вернувшись домой, я всё ещё не знала, где искать мужа, жив он или мёртв. Как будто не понимая реальности происходящего, я

прибралась в доме, оттерев всю грязь со стен и даже потолка. Наступил вечер, а его всё ещё не было. Я не могла спать ровно так же, как и боялась идти его искать. Ничего не шло в голову, и я просто ходила по дому без всякой цели. Ровно в полночь раздался стук в дверь, и я поняла, что он вернулся, но какой? В каком состоянии, в каком виде? Внутри меня всё сжалось, и, выдержав паузу, я всё же открыла дверь. Там никого не было, тишина, темнота и больше ничего. Ворвавшийся на мгновение, лёгкий ветерок дунул мне прямо в лицо. Это было так неожиданно, что я закрыла глаза. Открыв их, я вдруг почувствовала какую-то невыразимую тревогу и тоску по мужу. Весь мой страх испарился, и я не могла более думать про себя, все мои мысли были только о том, где он, что с ним, где его искать.

Поспешно засобиравшись, я выскочила из дома, даже не понимая, соответствует ли моя одежда погоде. Я не ощущала более ни холода, ни страха. Единственной моей мыслью было найти любимого человека, возможно ценой своей жизни, но разыскать и спасти его. Эти чувства, вдруг нахлынувшие на меня, словно дикие звери, буквально раздирали меня изнутри. Я не могла больше думать ни о ком, как только о Максиме. Мысль, что больше не увижу его глаз, не обниму любимого мне человека, кололо сердце как тысячи иголок. В моей груди, кажется навсегда, застыл камнем воздух, как только я допускала мысли о его кончине. Вскоре я осознала себя уже бежавшей по проселочной улице, и сама не заметила, как очутилась на пороге дома свекра и свекрови. Свет там все еще горел, и я постучала в спешке несколько раз подряд. Если мой любимый человек не там, то нельзя было медлить ни секунды, необходимо было бежать в лес на его поиски.

Дверь отворила свекровь, она смотрела хмурым взглядом, прижав одну руку к груди так, словно останавливает себя в попытке меня ударить. Сразу поняв, что он у них и отпихнув ее резким движением, я вбежала в комнату, где горел свет. Там сидел свекор, он оттолкнулся было руками от дивана, вставая, но я выскочила обратно в коридор и открыла следующую комнату. В ней было практически темно. На настольную лампу был накинут платок с узорами, и комната очень плохо освещалась, но даже так я могла различить мой любимый профиль. Он лежал на кровати, накрытый одеялом, а у изголовья стояли лекарства и большая железная кружка. Я подскочила к мужу, обняла его и вдохнула всей грудью запах его тела. Это был не просто запах человека, это был живительный бальзам, окутывающий меня целиком и полностью. Внутри я почувствовала эйфорию, и в считанные секунды вся боль ушла. Я абсолютно точно осознавала, что

нахожусь во власти невероятно сильных чувств, настоящей любви, которую никогда и ни к кому в своей жизни не испытывала. Мельком в этом приглушенном свете я смогла заметить, как мои волосы удлинлись и приобрели светлый оттенок, а пальцы утончились и поменяли форму ногтей. Однако у меня не было ни малейшего желания рассматривать себя, к тому же, я не могла прекратить целовать руки мужа. Он проснулся, но всё ещё был очень слаб. Он смотрел на меня, не отрывая глаз, как никогда прежде. В первый раз за год совместной жизни, он гладил мои волосы и лицо, неистово сжимая меня в своих объятиях. Я слышала, как он плакал, укутавшись в мою внезапно преобразившуюся копну волос цвета пшеницы. Всё было как в бреду, опьяненные неземными чувствами, мы провели так всю ночь. И только тогда я любила его так, как не любила никого и никогда. Именно в ту ночь для меня более не существовал воздух, если он не был наполнен запахом любимого человека.

Проснувшись, я обнаружила себя дома. Вскочив с постели, я обсмотрела свои руки и волосы, которые были прежними. Вспоминая подробности ночи, я вбежала в ванную, пристально глядя на себя в зеркало, но все было прежним, ровно, как и мои чувства к мужчине, с которым я провела ночь. Однако я все же что-то приобрела за те бесконечные сутки — такое невыносимое чувство вины, которое теперь казалось гораздо сильнее всех известных мне чувств. Оно физически скрутило мне живот, и я опустилась на колени. Меня даже вырвало, так низко я себя ощущала от содеянного зла. Все эти месяцы это чувство пожирает меня изнутри. Более того, я не могу теперь спать по ночам. Мне каждый раз снятся сны, о том, как сильно я люблю своего мужа, и это чувство больше не окрыляет меня, как в ту ночь, напротив, оно мучительными кинжалами вонзается в моё сердце и заставляет его кровоточить. Меня посещают такие мысли и такие чувства, которых я прежде никогда не испытывала. Они наполняют все мое существо, словно воздух, а затем я каким-то образом оказываюсь в чёрной воде и тону. Задыхаясь, я чувствую, как на смену воздуху приходит холодная вода. Теперь она наполняет меня, тина застревает в моем горле, легкие становятся тяжелее камня и тянут меня все ниже и ниже. Я вижу яркие звезды, отдаляющиеся под толщей воды. Моя спина ударяется о дно, и я просыпаюсь в холодном поту. Вся кровать обычно мокрая, а кроме душевной боли я испытываю еще и физическую. Болит моё изодранное горло и вся грудь, будто и вправду меня наполнили водой и болотной тиной, а затем безжалостно опустошили. Мне остается лишь сидеть ночами на кухне и молить Бога за своё прощение.

Весь день я думала об этом рассказе. Мне было очень больно понимать, что люди могут разрушить самые великие чувства из-за своих эгоистичных желаний. Я прокручивала различные сюжеты в своей голове и, наконец, озвучила их бабушке.

— Почему она не пришла к тебе, увидев, что её любимый вдруг сильно изменился? Ты бы могла сказать ей, что это чёрная магия, что чувства её избранника не изменились. Она б осталась жива тогда.

— Ну-у-у, не все так просто, — протянула бабушка, — девушка была в горе ущемленной гордыни, она не видела других путей, любовь к самой себе ослепила ее. Магия подобна природному магниту, она ищет отклик в душе, к которому могла бы прикрепиться. И этот черный приворот на крови нашел отклик в душах обеих женщин.

— Бабушка, я не понимаю, — расстроено сказала я.

Мне действительно очень хотелось понять, по каким законам работает магия, но я не понимала сейчас о каком магните идет речь.

— К примеру, если б в девушке было меньше любви к самой себе и больше любви к своему избраннику, она б приняла его выбор и была спокойна, что любимый человек счастлив, пусть не с ней, но счастлив. При таком посыле магия б не смогла питаться, а значит не смогла бы жить. Спустя некоторое время она бы отвалилась, подобно тому, как сухой кусок грязи отваливается от подошвы, если долгое время на улице нет дождя.

Стоял солнечный день и, пройдя всего пару улиц, мы уже были у дома Ольги, из которого доносились радостно волнительные женские голоса. Выкрашенная в зеленый цвет дверь заворожила меня. В свете солнца на миг она показалась мне яркой водной гладью озера. Нам открыли улыбчивые плотно сложенные женщины и проводили нас в большую комнату, где была новорожденная, ее счастливые родители, прародители и говорливые соседи. На диване в мягком одеяле виднелся розовый комочек. Бабушка пробралась к малышке и принялась непривычно для моих ушей сюсюкаться с ребенком. Это вызвало во мне порыв к смеху, который я с трудом успела сдержать. Затем она принялась сквозь общий шум что-то говорить Ольге, словно рекомендации по уходу за ребенком, и та постоянно кивала в ответ. Я посмотрела по сторонам и увидела, как отец ребёнка застыл, глядя на малышку сквозь толпу через всю комнату. Его кто-то окликнул, он, будто вышел из транса и, сделав жест, что услышал сказанное, направился к ребенку. Мужчина сел у края этого свертка и, не отрывая глаз, смотрел на свою дочь. Я никогда

в жизни не видела такого взгляда, он был пропитан безусловной преданностью, полной самоотдачей и безграничной любовью.

Время шло, и все вокруг замечали, что девочка растёт копией той девушки, которая когда-то утонула. Её внешность, повадки, голос — абсолютно всё принадлежало погибшей. Ольга очень любила свою дочь, и она более всех видела в ней бывшую соперницу. Со временем на лице женщины глубоко отпечатались грусть и немой укор самой себе. Она принимала с большим терпением все капризы и претензии избалованной девочки, так же как и их любовь с Максимом, такую же бескрайнюю, всепоглощающую любовь, но только уже не возлюбленных, а любовь отца и дочери.

— Смерть — это не наказание, — говорила бабушка, — и уж точно не наказание умершему. Однако жить с каждодневным напоминанием о содеянном зле в глазах собственного ребенка — вот это настоящий ад.

Бес из леса

Глава 1

Я росла очень веселым и общительным ребенком. У меня было довольно много друзей, как среди детей, так и взрослых. Конечно же, не обходилось без исключений, когда люди не одобряли сферу интересов моей бабушки и запрещали своим детям со мной общаться. Было время, когда меня это сильно беспокоило и я пыталась доказать им, что я не имею к деятельности своего ведьминского рода никакого отношения.

— Почему для тебя это так важно? — однажды спросила меня бабушка.

— Что важно? — не сразу сообразила я.

— Завоевать расположение этих людей. Ты видишь пользу от общения с ними?

— Да, конечно. Польза в том, что они перестанут думать обо мне плохо, — простодушно ответила я.

— Ты действительно считаешь, что люди, склонные думать о других плохо, могут начать думать иначе только потому, что ты оправдаешь их ожидания?

Я задумалась над этим непростым вопросом и ответила:

— Я думаю, если они будут считать меня такой же, как они, то перестанут осуждать.

— А ты осуждаешь их за то, что они не такие, как ты?

Эти вопросы начинали заводить меня в ловушку, и я уже видела, как ее дверь захлопывается за мной.

— Нет, я не осуждаю их, — не понимая, какой из этого всего следует вывод, я продолжала отвечать на бабушкины вопросы.

— Так вот, люди делятся на два типа: те, которые осуждают других и те, которые осуждают себя. Независимо от обстоятельств ни одни, ни другие не поменяют предмет своего осуждения. И, что бы ты не делала, ты не перестанешь осуждать саму себя, случись что-то не так. Тогда как, люди привыкшие осуждать других, не перестанут видеть источник всех бед в ком-то другом, кроме самих себя.

Этот разговор подтолкнул меня тогда к выбору своей профессии. Я поняла, что мнение людей может быть сформировано их собственными ошибками, к которым лично я не имею никакого отношения. Такой взгляд на вещи очень помог мне в будущем и развернул меня от дороги «угождать всем» к своей собственной дороге.

Стояла весна и в этом году она имела особо капризное настроение. День мог начаться теплым утром, перейти в знойную жару и пролиться ненастным дождем в предвечернее время. Чем

жарче стояли дни, тем чернее налетали тяжелые тучи, которые неистово громыхали и сверкали молниями.

В один из таких жарких дней я зашла в гости к своей подружке. Она жила на другом конце деревни, и только заприметив серые тучи над полем, мы рванули домой, в спешке доплетая венки из Одуванчиков. Маринина мама была милейшей женщиной и очень вкусно готовила. Моя же мама в то время работала и жила в городе, она не могла быть со мной в летнее время, поэтому все школьные каникулы я проводила у своей бабули в деревне. Я немного завидовала Марине, а точнее тому, что она живет с мамой и папой. Ей несказанно повезло, на мой взгляд, ведь ее дедушка и бабушка тоже жили неподалеку. Она же завидовала тому, что я учусь в городской школе и у меня много интересных друзей из большого и шумного города. Она часто просила меня пересказывать их истории о том, что они летали на самолетах и ездили на поездах со своими родителями летом на море. Уверена, это были очень увлекательные истории, в которые я порой добавляла своей фантазии для остроты сюжета, однако для меня ничто не могло сравниться с теплом родительского присутствия.

Уплетая один за другим только что испеченные пирожки с клубникой, мы увидели, как за окном резко потемнело. Как ниоткуда поднялся ветер, раздались мощные раскаты грома, а через минуту хлынул ливень. Нам было весело, вкусно и тепло в защищенном от ненастья доме. Вдруг дверь распахнулась, и в дом тяжелыми шагами зашел отец семейства. Отряхивая с себя капли дождя, он приветливо поздоровался, и кинул нам большие кедровые шишки полные орехов. Раздеваясь, отец Марины рассказал, что срубили двухсотлетний Кедр, и у бригады поломалось три пилы.

— А как только дорубили, тут же началась гроза. Пришлось бежать домой, — звучно шмыгая носом, закончил он.

Жена помогла ему снять куртку, и внезапно на его плече боковым зрением я заметила что-то подвижное и темное. На секунду мне показалось, что это дымчатый котенок и в груди пронеслось радостное возбуждение. Я уже представляла, как мы будем играть с ним, и пристально посмотрела на плечи и руки дяди Вани, но там ничего не было. Я снова отвела взгляд от него на стену, и снова моё боковое видение словило, как что-то маленькое и темное бродит по его плечам. Эта погоня за неуловимым живым дымком полностью захватила меня. Я пыталась сконцентрироваться и медленно переводила взгляд от стены все ближе и ближе к плечам мужчины, чтоб в какой-то момент суметь рассмотреть этого серого прыгуна. Но он как-то уж

очень ловко и проворно ускользал от моего взгляда. Отец подруги помыл руки и сел к нам за стол. Мать принесла ему чай и пирожки на тарелке. Сейчас, когда он сидел так близко ко мне, я могла видеть лучше уголком своего правого глаза. Смотря на свой чай в упор, я концентрировалась на боковом зрении, и снова увидела, как комочек бродит от одного плеча к другому и обратно. Он немного колебался, то есть был яснее виден на несколько секунд, а потом становился прозрачнее на это же малое время. Исчезая в одном месте, он вдруг появлялся снова, сдвинувшись на небольшое расстояние, в другом. Вдруг он совсем исчез. В этот самый момент мужчина устоял на крестик наклонившейся над ним жены, который повис прямо перед его носом. Когда женщина отошла от стола я вдруг увидела, как комочек вылез из уха мужчины и снова стал перемещаться, будто мигая и смешиваясь с воздухом. Я не могла ни есть, ни пить, настолько меня заворожило это полупрозрачное существо, что я просто паялась на него уголком своего правого глаза, если такой зрительный прием можно вообще описать словом «паяться». Вдруг оно замерло и будто тоже стало смотреть на меня. У существа абсолютно точно не было глаз, но я могла всем своим телом чувствовать тяжесть его взгляда. Оно, перебирая лапками, которые слабо вырисовывались из силуэта, шагало в мою сторону по плечу мужчины. Вдруг комочек, кажется, чуть поразмыслив, метнулся снова в ухо дяди Вани, который в тот же момент резко повернулся ко мне и выпалил:

— А ты почему не дома?

Я не могла говорить. Так много мыслей было от увиденного мной, что ответ на этот простой вопрос никак не приходил мне в голову. Мужчина смотрел на меня большими удивленными глазами, можно было подумать, что он видит меня впервые. Вдруг, я заметила черный дымок, который скользнул по его белкам в левом глазу, а погодя и в правом. Видимо моё лицо выразило испуг, и он резко прищурил глаза.

— Бабка за тобой твоя придет или сама домой побежишь? — снова спросил он. И опять я не могла дать ответ. Обычно я ходила одна до темна. Но тут была гроза, и никто не знал, когда она закончится. Так что на этот вопрос у меня тоже не было ответа. Вдруг он посмотрел вдаль и резко ударил кулаком по столу. Повернулся ко мне, с нечеловеческой скоростью наклонившись совсем близко к лицу, и произнес:

— Я с кем сейчас разговариваю?

Я все еще молчала, сама поражаясь своей немоте. Он наклонился низко и заглянул мне в глаза. В этот момент мне по-настоящему стало страшно. Его глаза были полностью черные,

невозможно было различить ни радужки, ни зрачков, все было сплошным черным дымом.

После первого же моего столкновения с потусторонними силами, бабушка научила меня читать заклинание-оберег. Но в самые нужные моменты я напрочь забывала колдовской язык и по привычке читала молитву "отче наш", которой когда-то обучила меня мама. Зашевелив губами, я быстро произнесла слова молитвы в своей голове, стараясь не смотреть в сторону дяди Вани. Он мгновенно отстранился назад, и я увидела, как темный дымчатый комочек вышел из уха и снова замаячил на широких плечах своего хозяина. Я посмотрела вопросительно в лица, сидящих с нами за одним столом, Марины и ее матери. Они выглядели спокойно и беседовали о том, как много гроз в этом году и о том, что по сельским приметам лето должно быть жарким. Я понимала, что они не видят ровным счетом ничего из того, что вижу я. Вопросы ко мне их отца и его раздражительный тон не казались им угрожающими, видимо интонация в его голосе слышалась для них иначе.

Ливень все не прекращался, и мне уже было очень страшно оставаться в этом доме. Вдруг, я осознала, что так же страшно мне сейчас и за мою подругу, и за ее мать. После реакции "черныша" на молитву, я набралась смелости, встала со стула и пошла в угол с иконами, которые на то время украшали почти каждый деревенский дом. Мне так же необходимо было проверить, не схожу ли я сума, видя и слыша то, чего на самом деле нет. Угол для молитв отличался скромностью, но там было все необходимое для лишенного фанатизма христианина. На стене висели три небольшие иконы Иисуса, Божьей Матери и Николая Чудотворца. На тумбочке под ними стояла лампадка и еще две иконы с ликами святых мужчин. На одной из них было написано Иоан, что напомнило мне имя хозяина дома. Взяв именно ее с накрытой плотной скатертью тумбочки, я быстро направилась к отцу моей подруги. Со стороны, вероятно, это походило на детскую шалость не совсем вменяемого ребенка, но я переборола нерешительность и резко поднесла золотую икону к лицу дяди Вани, выпалив при этом первое, что пришло мне в голову:

— А вы видели эту икону?

Моя подруга и ее мать удивленно уставились на меня. Мужчина же, когда я через секунду повернула к нему голову, был уже на противоположном конце комнаты. Он отодвинул занавеску кладовки и сказал, что выпьет чуть спиртного и поспит. Дядя Ваня быстро удалился, напоследок посмотрев на меня и как-то чрезмерно артистично прищурив глаз.

Я стояла с иконой и обдумывала план своих дальнейших действий по запугиванию дымчатого паразита, как Марина взяла меня за руку и повела за собой к окну.

— Что с тобой? Папа устал, ему не до смеха. Пойдем лучше посмотрим на грозу, — сказала Марина и тут же за окном снова загромыхало.

Мы принялись рассматривать неутихающую бурю и узоры из капель на оконном стекле. Выбирая по своей собственной капле, мы ждали, какая из них доберется до низа быстрее. Я бездумно тыкала пальцем, выбирая первую попавшуюся на глаза, а сама размышляла об увиденном. Мне снова стало казаться, что всего этого со мной не происходило. Никто из присутствующих не сказал, что отец неважно выглядит или странно себя ведет. Никто не заметил дымчатого комочка и тем более черного, как ночь, взгляда. Никто не слышал его угроз. Это все заставляло меня снова думать, что я не права. Я, как и раньше, начинала винить в случившемся только себя и свое бурное воображение.

Мы сидели и уже смеркалось. Серые тучи становились все более тяжелыми и зловещими. Как вдруг я увидела в окне силуэт своей бабушки, она была в сапогах и какой-то шинели. Забавно перескакивая с одного островка грязи на другой, она несла в руках мои сапоги и дождевик. Раздался стук в дверь. Бабуля аккуратно зашла на порог дома, чтоб не запачкать яркий полосатый ковер и приветливо поздоровалась. Принявшись одевать меня, она чуть заметно глянула исподлобья по сторонам, остановив свой взгляд на двери в спальню, где отдыхал дядя Ваня. Я была готова, и, немногословно перекинувшись фразами с хозяйкой дома, мы выбежали из гостей в самый разгар бури.

Черета крупных капель плеснула мне в глаза, и я совсем опустила голову вниз. Сильные порывы ветра рвали с меня капюшон, и, пожалуй, весь мой довольно легкий дождевик, а насквозь промокшие пряди волос то и дело хлестали по раздраженному лицу. Если б бабушка не вела меня за руку, я б вовсе не могла идти, напрочь потеряв ориентацию в пространстве. Мне снова хотелось чудом оказаться в теплом, сухом доме и наблюдать за всем происходящим через оконное стекло.

Спустя годы я стала ассоциировать природные ненастья с потрясениями судьбы. Так часто бывает, человек, попав в бурю жизненных проблем, не может разобраться, что вокруг него происходит и куда ему двигаться. Ливень не дает раскрыть глаза и оглядеться, намокшие волосы раздражают каждым своим прикосновением, а ветер не перестает трепать тебя, то и дело, бросая из стороны в сторону. В обоих случаях, связано ли это состояние с природой или с ударами судьбы, человеку необходимо укрыться и посмотреть на все со стороны. Только в спокойном состоянии души и тела, он способен увидеть картину в целом и иногда даже удивиться своей чрезмерной реакции. Достаточно лишь отстраниться от всего, что слепит глаза, бьет по лицу и не дает двигаться вперед, и ты снова способен видеть жизнь во всей ее красе.

Бабушкин дом всегда манил меня зайти внутрь и сделать передышку от всего, что страшит и тревожит, а сегодня вечером, я спешила туда как никогда раньше. Сейчас, завернувшись в мягкий плед, обнимая кружку горячего молока с медом и рассказывая бабушке о сером дымке, я действительно чувствовала себя здесь под особенной защитой.

Наш деревенский дом был достаточно большим снаружи, но внутри он состоял всего из двух комнат. К большой комнате не разделяясь стенами, прилегала кухня. У веранды была своя дополнительная дверь, которая на время холодов закрывалась, сохраняя тепло в доме. Стояла поздняя весна, начиналось лето, и сейчас дверь веранды была всегда открыта, давая обзор на большие стекла с белыми занавесками и массивную входную дверь. Наш зал был просто огромным, впрочем, и спальня моих прауродителей была чрезмерно просторной. Я знала точно, что больше ни у кого в деревне дом не поделен всего лишь на две комнаты, подобно нашему. Но, по мнению бабушки, пространство тоже было живое и нуждалось в свободе. Если человек пытался

запереть его в тесных стенах, то оно уставало и начинало давить на своего хозяина.

Каменный снаружи и отделанный деревом изнутри, этот дом в летний дождливый день приобретал насыщенный медовый оттенок и благоухал Осинной. Мебель в большой комнате была изготовлена из темного дерева и покрыта сияющим лаком. Цвет ее был значительно темнее стен, но все вместе смотрелось очень тепло и изящно. Ни ковров, ни картин у нас не было, зато диван, кресла и мою кровать украшали кружевные накидки цвета молока и декоративные подушки с ручной вышивкой полевых цветов.

Я любила бабушкин дом, мне действительно было очень хорошо в нем, особенно в этой большой комнате, которая сейчас в свете настольной лампы казалась мне такой теплой и одновременно невероятно надежной. Не портил уюта и тот факт, что в каждом углу ее под самым потолком были начерчены белые символы. Они четко просматривались даже в полумраке, где-то по одному лаконичному, где-то по два, будто сопряженных друг с другом. Сейчас из того места, где я сидела, над входной дверью можно было отчетливо различить большой красный крест с явно не православными символами по четыре его стороны. Этот символ притягивал взгляд не только своими размерами и необычностью, но еще и тем, что его никто даже не собирался прятать. Он красноречиво рассказывал об убеждениях хозяйки дома и о роде ее занятий. Внизу по краю плинтуса виднелась белая полоса, замыкающаяся по периметру комнаты. Посередине лежал яркий круглый ковер, связанный по кругу крючком из толстых нейлоновых нитей. Он в свою очередь не только придавал сочных красок интерьеру, но и покрывал один из самых древних магических символов, который постоянно проверялся моей бабушкой на наличие потёртостей. Как только обнаруживалась прерывистость хотя бы одной из линий, она незамедлительно приводила все в должный вид, так, словно от его целостности зависела жизнь обитателей этого дома.

От магических знаков я перевела взгляд в окно. Оно манило меня и так звало усесться на самодельную кушетку с мягкой расшитой подушкой. Почему-то мне всегда нравилось наблюдать за непогодой, будь то снежная буря или ненастный дождь. И сейчас я наслаждалась этим ливнем, со всеми его бесконечными вспышками молний и раскатами грома. Мне, в самом деле, нравилось это чувство превосходства природы над человеком, когда она показывает всю свою мощь, а мы лишь трепещем перед нею, вызывая прекратить свое буйство. Как часто вы говорили с природой, когда был ясный солнечный день? И как часто просили шторм прекратиться, когда становилось по-настоящему страшно.

Так устроен человек, что лишь в страхе, он способен уважать, ценить и прислушиваться. Думаю, на тот момент эта радость от сокрушительных демонстраций природы, была сродни моего раннего понимания Бога.

Вдруг за окном сверкнула необычайно яркая вспышка, и тут же последовал сильный грохот. Мы с бабушкой синхронно подпрыгнули, а свет в комнате погас.

— Ночь набирает обороты, — пошутила бабушка, зажигая свечу на кухонном столе.

И я снова ощутила радость от нашей планировки дома, кода было очень сложно внезапно остаться в полном одиночестве.

— Бабуля, а вся нечисть боится молитв? — спросила я лишь спустя полчаса, как закончила свой рассказ. Бабушка не торопилась разъяснять, что это был за дымок, и мне пришлось самой несколько раз заводить разговор о сегодняшнем происшествии.

— Те, что пострадали от сильного экзорциста, те бояться. Но некоторые бесы не сталкивались с христианством за свой век, поэтому не бояться молитв.

— Так это был бес... А моей молитвы он испугался?

— Я не думаю, что он сильно испугался того, что ты там устроила. Однако ты видела его, и он это понял.

Я смущенно опустила глаза, и потеряла руки.

— Откуда этот бес взялся? Почему вообще в людей вселяются бесы?

— Я не знаю, откуда он взялся, «из леса, вестимо», — скарикатурничала бабушка, — обычно бесы завладевают человеком, который к ним взывает. Но бывают исключения, когда бес был заточен и по ошибке выпущен. Тогда он может завладеть первым, кто попался на его пути.

Во мне снова разгорались искры страха, когда я, уже было совсем, успокоилась.

— Бабуль, я боюсь за Марину и ее маму, вдруг он что-нибудь с ними сделает?

— Пока что бояться нечего, бес еще не поработил хозяина окончательно. Иван любит свою семью, поэтому узрев опасность для нее, его душа будет сопротивляться. Не бойся, до поры до времени, он не станет трогать дорогих сердцу своего хозяина людей.

Бабушка любила думать по ночам, и, уложив меня спать, она принялась детально обдумывать все мной рассказанное. Я лежала на боку, обнимая свою мягкую подушку, а за окном все еще стучал дождь, монотонно убаюкивая. Сонными полузакрытыми глазами я наблюдала, как она читает свою колдовскую книгу в

свете двух свечей. Вдруг, вспомнив один из своих многочисленных вопросов, я снова подала голос:

— Как ты узнала, что я в опасности? Ты прибежала за мной в самый ливень, — пробурчала я.

— У меня природное чутье на неприятности, — системно ответила она.

Мне явно было недостаточно одного ее чутья, да еще и сказанного таким равнодушным тоном. Это было одновременно странно и в то же время так просто и логично. Не примета какая-то, не туча с профилем черта, а простое природное чутье. Где чую опасность, туда и бегу. В этой череде мыслей я еще что-то спросила, но ответа уже не услышала.

Открыв глаза только утром, я тут же почувствовала вкусный запах утренних блинов. Бабушка была бодра и сообщила мне, что нашла решение. Я была вся в нетерпении услышать наш план расправы с нахальным дымком.

— Бес еще не так силен в его теле и защиты нашего дома должно хватить, чтоб удержать его. Когда я прочту заклинание — изгнание, то бес будет отправлен в свой мир через магический символ посреди этой комнаты, — рассказала она, сворачивая ковер и открывая его на всеобщее обозрение.

Мы придумали историю, что у нашего деда разболелась спина и нам некому нарубить дров. Когда дрова будут готовы, бабушка попросит дядю Ваню внести их в дом и сложить около печки. Если стереть магический знак над дверью и прервать белую линию на полу, то нечисть сможет зайти внутрь дома. Тем временем бабушка начнет читать заклинание — изгнание, и этот демон покинет дядю Ваню, уйдя в свой мир сквозь магический знак. Мне же необходимо было сделать одну важную вещь: позвать дядю Ваню помочь нам. Я собиралась с силами и понимала, что, несмотря на дневное время суток, сегодня будет еще страшнее, чем вчера. Перед глазами снова маячили голубые глаза мужчины, тонувшие в черном дыме, а в животе опять растеклись волнами жуткие воспоминания. Тогда как я пыталась репетировать предстоящий разговор, бабушка в свою очередь подгоняла меня:

— Не бойся, я б не послала тебя, если б была явная опасность. Сейчас время суток, когда бес слаб, тем более он еще не прижился в теле мужчины и не завладел его духом. Давай, соберись, все должно пройти легче и проще, чем нам кажется. Пойми, если я пойду вместо тебя, то бес что-то заподозрит, — сделав паузу, бабушка продолжала наставления, — ты не должна думать о придуманном нами плане. Постарайся не вспоминать вчерашний день и ни один из наших разговоров о сером дымке.

Мы не знаем, с каким именно бесом имеем дело, многие из них умеют читать людские мысли. Постарайся так же не смотреть Ивану в глаза, говори только с женщинами, но обязательно поздоровайся с ним, все должно быть максимально естественно.

Я все поняла и вот уже собиралась выходить, как в моей груди снова затрепетал страх. Это было подобие того, как выпиваешь залпом холодный лимонад на сильной жаре. Каждый пузырек, проникший внутрь, чувствуется по отдельности в самом центре живота, а затем, поднявшись наверх, вызывает небольшую тошноту. Посмотрев на бабушку, я увидела, как та закрыла глаза и что-то бормочет себе под нос. Я развернулась и направилась к двери, как неожиданно раздалась ее команда:

— Погоди, не иди, — она выдержала паузу и добавила, закончив бормотать, — не иди, тебе нельзя. Этот бес читает мысли. Пошлем дедушку, он ничего не знает.

У меня отлегло от сердца, так сильно не хотелось мне снова встречаться с бесноватым мужчиной, и не дай Бог, еще идти вдвоем с ним к нам домой. Дедушка же хорошо и быстро справился со своей задачей. И вот он уже гордо шагал в компании Марининого папы в направлении нашего дома, что-то выразительно ему рассказывая. Дедушка показал дяде Ване место во дворе, где обычно рубились дрова и два целых бревна рядом. Бабушка вышла и поприветствовала мужчину, похлопывая заходящего домой деда, по спине. Она закрыла его в спальне, не так уж много объяснив. Сам дедушка почти никогда не требовал разъяснений, он привык к множеству странностей, происходящих вокруг. Бывало, он рассказывал мне, что если б не его исчезнувшие чудом болячки, то отправил бы бабуку работать на завод вместо этой самодеятельности. А так, хочешь, не хочешь, поверишь: «как женился на ней, никогда не болел». Бабушка всегда смеялась и переспрашивала: «а перед женитьбой, можно подумать, ты постоянно болел». После этих перепалок, все заходились смехом, и возникшие вопросы, про колдовство, странные обряды, ночные сборы трав и ведические праздники в лесу сами собой растворялись в воздухе.

В углу у спальни была сооружена кладовка, которая закрывалась плотной светлой шторой. Бабушка укрывалась там и тут же появилась с большим куском мягкого белого мела. Она нарисовала на, и без того белой, двери в спальню, большой крест. В каждом углу образованном пересечениями его линий, она начертила по одному магическому знаку. Этот символ в целом выглядел теперь точно так же, как и знак над входной дверью, однако просматривался намного хуже, а с расстояния в пару шагов и вовсе исчезал из вида. Вдруг послышался скрип

деревянной половицы и в мгновение ока дядя Ваня неуклюже ввалился в дом, будто оступился о невидимый порог. Мы не были готовы к его появлению, он нарубил дрова так быстро, словно торнадо пронесся по нашему двору, разрубив бревна на щепки. Он приземлился на четвереньки, а горсть дров рассыпалась по полу. Дядя Ваня поднял глаза сначала на меня, а затем на бабушку и они снова налились чернотой. В попытке встать какая-то невидимая сила прибила крепкого мужчину к полу. Руки были расставлены как на распяты, ноги же, напротив, скрестились. Не отрывая от него взгляд, я услышала бабушкин монотонный голос, она читала заклинание изгнания беса из человека наизусть. Отец моей подруги был очень крепким мужчиной, он работал на лесоповале и обладал отменным здоровьем, высоким ростом и мускулистым телосложением. Сейчас все его лицо было напряжено, а тело, от набухших мышц, словно вдвое увеличилось в размерах. Спустя несколько секунд он начал рычать, будто дикий пес или волк, вызывая к страху своего врага. Вдруг он все же оторвал свое тело от пола, издавая настоящий рев, который напоминал уже человеческий, но не в один голос, а сразу в пять или шесть вместе. Я поняла, что за этим ревом навсегда скрылся голос моей бабушки, а из другого конца комнаты стали слышны удары кулаков. Мы обе перевели взгляд на дверь спальни, замерев от неожиданности. В этот же момент дядя Ваня, изогнувшись, словно огромный паук, и с абсолютно черными глазами, выбежал из дома. Последнее, что я видела, как он спустился в таком положении по ступенькам веранды, выпрямился и уже как человек, не оборачиваясь, побежал в лес.

Дедушка кричал на нас на чем стоит свет. Такого крика от него я никогда раньше не слышала, он то и дело бил газетой по столу и требовал от бабушки обещаний, не проводить ничего подобного дома, еще и с моим участием. Бабушка призналась, что не ожидала такой силы. По её словам стало понятно, что такие бесы встречаются редко и это происшествие стало её ошибкой, которую она признает. Дедушка успокоился, обнял нас и просил отныне не подвергать свои жизни такой опасности. На что бабушка обняла его в ответ, но тут же возразила:

— Вась, ну а кто ещё с ним справится, если не мы? Милицию в таких случаях не вызовешь...

Дедушка глубоко вздохнул, и было собрался опять спорить, но бабушка прильнула к нему и ласково перебила:

— Я буду теперь очень осторожна, обещаю. Моей экзорцизской практики было не достаточно, чтоб сразу разобраться, что к чему, но этот случай многому меня научил.

Когда страсти улеглись, мы с бабушкой сели за наш большой круглый стол, и она снова достала свою колдовскую книгу, которая в свете дня казалась самой обычной энциклопедией. Единственное, что отличало её от других книг — так это шрифт и немногие изображения внутри. В ней всё было написано вручную, многими поколениями, разными почерками и чернилами. Практически все записи велись на колдовском языке и это, разумеется, тоже привлекало немало внимания, как только она открывалась. Кожаный переплет болотного цвета без названия, каких-либо прикрас или узоров делал ее совершенно невзрачной, лишь с внешней стороны красовалось несколько царапин от чьих-то длинных ногтей. Листы книги имели желтоватый цвет и звучно хрустели, при перелистывании. Тогда мне казалась эта книга скучной и безликой, лишь спустя время я поняла истинное значение её неказистости: все самые важные вещи должны быть скрыты от чужого взора. И наилучшим укрытием было не прятать важнейший источник родовых знаний ведуньи в чулан или под половицу, а сделать его внешне не таким уж привлекательным для посторонних глаз.

— Он обманул тебя, явившись под образом простого беса, — наконец, произнесла бабушка, перелистывая страницы.

— Так кто же он на самом деле? — замерев от удивления, я принялась расспрашивать сосредоточенную на своей книге, бабушку.

— Это демон, — сухо ответила она.

— А что, разве есть разница?

Бабушка либо не слышала мой вопрос, либо сочла его крайне глупым и не стала отвечать.

— Похоже на то, что демон был заточен в дереве, — лишь спустя время снова заговорила она. — Можно пойти поискать пень от этого кедра, возможно, там остались нарисованные или выцарапанные символы. Чтоб запереть демона в предмете, необходимо нанести на его поверхность специальные магические знаки, которые должны были где-то непременно остаться.

Дорога до лесоповала лежала вдоль поля, где примерно после двух километров необходимо было свернуть в лес. Мы шли по одной из двух проложенных полос от повозочных колес и автомобилей. Впереди не было ничего примечательного, кроме бескрайних полей и низких облаков, которые так и норовили приблизиться и оросить нас дождём. Сворачивая с прямой дороги и направляясь к лесу, нас постепенно стали окружать высокие

Сосны. Солнце перегнуло полдень, и вызывающе бросало в глаза свои острые лучи сквозь высокие шапки деревьев.

За время ученичества у бабушки лес стал моим вторым домом, и я порой уже не могла представить себя в шумном городе, где нет этого сложного запаха и векового спокойствия. Жизнь деревьев здесь шла в своём замедленном ритме, без единого понимания нашей людской суеты. Возможно и вовсе без единого подозрения на наше существование в одном пространстве с этими гигантами. Бабушка всегда говорила, что деревья сильно связаны энергией друг с другом, с животным миром и самой Землёй. Но человек в какой-то момент разорвал с ними свою связь, отчего только потерял, не имея возможности питаться их бездонной энергией.

«Мы отрезали себя от природы и обрекли на болезни. Любой зверь знает, что ему надо съесть, чтоб излечиться. Сама природа говорит ему это, он слышит её и исцеляется. Человек же эту связь потерял и стёр из своей памяти всю информацию о том, что она когда-то была» — всплыли в моей голове, когда-то сказанные бабушкой слова.

Я то и дело смотрела по сторонам, меня завораживал этот глубокий зеленый цвет мха, которым густо покрылись стволы деревьев, их корни и земля. Бархатным живым покрывалом он застелил некогда острые и безжизненные камни, так искусно включив их в гармонию леса. Местами проглядывал Папоротник и пышный ковер мелкого Клевера. Мне всегда хотелось прилечь на эту зеленую перину и почувствовать всю ее мягкость. Но она практически всегда была очень сырой и плотно заселена мелкими насекомыми, что отбивало всякую охоту претворить желания в жизнь.

Лесная дорога была достаточно широкой из-за обилия проезжающих там лесоповалочных машин. Небо всё больше хмурилось, и в воздухе появился тот самый душный запах дорожной пыли, что предвещает начало дождя. Через пару минут с неба посыпались первые крупные капли, и воздух окончательно запах сыростью. Мы свернули в лес, где решили двигаться под Соснами, а в случае ливня переждать под одной из них. Тем временем капли становились всё чаще и чаще, тогда как воздух всё ароматнее. Тут бабушка присела на корточки, подобрав две прямые палочки, лежащие на мхе недалеко от неё. Она скрестила их и аккуратно положила поверх своё золотое кольцо. Что-то шепнув, она взялась за концы палочек, и подняла их над землей. Вдруг кольцо скользнуло по ним вниз и вмиг оказалось висящим на самом перекрещивании. Получалось, что в кольцо входили обе палочки, но я не видела момента, когда бабушка пропустила

сквозь его отверстие хотя бы одну из них. Этот фокус, пожалуй, заслуживал стоячих оваций. Я с нескрываемым удивлением взглянула ей в глаза. Она же и не думала на меня смотреть, тем более принимать восторженные взгляды. Это был один из её ритуалов, который, видимо, рассказывал ей, нет ли препятствий на пути к дереву, либо же отводил от нас дождь, а возможно и то и другое. Во время таких обрядов обычно мне запрещалось издавать звуки, и порой у меня совсем не было времени и возможности расспросить о них.

— Демон слышит наши мысли и старается не пустить дальше. Нам надо ни о чём не думать, — вдруг произнесла бабушка.

— Как это? Ни о чём не думать? — переспросила я.

— Нужно постараться думать на отвлеченные темы, поток человеческих мыслей и вправду трудно остановить.

— Но я не думала о демоне!

— О нем нет, но теперь он знает, где мы находимся. Посмотри внимательно в конец дороги, видишь, там нет дождя.

Повернувшись, я посмотрела в самый конец дороги, по которой мы шли, и увидела яркую оранжевую полосу песка и серебристую листву, играющую в лучах солнца. Подняв голову в небо, я принялась рассматривать облака по дороге, по которым демон вряд ли мог понять наше местоположение.

Дождь вскоре закончился, толком и не начавшись. Мы вышли на большую просторную местность, усеянную массивными пнями, позади которых виднелся нетронутый молодняк. Мне нужно было снова контролировать свои мысли. Спустя годы я мастерски научилась этому, но только не тогда, только не в те беззаботные годы, когда они подобно стаду диких лошадей мчались без остановки по бескрайним зеленым лугам.

— Бабуль, посмотри, сколько пней, как мы найдем этот Кедр? — с недоумением воскликнула я.

— По логике вещей он должен быть здесь самым большим, — с ухмылкой ответила она.

Я растерялась от этого очевидного факта, и мне стало немного стыдно от недостатка смекалки. Мы разбили взглядом поле на квадраты, и пошли их "прочесывать". Долго искать не пришлось, в конце поля бабушка присела и стала внимательно что-то рассматривать. Я бегом устремила к ней, местами взбираясь на пни и перепрыгивая по ним, словно солдат на тренировочной площадке. Подбежав, или лучше сказать "допрыгав", я уселась рядом и склонилась вместе с ней над огромным пнем. Большая часть его была ровно срезана, но в одном месте было видно, как его под конец сломали. Там торчали

острым забором крупные щепки, а вокруг валялось много таких же мелких, разлетевшихся от колоссального напряжения.

Бабушка как раз рассматривала кору со стороны этих остатков, украшающих гладкий срез пня.

— Тут совсем ничего нет, — произнесла она, — я не вижу ни одной засечки, ничего!

— Значит всё осталось на стволе? — переспросила я.

— Если вообще было, возможно, мы идем по ложному следу, — с разочарованием в голосе ответила она, вставая в полный рост и снова осматривая местность.

Я тоже встала и принялась смотреть по сторонам, не совсем понимая, что именно мы сейчас ищем, ведь срубленных стволов изначально не было на поле.

— Видимо они успели погрузить их на машины, — озвучила я свои мысли.

Бабушка посмотрела на меня, потом перевела взгляд за мою спину и застыла. Ее глаза расширились, челюсть напряглась, а руки медленно потянулись ко мне, безмолвно заставляя развернуться. Над лесом быстрее других плыла темно-серая туча, и я почти уверена по сей день, что ветер дул в противоположном ей направлении и в разы с меньшей скоростью. Ко всему прочему туча выглядела точно так же, как если б огромная волна собирала всю свою мощь, чтоб обрушиться на песчаный берег. Это зрелище совершенно поглотило меня, и я абсолютно потеряла понимание грядущей опасности, пока бабушка не потянула за руку прочь с открытой местности. Я все еще оборачивалась на необычную и столь зловещую тучу, следуя к дороге, ведущей вглубь леса, сверху плотно покрытой мохнатыми лапами Сосен.

Поднялся ветер, он толкал нас в спины, отчаянно бросаясь первыми редкими каплями дождя. Забежав на укрытую лесом дорогу, словно в спрятанный от дневного света тоннель, мы увидели две неаккуратно поставленные грузовые машины, к которым были привязаны отпиленные крупные стволы деревьев.

— Похоже, я зря просила тебя уговорить свои мысли, — радостно произнесла бабушка, торжествуя случайную находку.

Место прекрасно укрывало от ветра, гонявшего дорожную пыль и начинающегося ливня. Мы приблизились к машинам и без труда нашли двухсотлетний Кедр. Наше дерево сильно отличалось от всех остальных, оно занимало треть всего пространства кузова-платформы. Подойдя ближе, мы увидели вырезанные на коре дерева магические символы. В том, что эти символы имели колдовскую силу, лично у меня не оставалось никаких сомнений. Казалось даже, что это один большой символ, составленный из множества элементов, и, говоря по правде, он

был просто огромным. Первая мысль, проскользнувшая в моей голове:

"Это ж надо было быть просто слепым, чтоб не обратить внимание, на это почти произведение искусства".

При первом же взгляде можно было различить огромный глаз, заключенный в ромб, от углов которого в четыре направления отходили ветки с трезубцами на концах. В середине его вокруг глаза располагалось шесть символов на одинаковом расстоянии друг от друга, а вдоль каждой стороны ромба были вырезаны буквы на непонятном мне языке. Бабушка потрогала пальцем вырезанный глаз и принялась искать возможные другие символы вокруг так, будто это была самая обычная вещь, вырезаемая почти на каждом дереве.

— Ну, где же еще? Здесь должна быть еще надпись, — вопрошала она, разговаривая сама с собой.

— Разве нам этого недостаточно? — немного возмущенная таким пренебрежительным отношением к нашей находке, заявила я.

— Этот символ говорит, что демон заперт в дереве и всё. Мы же собираемся его изгонять, а для этого необходимо знать еще и имя!

— Почему имя так важно? Для изгнания беса ты и не думала узнавать его, — забираясь на машину по стволам, словно по гигантской лестнице, продолжала любопытствовать я.

— В этом и есть отличие беса от демона. Когда ты собираешься отдать приказ солдату, тебе не обязательно знать его имя. Совсем другая история, если ты вызываешь к подчинению генерала.

Перелезая на другую сторону ствола, я поняла, в чем заключался один из главных талантов моей бабушки. Ее пояснительные реплики отличались не только гениально точными и яркими примерами, они так же были чрезвычайно своевременными. Она не засоряла пространство ни шумом мысли, ни шумом пустых слов, и старалась отвечать на вопросы в самые подходящие для их понимания моменты. Думаю, это привычка выработалась годами, ведь в магии никогда не бывает чего-то лишнего, в ней все четко выверено, не уступая любой другой точной науке. Мои мысли прервала надпись, высеченная мелкими латинскими буквами по другую сторону от знака на поистине гигантском стволе.

— Есть имя, я нашла! Его звать А-хе.... — взволнованным голосом закричала я.

— Тишь, Тишь... Тихо! Только не произноси вслух! — резко выкрикнула бабушка, — мы не готовы к встрече с ним здесь и

сейчас, не правда ли?

Я лишь успела вовремя замолчать, как с неба громыхающим потоком обрушился ливень. Устроившись на стволах, нам пришлось немного задержаться, пережидая дождь. На мои плечи немного накрапывало, но это было невозможно сопоставить с поистине природным катаклизмом, творившимся всего в десяти шагах от нас.

— Почему они не смогли отправить демона обратно? Почему заточили его в дереве? — меня разбирало любопытство, и я воспользовалась моментом заточения под соснами, чтоб детально все расспросить.

— Я не знаю этой истории и могу лишь догадываться, — снова весьма немногословно ответила бабушка.

Меня же, напротив, так захватила наша грандиозная находка, что захотелось вернуться мыслями в прошлое и во всех красках представить события тех дней.

— Но все же ты можешь сделать какие-то предположения, исходя из практик, описанных в твоей книге?! — не могла уговорить себя я.

— В нашей родовой книге, — особенным тоном отметив слово «нашей», — описан только один ритуал изгнания демона, ты можешь почитать его на досуге. Никаких правил и закономерностей для таких случаев не существует, каждый из них индивидуален и наполнен огромным множеством деталей и тонкостей. В данном случае, понятно, что одержимого привязали к дереву. Но что-то пошло не так, и человек скончался еще до того, как был изгнан демон. Они оставили бездыханное тело привязанным к этому дереву и нанесли знаки, запирающего характера. Так же они любезно позаботились оставить имя демона, чтоб кто-то, пусть даже спустя сотню лет, но все же отправил его в ад.

Подскакив, как ошпаренная, со ствола двухсотлетнего Кедра, который еще минуту назад казался мне сказочной шкатулкой с демоном, а вовсе не чьим-то гробом, я вдруг впервые в жизни почувствовала всю серьезность данных практик.

Мы возвращались домой, и вечернее солнце сильно вытягивало наши тени на желтой песчаной дороге. Бабушка уже, казалось, учла все ошибки, и проработала детальный план на обратном пути. Единственное оставалось неизвестным — это реакция Марины и её мамы на всё происходящее, а так же местоположение одержимого мужчины.

Входная дверь открылась сама, как только мы поднялись по ступенькам веранды. Нас встречала женщина с огромными заплаканными глазами, она оперлась на дверной косяк, и мне на

мгновение показалось, что тетя Женя сейчас упадет. Бабушка подхватила ее, и завела обратно в дом, где Марина, сидя на полу, смотрела с дедушкой телевизор и молча обнимала свою любимую куклу.

— Что у вас стряслось? — усаживая шокированную женщину за стол, встревоженно спросила бабушка.

А может, она просто умело играла встревоженность, потому как ей было прекрасно известно, отчего тетя Женя могла быть в таком состоянии. От этого вопроса даже сам дедушка повернулся и посмотрел на нее, бабушка в ответ тоже глянула на него, а Маринина мама нечаянно словила их переглядки. Она остановила на бабушке свои большие карие глаза в обрамлении мелких красных сосудов, и вопрошающе подняла брови.

— Он вам ничего не сделал? — вздохнув, словно признавшись на допросе, продолжила разговор бабушка.

— Он пришел весь грязный, взъерошенный и как зверь стал меня обнюхивать. Затем он припал к двери погреба и принялся нюхать пол. С нечеловеческой силой открыл его, и я только слышала, как он ест там что-то низу. В этот же момент я выбежала из дома, схватив дочку со двора, и прибежала к вам, — очень растерянно и отрывисто рассказала тетя Женя.

Я заметила, как у бабушки по лицу скользнула хитрая улыбка, говорящая, что все теперь сходится и она видит врага насквозь. Готовя успокаивающий чай, она спрашивала мелкие детали про цвет глаз мужчины, про пальцы, обувь, не было ли кровавых следов или ссадин на его теле. Но на все вопросы у женщины либо были отрицательные ответы, либо ответов не было вовсе.

Травяной чай по старинному рецепту давал невероятный запах, это была смесь каких-то пряных цветов и потрясающе свежей листвы, будто бы кто-то невидимый только что растер перед носом молодой побег. После него пропадала тревога и страх, человек мог спокойнее думать и понимать окружающие вещи, зачастую такие, что не поддаются никакому объяснению. Дедушка решил уйти играть в домино к другу, и как только дверь за ним захлопнулась, бабушка принялась активно разяснять план наших действий.

Солнце почти зашло, мы с подругой оставались в защищенном доме, бабушка же уходила к Марине домой в сопровождении ее матери. Нам были даны последние указания, и когда дверь за женщинами закрылась, я снова ощутила рождение страха в своем животе.

Стемнело, было тихо. Мы сидели на коврике около моей кровати и играли в куклы. Вдруг Марина что-то услышала,

быстро встала и направилась к окну. Я в свою очередь ничего странного не заметила, но неизменно устремилась за ней. Не успев дойти до окна, я услышала ее радостный крик «мама». Моя подруга подбежала к двери и повернула ключ, открывая ее. Проследовав за ней, я с трудом верила, что все так быстро закончилось, и тетя Женя вернулась за дочкой. Тем временем Марина искала кого-то в темноте, а я принялась затаскивать ее за руку в дом. В ту же секунду я увидела два красных уголька во тьме совсем рядом с верандой, они смотрели на меня и не выражали никаких эмоций. Это был взгляд хищника, поглощенного охотой, которого невозможно было ни уговорить, ни задобрить. Схватив подругу за одежду, я силой втащила ее в дом. Кукла Элла выпала из ее рук и осталась на уличных ступеньках. Заметив это, я еще секунду колебалась, но все же резко захлопнула тяжелую дверь. Через мгновение в нее кто-то с силой ударил, а Марина принялась кричать:

— Там на улице осталась мама, она пришла за мной, потому что все закончилось! Наш папа вернулся домой здоровый.

По ее лицу покатались слезы, но я, будучи предупреждена, никому не открывать дверь, и в любой ситуации оставаться в доме, хладнокровно вытащила ключ из замка и забросила звенящую связку на шкаф. Марина кинулась к окну, в истерике зовя мать. Вдруг она оцепенела. Подбежав, я увидела, как ее кукла Элла стоит в окне вся растрепанная и бьет своей ручонкой нам в стекло. Мы посмотрели друг на друга так, словно это происходило не с нами, а в чьем-то кошмарном сне.

— Надо забрать Эллу с улицы, надо впустить ее, — вдруг взмолилась Марина, будто ей было не больше пяти лет.

Мною снова овладела немота, и на этот раз к ней прибавилась ярость. Моя подруга оставляла меня один на один со всеми ужасами этой ночи, только добавляя переживаний. Не произнося ни слова, теперь я с особой стойкостью сдерживала все ее порывы открыть обезумевшей игрушке окно. Схватив Марину за пояс, я посмотрела кукле прямо в глаза, которые вращались словно волчки независимо друг от друга в разные стороны. Ее нарисованные брови поднялись вверх, а рот искривился, образовав букву «О». Руки куклы попеременно били в стекло, а ладони какой-то дьявольской силой сжались в кулачки. Хотя бедная Элла и выглядела очень несчастной, мне приходилось быть жестокой по отношению ко всему исконно неживому, чудесным образом ожившему этой ночью за стенами дома.

Вероятно, Марина считала, что никакой явной опасности нет, и единственная угроза исходит от меня, но она внезапно прекратила плакать и рывком устремилась к окну. Успев

просунуть руку и схватить куклу, она неожиданно для себя поняла, что та схватила ее в ответ. Вдруг лицо Эллы неимоверно зловеще исказилось, брови нахмурились, глаза прищурились, а рот открылся в улыбке, полной острых зубов, и в мгновение ока кукла вонзилась в спасительную руку своей хозяйки. Понимая, что надо как-то ослабить демона, я начала читать вслух сильное заклинание, которому меня обучила бабушка на колдовском языке. Ничего не происходило и я уже подумала, что может молитва сработала бы лучше, как при звучании последнего слова кукла упала на землю неживым куском пластмассы. Мы вместе захлопнули окно, и укрылись на полу кухни. Нащупав рядом с собой полотенце, я приложила его к ране, но сквозь ткань очень быстро просочилась алая кровь.

Я держалась, как могла, в панике понимая, что мысли мои начинают путаться. Лицом к лицу столкнувшись с чем-то серьезным, мне первый раз предстояло справиться с этим без бабушки. Надавив полотенцем на рану, чтоб задержать поток крови, мы вдруг слышали шаги по крыше. Эти звуки не были похожи на человека, неуклюже перебирающегося по черепице. Больше они напоминали проворные прыжки зверя, ловко управляющегося на четырех сильных лапах. Затем раздалось шуршание около печной трубы. И тут мне стало по-настоящему страшно, а моя капризная подруга вдруг прижалась ко мне и снова начала тихо плакать. Я встала на корточки, и, осторожно проползая к столу, взяла с него дедушкину газету. Свернув ее в трубу и подкравшись к печке, я принялась повторять свое заклинание снова, только теперь во весь голос и в сторону печного отверстия.

Раздался уже знакомый мне протяжный вой, а с крыши что-то полетело в кусты. Мне показалось, что ее разбирают на части, а моя подруга с ужасом смотрела то на кровавое полотенце, то на мой рукодельный громкоговоритель, то на потолок. Свет начал моргать, и вой нарастал все мощнее, сильно сбивая меня. Более того, он заставлял стынуть кровь в жилах, и мой собственный голос становился намного тише и слабее от страха. На последних словах начало сильно першить в горле, и в конце меня совсем сдушил кашель. Как только я пыталась снова читать заклинание, мой голос начинал сильно дрожать, и с его трепетом, казалось, весь дом приобретал мелкую дрожь. На секунду мне почудилось, что он тоже живой, и испытывает на себе всю мощь этой нечисти. Наш дом с основания до крыши трясся в такт со мной, пытаюсь устоять под напором демона. Я решила помочь ему и стянула ковер с середины комнаты. Нашему взору открылся кроваво-красный огромный магический знак, а на крыше тут же все

стихло.

Через минуту в стекла стали биться кукла, мертвые насекомые и мелкие камни. Все это вихрем по очереди ходило от окна к окну. Марина, выгнанная шумом из кухни, подползла ко мне и села рядом. Мы прижались друг к другу, сидя посреди комнаты на магическом знаке. Мой голос меня покинул, и я, отчаявшись, просто бормотала заклинание, шевеля губами. Не знаю, сколько времени прошло, но, наконец, все прекратилось. В тишине издалека я услышала голос моей бабушки, который быстро приближался к дому.

Она, запыхавшись, отворила дверь ключом и вбежала в дом, договаривая слова магического заклинания. Оценив нашу ситуацию, и, открывая уже совсем красное от крови полотенце, она произнесла:

— Вот собака! Обманул, ирод...

Мне было очень сложно говорить о том, что с нами произошло. От сильного нервного напряжения события перепутались, напрочь стерев некоторые моменты из памяти. Больше всего меня беспокоило непонимание того, что же демону от нас надо и почему он завладел телом дяди Вани. И вместо детального рассказа о ночном происшествии, я завалила бабушку множеством других вопросов.

— Почему демон завладел телом дяди Вани. Он хороший человек, никогда никого не обидел? — с манерой справедливого судьи, начала я свой расспрос.

— Он был неуважителен к стараниям других людей, которые заперли демона в дереве. Я уверена, он видел знак, но решил не придать ему значения. Даже если б он просто прочитал известную ему молитву или попросил известного ему Бога о защите, то активировалась бы его собственная броня от нечистой силы, и демон не смог бы в него так легко проникнуть, — терпеливо объясняла бабушка.

Маринина мама оставалась у нас на ночь, и, соорудив на полу спальное место для себя и своей дочери, она тоже включилась в разговор.

— Но что же ему нужно от нас?

— Бесы и демоны питаются людским страхом, гневом, делают все, чтоб человек перестал видеть божественную логику вещей. Их задача как можно дальше отвести человека от его веры в лучшие чувства и справедливость мироздания, — рассказывала бабушка, выполняя свои привычные действия по дому тогда, когда все остальные замирали и внимали каждому ее слову.

То, что казалось мне нелогичным, кошмарным хаосом еще минуту назад, начинало приобретать глубокий смысл.

— Получается, демон нас не убьет? — спросила я. Что прозвучало крайне наивно, но откровенно говоря, это было именно тем, что так меня беспокоило.

— Обычно, нечисть старается убить не самого человека, а все человеческое, что в нем осталось. Его целью не является истребление человечества как такового, скорее он всеми путями старается убить все прекрасные чувства, объединяющие людей. Если демон в человеке побеждает, то одержимый, по сути, перестает быть человеком. В таком случае, конечно, он способен убить кого-то, но обычно это занимает больше времени, чем одни сутки.

— Как это понимать? — встревоженно переспросила тетя

Женя.

— Почему мы торопимся с изгнанием? — ответила вопросом на вопрос бабушка. После небольшой паузы добавив, — не из-за того же, что Иван наестся всякой дряни в лесу, вместо твоих домашних пирожков. Твой дорогой муж ежесекундно борется внутри себя за право оставаться человеком, за любовь ко всему живому, за любовь к своей семье. В тот момент, когда вы жалеете его грязный внешний вид и дикость поведения, я жалею его измученный демоном дух.

Все замолчали. Стало понятно, что никто кроме бабушки не осознает всей полноты событий. Никто не думает, что твориться с мужчиной внутри, как сильно он сам борется, чтоб вернуться к своим самым дорогим людям, и как важно не упустить время, помогая ему.

Тетя Женя стояла без малейшего движения, она более не могла ни стелить постель, ни пить чай. Она села на пол и долго думала, пока, наконец, не произнесла:

— Я готова. Давай начнем прямо сейчас спасать его, я буду делать все, что ты скажешь, баб Валя.

— Укладывая дочь спать и садись за стол, начнем приготовления к утру, — одобрительно качая головой, ответила бабушка.

Я совсем выбилась из сил, и вечернее напряжение на пределе моих возможностей дало о себе знать. Моя голова кружилась, а глаза закрывались сами собой. Последнее, что я слышала, как бабушка говорила, что надо каким-то способом заманить демона в колдовской знак, начерченный посреди комнаты. Тогда все женщины, взявшись за руки вокруг него и читая заклинание, отправят его прямо в ад.

На рассвете мы вчетвером отправились в дом Марины, чтоб подготовить его к приходу одержимого хозяина. Солнце еще не поднялось, но ярко-розовая полоса над полем красочно говорила о его неминуемом появлении. Мы подошли к дому и остолбенели. Вместо аккуратного белого домика с идеальным ремонтом, которым так гордился хозяин, перед нами предстала поросшая плесенью изба. Вокруг летали стаи мошек, у входа разбегались тараканы, а чтобы подобраться к нему сквозь чудом разросшуюся траву, нам пришлось снять тонны паутины. Было ощущение, что дом покинут давным-давно и долгие годы в нем никто не жил. И без того расстроенная мать семейства опустилась на колени и принялась рыдать.

— Евгения, вставай, ты только несколько часов назад обещала мне и мужу быть сильной. Ремонт — дело наживное, — поднимая ее, шептала бабушка, — и без лишних эмоций, прошу

тебя, демон обозначил дом своим логовом, возможно, он еще там. Прощу тебя, тише!

Налаживая дисциплину в строю, я быстро пробралась сквозь высокую траву к стенам дома и под окном по схеме начала рисовать магический знак напоминающий рыбу. На спине у нее, как мне показалось, был полумесяц, а под брюхом круг с точкой. В теле ее было четыре непонятных символа-буквы, в хвосте всего один — будто стоячие вверх вилы. Бабушка, совершенно беззвучно, словно кошка, вступила на порог дома и мелом красного цвета нарисовала большой знак на входной двери. Марина и тетя Женя обошли дом и подготовили стены с восточной и северной стороны.

Когда снаружи дом был готов, бабушка встала напротив двери и крикнула громко заклинание. Вокруг было тихо, и только неподалеку несколько раз каркнула ворона. Из дома не издалось ни звука. Бабушка аккуратно открыла дверь, и вдруг что-то черное вылетело нам навстречу. Оно с пронзительным криком вцепилось в волосы тети Жени, та ответно закричала и принялась отчаянно бить руками себя по голове. Нечто отлетело в бок и направилось в лес. Лишь по силуэту улетающей черной птицы стало понятно, что это был ворон.

— Демона здесь нет, но он скоро придет. Сторож сообщит ему о ранних гостях, однако ничего более ворон не способен рассказать, так что продолжаем внутри, — произнесла бабушка, и жестом спецназовца повела нас за собой.

Только я вступила на порог, моё горло свинцом сковал неприятный запах. Вокруг было много плесени и стоячей воды. Все домашние цветы погибли, еда испортилась, деревянный пол и мебель местами прогнила. Бабушка быстро осмотрелась и припала к выступающему участку суши посреди квадратного коридора. Вооружившись вторым куском красного мела, она нарисовала огромный символ, который должен был проглотить демона и отправить его в свой мир.

Я практически не могла дышать в этом месте и попросилась выйти. Мне было велено закрыть ветками все магические знаки, изображенные под окнами дома, а так же перерисовать символ, охраняющий вход, с внешней стороны двери на внутреннюю. Параллельно мы заучивали магические слова, что б в любой момент и в любой ситуации четко произнести их вслух.

Было неописуемо страшно находиться около дома в совершенном одиночестве, но дом изнутри вызывал во мне еще более жуткие чувства. Я то и дело оборачивалась в сторону леса, и, замирая, прислушивалась к звукам вокруг. Зачастую сильно нервничая, я представляла себе благополучное завершение дел.

Во всех красках я могла разрисовать в воображении, как прекрасно все обернется во благо, и оставит позади все тревожные переживания и страхи. Тем утром, я не могла представить ничего хорошего. Увидев прошлой ночью всю мощь демона, мне с трудом верилось, что мы сможем справиться с ним сегодня. Мысли о том, как мы проиграли в этой войне, так и лезли мне в голову. Они пробирались сквозь маленькие норки и устраивали ежесекундные бомбардировки моему сознанию из отвратительных картинок с нашими мертвыми телами, лежащими по кругу в тухлой воде этого проклятого Богом дома. Тревога и отчаяние так переполнили меня, что чуть закончив дрожащей рукой защитный дверной знак, я влетела обратно в дом.

Узнав, что бабушка поднялась на чердак, я поспешила за ней. Мне надо было срочно узнать, что никто не умрет, что мы сможем выйти отсюда живыми. Я застала ее исписывающей все пространство чердака тремя одинаковыми символами. Один из них напоминал мне перевернутую корону, второй решетку с кругом внутри, а третий был треугольник с тремя символами в каждом его углу. Я посмотрела на пол, где был очерчен ровный круг. Вокруг этого пустого круга, словно рукой безумца, все половицы были усыпаны все теми же тремя символами. У меня потемнело в глазах, и, наверное, я стала падать, потому как в следующее мгновение ощутила крепкую хватку бабушки.

— Что с тобой?

— Все очень устали, — оправдывалась я, но, встретив бабушкины глаза, которые видели меня насквозь, пришлось признаться, — я очень боюсь...

Бабушка обняла меня и сказала:

— Не бойся, ты под особой защитой, на тебе золотая броня, сотканная мною еще до твоего рождения.

Не знаю почему, но от этих простых слов мне стало намного легче. Будто бы даже прибавилось сил, и вся паника чудом бесследно растворилась в этом затхлом воздухе.

Бабушка окурила нашу избу-ловушку травами. В какой-то момент порыв ветра ворвался в дом, и мы синхронно оглянулись, услышав протяжный вой, совсем недалеко от дома.

Встав в круг посреди коридора, мы взялись за руки.

— Теперь, чтоб не происходило перед вами, рук не размыкать. Марина, закрой глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу, — скомандовала бабушка.

— Мама, завяжи мне глаза, — вдруг попросила Марина.

Я поняла, что ей не то чтоб страшно, а скорее невыносимо видеть папу в другом облиции.

Мы услышали, как шум травы и деревьев усиливался с

приближением хозяина дома. Он спешил встретить гостей. Подойдя к двери дома, стало понятно, что он замер. В полной тишине были различимы звуки обнюхивания, будто бы огромный волк изучал землю у дома, ступеньки, порог и дверь, и даже сам воздух вокруг. Я понимала, что нарисованная магия на двери по теории не должна позволить ему войти, но все моё тело трепетало в ожидании именно этого. Вдруг шум переместился к окну, было понятно, что демон желает остаться незамеченным, но мы ловили каждый его шорох. Кто-то явно пытался нас застать врасплох, но все еще не мог зайти сквозь защитные символы. Шуршание по периметру дома стихло, и мы слышали тихие шаги по крыше. Он ходил вокруг и начинал тяжело дышать, понимая, что магия не дает ему проникнуть в дом. Потом совсем все стихло. Бабушка посмотрела нам в глаза и дала команду быть готовыми к чтению заклинания, в эту же секунду в окна с грохотом стало что-то биться: во все стекла, со всех сторон, словно нас обстреливали из пулемета. Я слышала треск стекла, а через несколько секунд звон его осколков о пол. Нас окружили стаи черных птиц, которые с силой влетали в комнаты дома. Долетая до нас, они тут же вылетали обратно, словно все дверные проемы в коридор были заколочены невидимыми досками. Продолжая следить за бабушкиным лицом, чтоб не пропустить ни одной команды, мы слышали грохот, в то же мгновение потолок провалился в самой середине комнаты.

В круг, очерченный нами, упал дядя Ваня. Точнее сказать, он приземлился на руки и ноги как пес или волк. Его волосы были взъерошены, глаза быстро бегали вокруг и не могли остановиться. Он казался сумасшедшим, обезумевшим, а в какие-то моменты и вовсе не походил более на человека. Я смогла рассмотреть его всего несколько секунд, как бабушка начала интенсивно дергать мою руку, и мы заголосили хором выученное заклинание. Теперь мужчину притянуло, как магнитом к деревянному полу, и он с силой вжался в него. Мне показалось, что краска, которой был нарисован символ, вспыхнула кровавым ярким цветом, а сам знак будто бы задышал.

Вдруг одержимый мужчина пришёл в себя, он поднял голову и посмотрел на жену. Нежным голосом он принялся говорить, как скучал по ней и как любит её. Тетя Женя уставилась на бабушку, но та дала знак продолжать читать заклинание. В этот же момент мужчина снова оскалился, но уже в следующую секунду он заплакал. Тоскливым взглядом, будто бы не понимая, что девочка не видит его, он смотрел на дочь. Прикованный к полу он умолял помочь ему встать. Говорил, что мать пытается его убить, так как завела молодого любовника. Она хочет, что б у дочурки был

чужой папа. Девочка ничего не видела, только слышала его мольбу, однако на удивление всем она стойко читала заклинание, словно не слыша ни одного его слова.

Вдруг слезы мужчины стали капать на пол и, попадая на кроваво-красный знак, они просто испарялись, словно капали на раскаленную сковородку. Дядя Ваня сильно закричал, сначала как человек, потом как стая волков. Он всё ещё был прикован к полу, и всем было понятно, что мужчина испытывает невыносимую физическую боль. Мы были сомкнуты ритуальным кругом, и никто не мог помочь его телу, прежде чем его дух не будет освобожден от демона. Наблюдая, как он буквально заживо поджаривается на раскаленном полу всего в метре от прохладной стоячей воды, глаза моей бабушки наполнились слезами, и она отвернулась, потупив взор в стену. По её лицу и отрешенному взгляду я поняла, что мужчину не спасти. Жена, кажется, тоже всё понимала и просто закрыла глаза, которые долгое время и так были слепы от слёз. Тело мужчины слабело, его глаза белели то и дело закатываясь назад, рот был просто открыт и уже не производил никаких звуков.

Вдруг входная дверь распахнулась, и в дом проникли слепящие лучи утреннего солнца. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидела перед собой ковбоя. Да, да именно ковбоя. Он был в сапогах со шпорами, ковбойских штанах и шляпе. Хорошо была различима светлая рубашка, которая словно светилась белизной, поверх неё была одета бежевая замшевая жилетка. Войдя, он огляделся. Совершенно беззвучно подошёл к нам, а потом я не поняла, как он оказался внутри круга, ведь никто не размыкал рук. Прямо перед моим носом он взял мужчину за ноги и вытащил его тело из круга. Ковбой перевернул и протащил полуобморочного дядю Ваню на спине через весь коридор к двери. Раздалось шипение воды, и через мгновение дверь в дом снова закрылась.

Мы повторяли заклинание ещё минуту, пока бабушка не разомкнула круг. Она быстрым рывком подбежала к лежащему в луже воды мужчине. Меня сковал страх, и я не смогла последовать за ней. Мне было легче смотреть в пол, на котором было немного запекшейся крови, обгорелые ошметки одежды и шерсть какого-то животного, чем видеть, что стало с дядей Ваней. Стоял невыносимый запах — это была смесь тухлой воды и паленой шерсти. Тетя Женя последовала за бабушкой, вытирая рукавами свое мокрое от слез лицо. Я вывела Марину из дома, стараясь не смотреть в сторону обгоревшего мужчины. Сравнявшись с ним, по каким-то неведанным мне причинам, голова моя сама повернулась в его сторону, и я увидела мужскую

грудь в страшных ожогах, повторяющих элементы магического знака, которая все же медленно приподнималась от слабого дыхания.

Когда дядя Ваня пошёл на поправку, мы с бабушкой зашли в больницу навестить его. Помню, я была в недоумении от померещившегося мне ковбоя и напрямую спросила, знал ли он какого-нибудь ковбоя в своей жизни. Мужчина рассмеялся, видимо немного ковбоев можно было найти в нашей деревне. Но, на секунду задумавшись, ответил, что в детстве у него был воображаемый друг ковбой, с которым они всегда участвовали в перестрелках и «спасали друг другу шкуру».

— Бабушка, как же воображаемый друг мог прийти и спасти дядю Ваню на самом деле? — выходя из палаты, спросила я.

— Часто дети играют со своими собственными ангелами-хранителями, называя их уже во взрослой жизни воображаемыми друзьями. Лично я не видела ковбоя, в моем случае какой-то свет влетел через закрытую дверь и вытащил мужчину из круга. Его жена почти ничего не видела от слез, но она уверена, что её муж выполз сам. Но ты ребёнок, ты видела самый правдивый вариант этой истории. Более того, ты видела в лицо его собственного ангела хранителя, который всё детство приходил и вытаскивал его из передряг.

Вишневый пирог

Глава 1

Стояла теплая золотая осень. В эти дни солнце по-особому отражалось от желтой листвы и невероятно теплым светом проникало в дом. Сейчас небо казалось, как никогда, синим и приветливым. В это субботнее утро мы были заняты домашними хлопотами. Настежь распахнутые окна радовались последним теплым денькам, а прозрачные занавески играли с ветром под веселый шум листвы.

Начался учебный год, и теперь я могла приезжать в деревню только по выходным. Моё пребывание здесь сильно отличалось от городских будней. Дело было не только в качестве воздуха и отсутствии суеты. Пожалуй, самым главным отличием было моё духовное состояние там и здесь. В городе я включалась в постоянную погоню за оценками в школе, первенство в танцевальном классе, за новыми развлечениями, которые якобы должны были меня отвлечь от школы и снять нагрузку. Мало того, что в городской суете я забывала весь пережитый опыт у бабушки в деревне, ко всему все сверхъестественные события, всплывающие в моей голове, более не казались мне реальными. Мой городской мозг отказывался их принимать, он объявлял меня фантазеркой и лгуньей. Но даже это было бы не так важно, если бы не подключился еще один крайне неприятный факт: я перестала придумывать себе мечты. В какой-то момент осознав, что все мои мечты и стремления не принадлежат лично мне, я стала замечать, что нахожусь в погоне за чужой мечтой, набравшей максимальную популярность в моем окружении. Понимать свои мечты и саму себя, у меня получалось только здесь, в деревне, на лоне природы, в доме моей бабушки. Именно тогда я решила записывать все свои мысли и переживания, и когда город снова поглотит меня, я смогу прочесть их и найти дорогу обратно к себе.

Я сидела на своей любимой лавочке среди вышитых гладью подушек, что стояла у окна кухни, и делала свои записи. Меня отвлек стук дверь, я подняла голову и увидела, как в комнату прошла наша соседка. В руках она держала вишневый пирог, который выглядел очень аппетитно. Она, широко улыбаясь, засуетилась с чаем, поставив пирог на середину круглого стола. Я тот час села рядом и попыталась пальцем отковырнуть маленький кусочек вишни, как рука бабушки одернула меня и отправила за кружками и сахаром. В спешке накрыв на стол, я снова принялась гипнотизировать пирог. И тут мне показалось, что он шевельнулся. Откинувшись назад, я протерла глаза. Та вишня, за

которой я только что тянулась, шевельнулась еще раз. Встав и отойдя в сторону, я уже вызывала тревожным голосом бабушку. Обе женщины подошли ближе, и шевеление повторилось. Бабушка уставилась на соседку, в ответ соседка уставилась на бабушку.

— Не свежий, что ли? — спросила бабушка, с явной иронией в голосе.

— Так это ж твой пирог, на окне у тебя остывал, может оса забралась... — растерянно отозвалась баб Маша.

Бабушка прищурила глаз и сказала мне принести газету. Она переложила на нее пирог и воткнула в него большой нож. В разрезе пирог засочился красной жидкостью, напоминающей кровь, а вишни, выпавшие из него, оказались наполнены белыми живыми червячками, которые находились в постоянном движении.

— Кажется, это нам субботний «привет» от ведьмы из соседней деревни, — загадочно произнесла бабушка, — надеюсь, никто не успел его попробовать?

— Что значит попробовать? — вдруг с каким-то дурацким недоумением спросила баб Маша.

Бабушка уставилась на соседку, было видно, что ей хотелось с одной стороны съязвить, но с другой стороны было совсем не до смеха.

— Я пойду, промою рот, — сказала, вконец растерявшаяся от молчания бабушки, женщина.

— Да, иди, промой рот, и все проблемы будут решены, — ей в след всё-таки съязвила бабушка.

— Я дома промою, с мылом! — ответила, внезапно рассердившаяся баба Маша, развернулась и быстрым шагом направилась к входной двери.

— Ладно, сядь, — остановила ее бабушка, — тебе нельзя домой. Ведьмин пирог — это не шутки.

Полноватая женщина села за стол, а потом, немного поразмыслив, выпалила:

— Валентина, так может только вишни заколдованные, возможно крем она самый обычный добавила?

Бабушка посмотрела на нее такими большими глазами, что важность заколдованного пирога отходила на второй план по сравнению с вопросами нашей соседки Марии.

— Вот знаешь, Маша, то место, где ты сейчас сидишь — это самое лучшее место в доме. Попробуй расслабиться там и помолчать, нам же еще не известно, какое именно заклятие ведьма применила к пирогу, — с немалой выдержкой ответила бабушка.

Она пошла в сторону погребца, и я слышала, как крышка его скрипнула. Подскочив с места, я подбежала к ней со словами:

— Бабуля, я все достану только скажи, что тебе нужно!

— Не сейчас, дорогая, с этим пирогом я разделаюсь сама, тебя никак не должно коснуться это дело.

Ее поведение и слова меня насторожили, вместе мы противостояли самому демону этой весной и вдруг моя помощь более не нужна. Я даже немного расстроилась и уселась рядом с погребом, подсматривая, что именно берет оттуда бабушка. Но она обернулась и продолжила:

— Я не хочу, чтоб она учуяла твой запах. Мне предстоит поколдовать над пирогом, чтоб понять, что нам с ним делать. Если же до магических предметов, которыми я буду работать, дотронется кто-то другой, она почувствует это и нацелится на тебя, так как я ей не по зубам.

Сейчас мне стало понятней, и я уже без детских обид с чистым любопытством следила за каждым ее движением.

Из погреба бабушка достала всего один прозрачный кристалл на веревочке. Он был в форме заостренного камня с очень гладкими отполированными гранями. Отвернувшись от пирога, бабушка что-то нашептала ему, подняла кристалл над головой, а потом прижала к середине груди. С закрытыми глазами проговорила что-то, беззвучно шевеля губами и, явно все еще обращаясь к камню, произнесла: «благодарю тебя». Она поднесла кристалл к пирогу так, чтоб он висел над его центром, не касаясь, и замерла в ожидании. Мы с баб Машей склонились над столом и тоже стали жать. Кристалл висел всего пару секунд, а затем начал сильно раскачиваться по кругу, набирая обороты. Вдруг бабушка остановила его и сказала:

— Хорошо, это я поняла, — определенно обращаясь к минералу.

Она провела пальцами по шнурку, будто выпрямляя его, и снова поднесла свой самодельный маятник к центру пирога. На этот раз камень опустился так низко, что почти коснулся одинокой вишенки в креме, украшающей весь пирог. В это же мгновение прозрачный камень начал наполняться черным дымом. Зрелище это было поистине потрясающим, несмотря на то, что я уже привыкла к подобным «фокусам». Баб Маша с неподражаемо искренним удивлением прикрыла руками рот и отклонилась назад, а затем глянула на бабушку абсолютно ошеломленным взглядом.

— Так, барышни, нам необходимо идти к дому ведьмы и закопать пирог на её земле, только тогда возможно снять такое колдовство быстро, — бабушка перевела взгляд на соседку и добавила, — и без жертв.

Женщина театрально сглотнула слюну.

Бабушка любила нашу соседку, видимо за такое поверхностное отношение к вещам. Она говорила, что это очень ценно в людях, когда они относятся к жизни, как к игре на сцене. Тогда, когда я так спешила взрослеть, мне напротив казалось ее поведение сродни человеческой глупости. Бабушка всегда пресекала мои попытки судить людей критериями ума и глупости, отвечая, что Мария всех нас мудрее, раз не воспринимает ничего всерьез.

— Идти надо всем вместе, прямо сейчас, желательно успеть до заката! — озвучила итоги своего гадания бабушка.

— Что, и чаю не попьем? — весело пошутила соседка.

И тут же улыбка сошла с ее лица, всем стало понятно по ее движениям, что она не могла пошевелить ногами. Они в свою очередь набухали прямо у нас на глазах и уже через полминуты выглядели как два основательных столба.

Бабушка быстрым движением заглянула под стол. Потом посмотрела баб Маше в лицо и спросила:

— Почему именно сейчас они опухли?

Но мне показалось, она спрашивала саму себя.

— Что ты имеешь в виду? — ответила соседка, облокотившись о стол локтем с видом знатока магических обрядов.

Бабушка остановила на ней задумчивый взгляд, потом перевела его на импозантную позу соседки и пошла на кухню, приговаривая:

— Надо приготовить мазь для твоих ног.

Я проводила ее взглядом в залитый солнцем угол кухни, и посмотрела на оставленный кристалл. Он до сих пор был абсолютно черный, и так манил к себе, словно нашептывал: «возьми меня в руки, ничего не будет».

— Что ты там рассматриваешь? — отвлекла меня баб Маша.

— В школе по химии нам рассказывали, что некоторые вещества вступают в реакцию с солнечным светом и меняют окрас, — ответила я на автомате. Мне действительно было интересно разобраться с точки зрения науки, как такое потемнение могло произойти.

— Ты думаешь это Валентинин фокус? — баб Маша, словно с глазу на глаз, секретничала со мной, несмотря на то, что мы все находились в одном помещении.

— Я думаю, что всю магию можно объяснить научно, просто никто не берется это делать. Ученым легче не принимать магию, а магам легче винить ученых в непросвещенности.

Вдруг, на моих глазах наша соседка, прикованная к стулу,

встала и подошла к бабушке.

— А ты Валентина, что по этому поводу думаешь? Ребенок вон, какие вещи выдает, — поинтересовалась она, с легкостью передвигая свои ноги обычного размера, как и прежде.

От шока моя голова сама собой наклонилась вперед. Бабушка, готовившая ей мазь, замерла в оцепенении. Она посмотрела внимательно на ноги бабы Маши, и стала раскладывать ингредиенты из своей медной миски обратно по банкам.

— Ты готова идти? — обратилась она к своей подруге.

— А мне обязательно? — переспросила она.

Бабушка кивнула, словно сдерживая себя, чтоб не наговорить лишнего.

— Тогда пошли скорее, а то мужик меня искать начнет.

Я в полном недоумении ловила бабушкин взгляд. И когда та, наконец, одарила меня им, я выставила чуть заметно ладонь в сторону ног женщины и вопросительно замотала головой. Бабушка закрыла глаза, кивнула мне и беззвучно произнесла «потом».

Оставив бабушке записку, мы вышли на залитую солнцем улицу. Сейчас мне было сложно понять, зачем бабушка взяла с собой керосиновую лампу, которую несла именно я, ведь мы собирались вернуться дотемна. Это был совершенно ясный день, и только несколько белых пушистых облачков медленно проплывали на ярко-синем небосклоне. Два Клена на нашей улице приобрели насыщенный желтый цвет, и разложили у своих стволов, словно создавая уют, золотые ковры из нападавших листьев. Эти деревья, подобно уличным фонарям, горели в свете необычайно яркого солнца, и мимо них было невозможно пройти, не бросив восторженный взгляд. «Как краски меняют мир? Что, если б природа всегда была такой желтой на нашей планете? Мы бы, наверное, утонули в этом золотом свете тепла», — думала я про себя.

— Возможно, люди были бы добрее друг к другу, если б жили в такой красоте каждый день, — вдруг, неожиданно для всех, я озвучила свои мысли.

— Всё очень относительно, — пораздумав, ответила бабушка, — человеку всего всегда будет мало, и это касается как красоты, так и доброты. Если мы пригласим пожить в нашем времени кого-нибудь из средневековья, он с уверенностью скажет, что сейчас все люди просто ангелы. А люди будущего будут ангелами для нас, хотя сами для себя останутся несовершенными людьми. И так будет происходить до бесконечности, потому что ни красота, ни доброта не имеет предела.

Ее слова заставили меня впасть в глубокие раздумья на пути к лесу. Я никогда не рассматривала мир в таком ключе ведь, по сути, меняется только человек, природа всегда была и остается прежней. Мы не сделали её лучше ни за сотни, ни за тысячи лет. Но она определенно сделала нас лучше, насколько могла это сделать, хоть мы и оказывали ей в свою очередь неслабое сопротивление.

Рассматривая переполненную красками осень, я даже не заметила, как мы вышли на пшеничное поле. Перед нами открылся смешанный лес, который утопал в пятнах огненно-красных, все еще зеленых и сверкающе желтых деревьев. Глядя на горизонт мне казалось, что неаккуратный художник расплескал свои краски на холсте, и настоящий лес не может так выглядеть в реальности. Мы вступили в еще не убранную Пшеницу, которая, словно полотно золотого шелка, переливалась от каждого дуновения ветра. Её невероятно теплый, какой-то даже медовый

цвет заворожил меня. Колоски, полные зёрен, были уже тяжелее обычного и в такт кивали плодородной земле, благодаря ее за всё, что она дала им за это тёплое лето. Мы пошли по краю, где уже начался сбор урожая, но правой рукой я все еще могла доставать до зрелых колосьев, поглаживая этот хлебный ковер.

Солнце то и дело начинало пропадать за мелкими единичными облаками. Я подняла голову и увидела, как над лесом нависла темно-серая туча. Её границы были плохо различимы, они скорее рассыпались на эти мелкие сероватые тучки, заслоняющие последние на сегодня лучи. Даже понимая, что надвигается сильная гроза, я всё еще наслаждалась этим сочетанием сине-серого, невероятно глубокого неба, в котором утопал золотой лес.

— Если мы свернем направо и пройдем полкилометра, то выйдем к беседке вблизи дороги, и сможем переждать грозу. Судя по цвету неба, надвигается сильная буря, — предложила бабушка.

Баб Маша, шмыгнула носом, перебросила бабушкину тряпичную сумку на другое плечо и пошла вслед за нами. В сумку нашей соседки бабушка сложила небольшую, но увесистую лопатку, термос со своим колдовским чаем и свежий круглый хлеб. Сама она несла только лишь один пирог, завернутый в тонны газет и перевязанный бечевкой. По ее словам, его нельзя было нести рядом с другими вещами, чтоб колдовство не «перетекло» на них.

Мы свернули направо, и пошли по узкой тропинке, которая разделяла высокий лес и ржаное поле. Здесь было тихо и безветренно, а воздух наполнился насыщенным ароматом сена и влажного мха. Я с легкостью могла узнавать дождь в эту пору даже с закрытыми глазами, только по букету раскрывающихся от избытка влаги запахов. В нем легко различался аромат грибов, немного пахучей хвои и сложный травяной запах, вперемешку с подгнившей листвой.

Наша соседка не походила на человека, подверженного сильному колдовству. Она напевала какие-то сельские песни, и подкреплялась дарами природы на всём протяжении пути. Сначала я наблюдала у неё в руках несколько мелких яблок, сорванных ещё в деревне, потом охалку колосков, которые она кропотливо разбирала, словно птица, выискивая зерна. Теперь она то и дело припадала к земле и ела лесную ягоду.

— Может на пироге заклинание обжорства? — со смешком в голосе, тихо спросила я бабушку, когда женщина снова принялась искать что-то во мху.

— Мария уникальный человек, магия на неё не действует, пока она в неё не верит, — наклонившись ко мне, с тоном

совершенной секретности, произнесла бабуля.

— Это как? Разве так можно? — шепнула я в ответ.

— По сути, все мы так можем. Если не верить вовсе, то никакое колдовство не сработает. Есть такой закон в мире, работает только то, во что ты сам веришь. Но наше сознание не так просто устроено, как сложно его убедить в чем-то, так же сложно и разубедить. Всё равно, какая-то часть нас самих, всегда верит в магию и колдовство, так повелось из далекого прошлого, так учат детей при помощи сказок. Именно тогда в нас вкладывают зерна этих правил, с детства мы начинаем верить в колдовство, а значит, даём ему силу на протяжении всей жизни. Мария же врожденная актриса, человек от природы одаренный входить в нужное состояние за секунды и считать это состояние своим единственно правильными. Поэтому, магия так непостоянна для неё, и зависит от того, во что именно в данный момент она верит.

То, что сказала мне сейчас бабушка не то, чтобы повергло меня в шок, это скорее было сродни слову, значение которого я забыла, а она мне напомнила. Подобно открытию, о котором все знают, но никто не говорит. Баб Маша подошла ко мне с горстью Черники и высыпала ее в мои руки со словами:

— Хорошо для зрения, ешь ребенок.

Я посмотрела на нее и вдруг увидела, какая она красивая. Гладкое почти без морщин лицо, и это несмотря на один возраст с моей бабулей, большие открытые глаза с задорным блеском и тонкие губы всегда в полуулыбке. Я никогда бы не поверила, что эта женщина идет сейчас к колдунье закапывать заговоренный пирог. Что ей угрожает какая-либо опасность, и что она вообще кого-то или чего-то по-настоящему боится. Только теперь я начала понимать, о чем говорила мне бабушка. Передо мной стояла красивая, счастливая женщина, имеющая мудрость и смелость не воспринимать людскую суету всерьез. Поблагодарив ее, я повернулась к бабушке и тихо спросила:

— Может, зря идем? Человек не верит, нам же лучше. Выкинем его и дело с концом. Или закопаем прямо здесь, если уж необходимо придать земле.

Бабушка сделала вид, что не услышала меня. И это был, пожалуй, самый красноречивый из всех возможных ответов.

Дождь уже интенсивно накрапывал, как мы увидели впереди деревянное сооружение. Это была беседка на небольшом возвышении, она имела всего две стены и покатую, но добротную крышу. Посреди нее стоял деревянный стол, а по обе стороны к стенам были приделаны скамейки. Поднявшись по трём высоким ступенькам, мы очутились в довольно уютном месте, которое

прекрасно спасало от дождя и ветра. Туча совсем закрыла солнце, и вокруг нас резко потемнело. Устроившись на лавочке, я предложила зажечь керосиновую лампу. Бабушка почему-то задумалась над этим предложением, но в итоге согласилась. Было видно, что она взяла её с собой на какой-то другой случай, о котором ей не хотелось пока что ни рассказывать, ни даже думать. Фитиль зажегся, и сразу окутал теплом наше уютное укрытие. Я переставила лампу на середину стола, где лежали оставленные кем-то желтые и красные кленовые листья. Со светом лампы они словно вспыхнули жизнью и стали сами излучать свет подобно огню.

Наблюдая за ними, я не заметила, как женщины открыли термос и поделили половину круглого хлеба. Только пряный запах травяного чая и сытного хлеба отвлекли меня от моих наблюдений. Теперь я облокотилась на край стены и смотрела, как лес утопает в каплях дождя, чувствуя, как по телу растекается горячий чай и окутывает своим ароматом, неимоверно расслабляя. Вдруг что-то пролетело между деревьями, словно большая птица, которая, казалось, просто перепрыгнула с ветки на ветку. Я привстала, ведь мой опыт наблюдения за лесом и его обитателями сообщал мне о чрезвычайно необычных движениях этой птицы, если это вообще была птица. Я замерла, пытаюсь вновь словить то, что двигалось, но, как назло, ничего не происходило. Опять облокотившись к деревянному косяку, я откусила ломоть хлеба, как вдруг снова что-то тёмное перелетело над лесом. Теперь я уже точно видела не птицу, но кого именно всё же не могла рассмотреть. Забыв все предостережения относительно верований баб Маши, я повернулась к бабушке и произнесла:

— Там что-то тёмное перемещается по макушкам деревьев.

Та, ничего не ответив, быстро потушила лампу и дала знак молчать. Мы сдвинулись в центр беседки, и она быстрым и ловким движением подтянула к себе мою матерчатую сумку. Достав оттуда льняной мешок с сушеной травой, бабушка подожгла одну перламутровую с голубизной ветку и стала водить ею вокруг газетного свертка с пирогом. По запаху я догадалась, что это Полынь. Тут же что-то абсолютно черное пронеслось над беседкой и издало звук, подобно тому, как отдергивается тяжелая занавеска.

— Что это? — спросила баб Маша и изогнулась, чтоб взглянуть вверх.

Бабушка быстро пересела на ее сторону, загородив ей весь вид, и тихо шепнула:

— Я думаю, это аист ищет укрытие от дождя.

Вдруг наша соседка искривилась лицом и принялась перебирать языком, в ту же минуту вытащив изо рта кусок хлеба. Она бросила его на пол беседки и стала давить ногами. Бабушка тут же с мастерством актрисы поднесла бабе Маше кружку с чаем и сказала:

— Запей, запей, видимо с куста упал в сумку и залез тебе на хлеб.

Я совсем не понимала, о ком она говорила, потому как ни на куске хлеба, ни рядом с ним никого не было. Наша соседка сейчас с усердием топтала кого-то невидимого, или видимого исключительно ей, а моя бабушка ей отчаянно подыгрывала. Она усадила женщину обратно на скамью и буквально заставила выпить весь чай. Переложив тлеющую ветку полыни в другую руку, она стала водить по часовой стрелке около ее затылка так, чтоб та не заметила этих движений. Затем подобравшись совсем близко к уху женщины, бабушка принялась еле слышно что-то напевать. Ее странная песня монотонно смешивалась со стуком дождя по крыше беседки, попадая необычайно искусно в такт всех этих капель. Я удивилась ее вокальному мастерству, и в череде этих немногих мыслей поняла, что мои веки тоже налились свинцом. Полузакрытыми глазами я все еще видела, как бабушка уложила на скамейку баб Машу и подошла ко мне. От приближения ее песни моё тело стало совсем ватным, а веки совершенно предательски потяжелели. Ее мягкие руки подхватили меня, и, закрыв глаза, я почувствовала невероятное облегчение. Моя война со своим телом была закончена, шея расслабилась и я провалилась в глубокий сон.

Когда я открыла глаза дождь, уже закончился и из-под низких туч светило заходящее солнце. Его яркие плотные лучи уверенными рыжими полосами проникали в беседку позволяя пыли и мелкой мошкаре играть в своем предвечернем свете. Я поднялась и села на скамейку. После дождя было свежо, но сильно хотелось пить. Голова, казалась, словно в тумане, а язык буквально присох к небу. На столе стояли наши кружки, полные дождевой воды, и я залпом осушила одну из них. Бабушка сидела рядом, и по ее виду я догадалась, что она тоже дремала.

— Что случилось? Мы все уснули? — спросила я.

— Мне необходимо было вас убаюкать. Ведьма следила за нами, и мне становилось все труднее контролировать действие пирога на Марию, ровно, как и саму Марию. Скоро ночь и ей теперь будет сложнее нас вычислить в лесу.

Она произнесла это так, словно ночной лес мог стать для нас спасением, и я, полагаю, должна была испытать облегчение от этих слов, которое, разумеется, не последовало. Напротив, мой живот скрутило от страха, и я глотнула воды уже из чужой кружки.

— Бабуль, я не понимаю, мы идем закапывать пирог, чтоб магия перестала действовать на баб Машу... Но ведь она и так на нее не действует? Ко всему ведьма следит за нами, и скорее всего только и ждет, когда мы выйдем из беседки в ночной лес. Поправь меня, но я не вижу смысла в наших действиях.

— Для полного исчезновения действия магии, необходимо вернуть пирог владельцу. Закопать его должен тот, кто вкусил, произнеся при этом заклинание возврата. Если б Мария не лизнула тот крем с вишенки, я б отнесла его сама и ведьма мне ничего бы не сделала, даже если б проследила за мной с самого порога. Сейчас же она пытается понять, кто пробовал пирог, чтоб усилить его действие и свести человека сума еще до того, как он доберется до ее земли. Пока что она не поняла ты или наша соседка под ее магией, ведь я могла взять Марию себе в помощь или как приманку.

— Приманку? Ты смогла бы взять Марию, как приманку ведьме с собой в лес? — мой голос слегка дрогнул от произнесенных слов.

— Нет, конечно, я б никогда не поступила так. Но, к сожалению, человек с большими мыслями не может представить мысли здоровых людей. В этом и есть наша с ней разница.

— А кто она такая? Почему не любит тебя? В смысле..., — я

немного запуталась с правильным определением их взаимоотношений и добавила, — в смысле, почему вы враги?

— Сейчас лучше не вспоминать эту историю и не засорять ею этот прекрасный вечерний воздух. Я расскажу ее тебе, когда все закончится.

Мне ничего больше не оставалось, как со всем согласиться. Задумав уточнить еще кое-какие детали относительно нашего ночного похода, я вдруг затихла, увидев шевеление баб Маши.

Выйдя из беседки меня окутал медовый на цвет и невероятно пряный на вкус воздух. Отблески заходящего солнца зайчиками отражались от мокрой листвы и слепили глаза, будто заигрывали со мной, прощаясь до рассвета.

Следом вышла баб Маша, она размяла шею, вдохнула вечерний воздух всей грудью и заявила:

— Я не хочу идти дальше, скоро стемнеет, не стоит нам болтаться по ночному лесу.

И она была абсолютно права. Однако ситуация осложнилась, и я не представляла, как объяснить нашей соседке, что ее жизнь в опасности, да так, чтоб она поверила и одновременно не поверила в это.

— Мария, помоги мне. Без твоей поддержки я не справлюсь. Эта женщина мой злейший враг с самой юности, и она прислала моей внучке пирог полный чьей-то крови и опарышей. Неужели я могу «проглотить» такое и не отдать ей обратно этот бесценный подарок? — из беседки донесся голос бабушки, такой сильный и авторитетный и в то же время очень мягкий и убедительный, что отказать ей было довольно трудно.

Все это выглядело каким-то странным парадоксом, но женщина в позе греческого мыслителя решала сейчас помогать нам или нет спасти её собственную жизнь.

— А мужик мой что? В милицию пойдет...

— Я оставила Васе записку, он научен длинною в жизнь, что со мной люди не пропадают. Уверена он убедит твоего мужика, что с нами все в порядке.

— И что там написано? — забеспокоилась женщина.

— Написано, что «пошли в соседнюю деревню закапывать колдовской пирог, вернемся самое раннее вечером, самое позднее утром. Волноваться не стоит».

Я не смогла сдержать свой смех. Это было правдой, но одновременно какой-то совершенно нелепой правдой. Баб Маша подхватила его, и спустя мгновение бабушка тоже закатилась звонким хохотом, плюхнувшись на высокую ступеньку беседки. Наша полноватая соседка с озорным видом, вытирая слезы, добавила:

— Ладно, давай сходим... Только быстро!

От этой фразы все практически легли на землю, и наша поляна разразилась новой вспышкой раскатистого смеха.

Дожидааясь темноты, от бабушки пришло подкрепление в виде второй половины круглого хлеба и все еще горячего чая. Когда мы, наконец, отправились в путь, было уже довольно темно. Подготовленные не разговаривать и следить за всеми ее командами, мы, словно отряд партизан, тихо шмыгнули в гущу смешанных деревьев неминуемо чернеющего леса. Он узкой полосой разделял два пшеничных поля, и спустя уже минуту пред нами предстало море волнующихся колосьев, и мы вошли в высокую Рожь. Несколько очень ярких звезд восходило над все еще зеленым горизонтом, и, наблюдая эту непрерывную стену темно-синего леса, я никак не могла отделаться от мысли, что ведьма уже поджидает нас там.

Вопреки всем бабушкиным убеждениям и ее немалому опыту, я вдруг вообразила, что единственный, на кого сейчас действует магия пирога — это сама бабушка. Она, словно не понимала реальности и вела нас прямо в руки к своему врагу. Если это было так, то мы обречены. От этих мыслей у меня закружилась голова, и мне нужно было срочно завести разговор, потому как противоречивые догадки начинали медленно сводить меня сума.

— Бабуль, а какая эта ведьма? Как она выглядит? — шепотом спросила я.

— Когда-то мы были друзьями. Она всего на 2 года младше меня, но уже никто не сможет догадаться об этом. Думаю, выглядит сейчас она, возможно, на десять, а то все двадцать лет моложе, — тихо ответила бабушка.

Я решила продолжить беседу, и раз уж она сама подвела к этой теме, я снова спросила:

— А как же можно быть моложе на десять или двадцать лет? Это чёрная магия?

— Я тебе уже говорила, что магия не бывает ни белой, ни черной. Магия она одна, а вот замыслы и желания владельца, они имеют цвет.

— Получается, ты тоже можешь быть моложе на двадцать лет? — в некотором шоке спросила я.

— Могу, но не имею таких желаний. Ко всему для реализации столь масштабных запросов надо принести жертву, а я не могу никем из вас пожертвовать.

Я только было раскрыла рот, чтоб уточнить момент жертвы, как бабушка меня перебила:

— Будет время и место поудобнее, я тебя посвящу в подробности омоложения и ты сама сможешь судить, как много

людей решиться на такое.

На этот раз бабушка довольно жёстко оборвала цепь моих вопросов, и как всегда дала повод для бескрайнего моря фантазий.

Оставалось шагов двадцать до конца поля, как высоко над нами в обратном направлении вылетело что-то большое и темное. Бабушка знаками показала молча бежать в лес. Мы рванули, стараясь создавать меньше шума. Забравшись под раскидистые кусты, я нашла пустой клочок неба над полем, и стала наблюдать сквозь густую листву. Я отчетливо видела подобие огромной птицы, летающей над рожью прямо там, где мы только что проходили. Отчаянно щурив глаза в темноте, и пытаясь как можно подробнее рассмотреть этого летуна, я вдруг поняла самое главное, что движения этой птицы были совсем не птичьими. Совершенно невозможно было различить размах крыльев или их плавные синхронные движения. Напротив, весь полет походил на скачкообразное появление темного силуэта в разных местах над полем. Через несколько минут наблюдений, темная фигура стала быстро приближаться, и мы увидели кого-то в черном развивающемся плаще прямо над своими головами.

— Валентина, это же никакой, к черту, не аист! — возмущенно зашептала баб Маша.

— А кто это? — прижав брови и ожидая от Марии, какого угодно ответа, поинтересовалась бабушка.

— Это же ведьма! — уверенно произнесла она.

Выбравшись из-под кустов, мы собрались было идти дальше, как оказалось, что у баб Маши снова увеличились ноги. Она продемонстрировала нам, что может ими шевелить, но даже в темноте мне было ясно видно, что они распухли вдвое.

— Ты можешь идти? — тихо спросила ее бабушка.

Она закивала головой. Я смотрела на неё, и совершенно не понимала теперь, что она за человек. Сначала показавшись мне настолько легкомысленной, что паника должна была быть её неотъемлемой частью в ситуациях повышенной опасности, сейчас она со стойкостью бойца переносила все потрясения ночи, которые явно только начинались. При всём этом, я думаю, она прекрасно понимала, ради кого на самом деле мы идём к ведьме. Конечно же, она понимала, а как иначе? Но каким-то немыслимым образом в ней сочеталась эта детская наивность и невиданная выдержка.

— Мы пойдем не торопясь, главное для нас это не шуметь, — скомандовала бабушка.

Мы взяли баб Машу под руки и, проверяя каждый шаг, медленно начали двигаться сквозь лес. Она не казалась тяжелой, несмотря на свои формы и опухшие ноги, наоборот можно было подумать, что она наполнена воздухом, словно воздушный шарик. Мне было совсем не тяжело ее поддерживать, и я заметила, что начинаю опережать шаги женщин. Эта спешка была вызвана явным чутьем неприятностей, ведь я впервые в своей жизни пряталась от летающей над лесом ведьмы.

Подняв голову, я то и дело проверяла обстановку. Здесь царили смешанные деревья и кустарники, многие из них отблескивали пожелтевшей листвой, а некоторые макушки были уже практически без кроны. Сквозь их черные ветки блестели звезды, такие далёкие, совершенно недостижимые. Они манили подняться к ним, убегая от страха этой ночи, от преследования и заодно от всех невзгод. Мы с особой аккуратностью перелезали через поваленные деревья, стараясь не ступать на сухие ветки. То, что пролетело над нами, явно чуяло нас, но не могло найти. Я снова посмотрела на небо, где черные ветки деревьев, подобно тонким рукам, отчаянно тянулись к брильянтам звезд, как вдруг раздался громкий хруст. Поняв, что последовал он прямо из-под моей ступни, я неосмотрительно перенесла свой вес на горку сухих сучков, которые окончательно продавились, затрещав еще звучнее.

Бабушка зорко посмотрела на небо, потом скомандовала

жестом посадить баб Машу к дереву. Как только я отпустила ее руку, что-то пронеслось над нами, и бабушка вмиг растопырила ладонь над моей головой — это была команда немедленно лечь на землю и не двигаться. Я застыла, прижавшись к земле с головой вбок. В этом положении мне было видно лишь кусок земли и темные стволы деревьев на фоне слегка бледной дымки. Услышав, что кто-то снова пролетел по верхушкам деревьев, я даже перестала дышать.

Наверху все стихло, но от этой тишины, поглощающей все звуки вокруг, мне стало еще страшнее. Я начала постепенно чувствовать, что меня охватывает сильный приступ паники. Ноги вмиг сковало холодом, и мне стало казаться, что кто-то явно по ним ползает. Не знаю, чего мне стоило держаться и не пошевелить ими, но я все-таки сдержалась. Вспоминая, как бабушка учила меня глубинному расслабляющему дыханию, я принялась дышать всей своей грудью. Очень медленно и аккуратно я набирала полные легкие воздуха и так же медленно выдыхала. Вдруг я стала отчетливо слышать стук палки о землю, он сильно напоминал мне стук моего сердца. И сначала я даже не поняла, был ли это посторонний звук или он доносился из моей собственной груди. Затем пару раз ритм извне сбился, и мне стало абсолютно ясно, что кто-то ходит вокруг нас и стучит палкой по земле. Мной снова овладел страх, я понимала, что ведьма спустилась и ищет нас среди деревьев. Подобно насекомым, которых выгоняют из-под земли, стуком она пыталась расшевелить нас. «Охота началась» — подумала я, и к моему ужасу в этот же момент я увидела, как одно из черных деревьев шевельнулось. Его тонкие изогнутые ветки опустились вниз, словно чьи-то изломанные руки. В одной из таких рук появился длинный посох, достающий до земли. Невозможно было выразить мой ужас, но я воочию наблюдала, как ее кривая палка в такой же кривой ветке-руке поднялась в воздух и ударила о землю. Ведьма стояла за этим деревом, и я совершенно точно могла видеть и слышать теперь, как ее посох словил стук моего сердца. Стараясь не двигаться, я все еще питала хлипкую надежду, что она меня чувствует, но не видит. Подол ее черного плаща выглянул из-за ствола, и мне оставалось только гадать, что же произойдет в следующую секунду. Она не подходила ближе, и, лишь высунув свою обезображенную руку, продолжала стучать.

Я не могла контролировать ведьмину палку, ровно, как и свое сердце, и это вызывало во мне какую-то безысходность. Так продолжалось целую вечность, пока стук абсолютно не слился с биением моего сердца. Это казалось немыслимым, но вот они уже стучали вместе одним целым звуком, который невозможно было

снова разложить на два. Вдруг ведьма стала настукивать какую-то детскую песенку, и, о, ужас, моё собственное сердце повторяло за ней ударами эту мелодию. Теперь уже было четкое понимание того, что этот стук невиданной силой ведёт моё сердце, командует ему, как стучать и когда. Из-за дерева появился острый капюшон, в котором невозможно было различить ничего кроме всепоглощающей черноты. От ужаса я закрыла глаза, а звук тем временем начал приближаться и усиливаться с каждым ее шагом. Моё сердце, словно послушный раб, билось сильнее, и готовилось выпрыгнуть из груди, как только черная ведьма подойдет к моему парализованному страхом телу. Вдруг мне стало невыносимо жарко, и в голове с невероятной силой застучала кровь, а всего через несколько секунд я уже не могла дышать. В следующее мгновение стук прекратился, и моё сердце тоже не издало больше ни звука. Я поняла, что умираю.

Над головой раздался хруст веток, и кто-то склонился надо мной. Сделав невероятное усилие, чтоб в последний раз открыть свои глаза, я увидела бабушку. Она сняла с плеч свой шерстяной платок и приложила его скомканные углы к моим ушам так, что я совсем перестала слышать окружающий мир. Мои мысли спутались, они бессильно пытались понять, убивает ли меня бабушка, под действием чар пирога или ведьма искусно приняла ее образ. В чередё этих мыслей я с упованием услышала тихие стуки своего собственного сердца, которое укрылось во мне и чуть постукивало где-то там вдалеке ровными ударами. Моё тело возвращалось к нормальному дыханию и я уже не чувствовала ни холода в ногах, ни палящего жара в голове, даже страх немного отступил. Я посмотрела на небо, и там никого не было, только яркие звезды подмигивали мне сквозь шапку леса. В этой тишине я окончательно успокоилась и посмотрела бабушке в лицо. Отпустив платок, она медленно садилась около меня, озираясь по сторонам. Приподняв голову, я увидела баб Машу, которая так и сидела спиной к дереву, как мы ее посадили. Рот ее был приоткрыт, она смотрела куда-то вдаль и тяжело дышала.

— Вставай. Надо образовать круг и сделать передышку, нам опасно оставаться в таком состоянии, — прошептала бабушка, склонившись прямо к моему уху.

С особой осторожностью, я повернулась и осмотрела черные стволы вокруг, за которыми никого не было. Моё тело непослушно качалось из стороны в сторону и казалось полностью онемевшим. Бабушка подхватила меня и посадила к сосне, прямо напротив нашей соседки. Баб Маша не смотрела на меня, она будто бы вообще никуда не смотрела. Ее глаза были словно выполненными из стекла, и с блеском голубой водной глади

смотрели куда-то вдаль сквозь лес. Устроившись напротив нее, я в упор уставилась в них, но она не видела ни меня, ни перемещений вокруг, сказать больше — она почти не моргала.

Бабушка тем временем собирала сучки одинакового размера вокруг нас. Я начинала злиться на нее, мне совершенно было непонятно ее поведение. Тогда, когда моё сердце чуть не остановилось, когда баб Маша была в таком тяжелом состоянии, а по лесу разгуливала ведьма, мы не бежали от нее, не приводили женщину под чарами в чувства. Мы сидели и ждали свою погибель под соснами. Ко всему прочему, она, скорее всего, уже знала наше укрытие, когда бабуля просто разгуливала вокруг и задумчиво собирала палочки.

Я молчала. Со всем своим возмущением в глазах, я следила за ее неспешным сбором хвороста, но молчала. Мне не было дано команды предупредить о нападении, и я самостоятельно вела наблюдение за лесом вокруг нас, чтоб иметь в запасе хоть какое-то время, прежде чем ведьма нанесет свой последний удар.

— Мы здесь умрем, — раздался тихий голос напротив меня.

Я повернулась к баб Маше, она все еще смотрела куда-то вдаль и казалась под гипнозом. Но ее губы зашевелились, и она снова произнесла:

— Я видела свою смерть. Когда снова послышался её полет, я подняла глаза и увидела, как она проносится надо мной. Она сидела на своей метле, смотрела на меня и улыбалась. На ней был широкий черный плащ, под плащом она была нагая. Ее волосы развивались, а глаза блестели так же, как блестят глаза кошки в темноте. В её руке было что-то круглое, я попыталась рассмотреть что это, и вскоре она сама повернула свой трофей ко мне лицом... Это была моя голова... Я закрыла от ужаса глаза и увидела, что лечу над лесом. Я чувствовала, как цепкая хватка ее тонких пальцев держит меня за волосы, и даже не ощущая своего тела, я знала точно, что голова моя абсолютно живая. Я чувствовала холодный ветер, бьющий мне в лицо, и ее терпкий запах. Краем глаза, я могла видеть гнилые листья на ее сапогах, а через мгновение услышала своими собственными ушами ее омерзительный дьявольский смех.

Я ничего не ответила на это, мне было трудно как-то комментировать то, что баб Маша увидела в небе. Но, на мой взгляд, она была абсолютно права — нам не выйти этой ночью живыми из леса. Бабушка не понимала, с какой силой мы столкнулись, она не знала или, скорее всего, не хотела знать насколько сильнее стала её подруга, черная ведьма. Возможно, внутри неё до сих пор велась борьба за то, чтоб отстоять сторону добра и света, но каждый из нас здесь и сейчас понимал, что мгла

настигает и в итоге убьёт нас. Мы шли на верную гибель.

Бабушка никогда не говорила о своей вражде, о войне, которую ведет втайне от нас, и сегодня лишь благодаря случаю я впервые узнала об этом. Но можно ли назвать войной то, что происходило сейчас? Можно ли назвать воином кого-то из нас, если наш удел всего лишь защищаться. Выстоять, сколько есть сил, прячась без атак и нападения, чуть выживая под напором мощи врага. Жажда победы любой ценой застила бабушке глаза, и она не осознавала, какой могущественной силой овладела ее соперница.

— Ты должна ей сказать, нам надо выбираться отсюда, — снова послышался голос баб Маши.

Я снова не издала ни звука. Это было странно, но когда в моих словах не нуждались, я могла говорить «без умолку». Когда же от меня требовалось хотя бы скупое согласие, мой язык каменел, а сейчас я даже не могла кивнуть головой. Баб Маша перевела свой взгляд издали прямо мне в глаза, вопрошая хоть каплю реакции на все ею сказанное. Но я просто смотрела на нее, и не могла выдавить из себя ни звука.

В это мгновение к нам подошла бабушка, она держала в руках большую охапку прямых палочек. Достав мел, она начертила на каждой из них жирную белую линию по всей длине. Когда с рисованием было покончено, она разложила эти палочки белой стороной вверх так, что из них получался ровный круг, опоясывающий три Сосны. Зайдя в него, бабушка опустила голову и сказала несколько раз непонятное нам заклинание, после чего села к дереву спиной и посмотрела на нас. Баб Маша опять глянула на меня вопрошающе, но я лишь потупила взгляд. Через несколько секунд раздался ее негромкий голос:

— Валентина, признай, что темная ведьма сильнее тебя и добро сегодня не в силах победить зло!

— Почему ты так думаешь? Я достаточно сильная ведунья. Заклинанием я сделала твоё тело легче, когда колдовство начало действовать и твои ноги не могли идти, — спокойно ответила она.

— Сколько легче ты бы не делала моё тело, ты всё равно не сможешь заставить меня летать, так как это делает черная ведьма.

— Она сидит дома, — послышался бабушкин ответ.

Баб Маша резко повернула голову и посмотрела ей в лицо, только через минуту переспросив:

— Что ты сказала?

— Ведьма сидит дома, а то, что мы видим сейчас над своими головами — это её магия, — ответила бабушка таким тоном,

словно мы забыли какое сегодня число, а она нам напомнила.

— Так, кого мы все видим сейчас? Что это такое летает над нами? Не плащ же, подвешенный на леску? — всё ещё с голосом, полным недоумения, сыпалась вопросами баб Маша.

— Если ты будешь считать это плащом на прозрачной леске, то оно станет именно этим. А если твоя фантазия на пару со страхом расскажут тебе иной сюжет, то скорее всего ты увидишь там зловещую ведьму, решившую тебя убить.

— Получается, в лесу никого нет, кто мог бы нас убить? — еще пока что с полным непониманием спросила я.

— Убить можем только мы сами себя своим страхом. Если страха в нас нет, то никто не может ничего нам сделать.

— Почему ты не сказала этого раньше? — разгневалась соседка, которую я быстро подхватила, даже уже не следя за громкостью своего голоса.

— Да, бабуль, почему не объяснила всё с самого начала? Мы только напрасно так сильно боялись.

— Да чего там, мы, чуть было, сами себя не загнали в гроб! — практически выкрикнула Мария.

— Ложь — это ее магия, она знает как нужно соврать так, чтоб истина потеряла всякую силу. Моя магия — это истина. И чтобы она заработала, человек сперва должен познать ложь. Только сумев отличить одно от другого, он способен перестать верить лжи.

— Как это? Я не понимаю, — наклонившись вперед к бабушке, снова переспросила я.

— Если б я рассказала вам правду еще при свете дня в беседке, а затем в лесу вы б увидели леденящую кровь магию лжи, вы б в ту же секунду забыли мою истину и приняли бы этот мираж за чистую правду. Моя правда осталась бы неслышанной. И только сейчас, познакомившись с магией лжи, приняв ее за свою погибель и потеряв всякую надежду, вы готовы принять магию истины, так как только она способна спасти вас. Она является единственным выходом из совершенно безвыходной ситуации, и только поэтому становится такой жизненно ценной для вас, и намного значимой здесь и сейчас, чем магия лжи.

— А круг нам зачем, в таком случае? — показывая рукой на бабушкину самодеятельность, спросила баб Маша.

— Чтоб сделать передышку от магии лжи и спокойно поговорить об истине. В этом кругу ведьма нас не видит и не посылает нам свои фантомы, — произнесла бабушка, глядя в наши огромные глаза.

Я вдруг поняла, что меня на самом деле обманывают. Моё сердце никогда не повиновалось чьей-то палке, стучавшей по

земле. Я сама и только мой собственный страх были всему виной. Я заставила себя поверить в того, чего нет, и не могло быть. Никакая ведьма не пролетала над нами, она не держала голову баб Маши, скорее всего, она даже не догадывается о страхах этой женщины, которая увидела то, чего боялась этой ночью больше всего на свете. Именно страх парализовал ее ноги, он же подпитал магию и заставил поверить нас, что мы умираем тогда, когда сама ведьма сидела дома в тепле и возможно даже попивала чай.

Пока я размышляла, как нас ловко провели, баб Маша резво встала на ноги, отряхнулась и подала руку бабушке.

— Вставай, насиделись уже.

Ее ноги были обычного размера, она была здорова и полна сил. Я постаралась привстать, и моё тело быстро послушалось меня.

Бодрым шагом мы покинули лес, и вышли на дорогу. По другую ее сторону уже начиналась деревня колдуньи. Была середина ночи, я поняла это по яркой туманности на небе в обрамлении нескитанного количества звезд. Луны совсем не было, и темнота резала глаза, как только я переводила взгляд с ночного неба на дорогу.

Мы остановились, и я посмотрела на бабушку. Увидев, что она обернулась, будто пропустила что-то важное позади нас, я так же проследила за ее взглядом. Не сразу поняв, что так приковало ее, я вдруг обнаружила позади точно такой же пейзаж с темными крышами домов и одиночными Тополями, что был только что впереди нас. Несколько раз, повернув голову туда и обратно, я не смогла найти ни одного различия между ночным видом деревни впереди дороги и позади нее. Мы стояли на перекрестке, а в обе стороны виднелись совершенно одинаковые дома, деревья и улицы. У меня создалось впечатление, что каким-то чудесным образом мы смотрим в зеркало, отражающее ночной деревенский пейзаж, исключив наши собственные отражения.

— Она снова видит нас и душит голову, надо быстрее выбрать правильный путь, — в спешке пробормотала бабушка.

Бабушка быстрым и отточенным движением вытащила пирог из газет, и дала его в руки соседке.

— Повторяй за мной слова, сейчас пирог поведет тебя к его хозяйке, — обратилась бабушка к баб Маше.

Соседка взяла пирог, повернулась к нам лицом и стала повторять заговор. Как вдруг её ноги зашагали сами по себе, но вовсе не прямо, как она стояла, а назад. Мы ошиблись с направлением, и перед нами оказался умело посланный мираж, сама деревня находилась совсем в другой стороне.

Распростовавшись со страхом только полчаса назад, я не могла не вздрогнуть от этого жуткого зрелища. Полная женщина с растрепанными волосами и пирогом в руках, шла задом так, будто кто-то невидимый тащил её за шиворот. Она почти успевала перебирать свои ноги, бормоча при этом словно в бреду какие-то совершенно непонятные повторяющиеся слова. Нам приходилось практически бежать за ней, стараясь не упустить контакт с её глазами, которые даже в этой крошечной темноте были наполнены паникой и ужасом. Наконец деревня закончилась, и ноги женщины повернули к последнему дому, укрытому густым садом.

Забор был низкий, а калитка без замка. Мы зашли на территорию бабушкиного злейшего врага. Там было тихо и темно, ничто не выдавало присутствие хозяев, а весь участок густо порос деревьями и сорняком. Несмотря на внешне заброшенный кусок земли, даже такой начинающей ведунье, как я, не составило труда среди сорных трав различить множество лечебных. Так умело скрыв от вида сильные лечебники, тут так же были и особо опасные ядовитые растения, до которых не рекомендовалось даже случайно дотрагиваться. Пройдя немного вглубь сада, мы увидели раскидистое вишнёвое дерево. Несмотря на осень, дерево жило по каким-то своим законам и давало красивые, сочные плоды. Я не могла оторвать взгляд от темных вишен, свисающих гроздьями. Там не было ни одной пустой ветки, ни одного желтого листика, ни одной порченной ягоды. Вдруг я почувствовала непреодолимое желание съесть хотя бы одну вишенку. Потянувшись к низкой ветке, мои пальцы почти коснулись их, как рука бабушки сильным и резким движением остановила меня. Она показала знаками, что ничего трогать нельзя, особенно это дерево. Опустив глаза, я обнаружила, что неглубокое захоронение для пирога готово и баб Маша, тихо приговаривая что-то, опускает его в землю.

Мы вышли за ограду, и, встав к дому спиной, взяли руками, образовав круг. Проговорив заклинание высвобождения от колдовства, мы, не оборачиваясь, пошагали назад домой. Теперь бояться было совсем нечего.

Вдруг я услышала, как из дома раздалась нецензурная брань. Мне невероятно захотелось обернуться и посмотреть, как выглядит эта женщина. Много раз за эти сутки я пыталась представить ее, и тут мне выдался шанс встретиться с ней лицом к лицу. Я чувствовала всем своим существом ее взгляд из окна дома. Мой затылок испытывал сильное напряжение, словно в него со всей силы давили кулаком. Я даже опустила голову вниз, всеми силами сопротивляясь невидимому нажиму. Она

заставляла меня обернуться, но я держалась изо всех сил, и это была моя личная схватка с ней.

Зайдя домой, я вдруг почувствовала небывалое облегчение, радость и полную безопасность. Мы все были в приподнятом настроении, можно сказать в эйфории спасения от неминуемой смерти. Все краски рассвета казались сейчас ярче и впечатляли, словно я видела их в первый раз. Заварив утренний чай, я наблюдала, как небо начинало светлеть акварельными оттенками радуги под шумный щебет птиц. Не прошло и пяти минут, как красная полоса восхода окрасила пейзаж за окном в поразительную палитру всех сочных алых и желтых оттенков. По моим рукам пробежали мурашки, я была абсолютно счастлива снова приветствовать солнце. По сей день, я помню ту радость ощущения жизни в своем теле, что подарил мне восход.

Найденная на столе записка от бабушки о том, что он ушёл к мужу баб Маши дегустировать самогон, вернется минимум утром, максимум в обед, вызвала бурю смеха. Это была наша победа, и даже неважно над силами зла в виде чёрной ведьмы или над самими собой, но мы сегодня победили.

Впустив утреннее солнце в дом, мы сели пить чай в его лучах и подкрепляться только что испеченными оладьями.

— Практически всё, что связано с подобным колдовством нереально, — рассказывала бабушка, — эти видения пугают, приводят в ужас и заставляют нас стать уязвимыми. Если есть сила и вера в истину, то возможно прозреть от наваждения, однако вера эта должна быть соизмерима колдовской силе.

Меня же давно мучил вопрос вражды моей бабушки с этой колдуньей. Сейчас был подходящий случай расспросить об этом. И она этим утром поведала нам его.

Но это была уже совсем другая история.

Лучшая подруга

Когда-то моя бабушка тоже была подростком. Она подобно мне обладала веселым нравом и была невероятно общительной, возможно даже больше, чем я. На фоне множества ее друзей, одна подруга выделялась больше других и, как правило, по праву называлась «лучшей».

— Так мы обе по уши влюбились в одного парня, — начала свой рассказ бабушка, перебиваемая криком утренних петухов. — Он был красив и хорошо сложен. Играл на гармонии и говорил со всеми девушками ласково и приветливо. Все в нем мне нравилось, и как-то я стала замечать, что простая симпатия перерастает в настоящие чувства. Когда я видела его, проходящего по улице, из окна своего дома, маленький комочек счастья начинал жить во мне. Он перемещался от ног к животу, от живота к груди и, когда я собиралась порой окликнуть его, подходил к самому горлу и не давал мне произнести ни слова. Это поразительное чувство робости, смешенное с неимоверной радостью и волнением, я и по сей день, готова назвать влюбленностью. Только лишь заметив вдалеке Василия, я переживала огромную палитру чувств, которые оставляли во мне плодородную почву для романтических грез на весь оставшийся день.

Я понимала, что мои чувства достаточно сильные, но никогда не думала, что кто-то может испытывать к нему ровно такие же.

Мы с подругой (из этических соображений я не буду упоминать ее имя в рассказе)... Мы часто увлекались мистическими вещами, которых во время моей юности было куда больше в культуре нашей деревни, чем сейчас. Тогда еще не изжили себя многие ведические обряды на урожай и здоровье, а так же некоторые старославянские праздники. Но вместе со старым пришло и новое. Так мы узнали о спиритических сеансах, где вызывался призрак известного человека, а с помощью алфавита и блюдца можно было узнать свое будущее. Моя подруга слышала о них от приятельницы матери, которая в свою очередь привезла свои поразительные рассказы из города. Поучаствовав в нескольких городских сеансах, она восторженно рассказывала, как блюдце начинало двигаться само по себе и открывать такие секреты присутствующих, о которых никто не мог знать.

В тот же день моя подруга загорелась этим гаданием, которое по-модному называла спиритическим сеансом. Ее глаза блеснули от восторга, и она не могла откладывать в долгий ящик наш с ней

собственный сеанс.

Как-то мы остались в ее доме одни и решили попробовать. На улице темнело, а наши родители кутили на свадьбе в соседнем дворе. Покопавшись на шкафу, мы обнаружили кусок обоев и начертили на их чистой стороне круг, воспользовавшись крышкой от большой кастрюли. Затем аккуратно расставили по его внешней стороне буквы, внутри обвели малым кругом блюдце и расставили цифры, а на покато́й стороне блюдца нарисовали стрелку черным кусочком угля. Накрыв абажур в углу шерстяным платком с русскими народными мотивами, мы уселись на полу посреди зала. Комната сразу приобрела таинственный красный оттенок, и в моем животе заиграло ожидание какого-то сверхъестественного события.

Сев напротив друг друга и положив по два пальца на блюдце, мы принялись решать, кого будем вызывать. Руки необходимо было держать на весу так, что б невозможно было сообща двигать блюдце.

— Ты веришь, что если вызвать Пушкина, то придет именно он? — спросила я.

— Я не уверена, что надо вызывать писателей. Думаю, что было б неплохо вызвать родственника из семьи. Так мы будем уверены, что дух связан с нами и не собирается навредить, — размышляла вслух моя подруга.

— Твоя тетя умерла в прошлом году, возможно, она сможет сейчас прийти к нам, — вдруг вспомнила я.

Мы громко произнесли ее имя, отчество и фамилию несколько раз. Спустя всего пару секунду блюдце двинулось рывком влево, потом вправо, и стало кругом ходить по листу обоев, останавливаясь около каждой буквы, словно знакомясь с алфавитом. Мы немного растерялись, но переглядываясь, все больше понимали, что наше одно на двоих любопытство сейчас сильнее любого страха.

Я спросила для проверки как звать моего отца. Немного погодя блюдце отчетливо написало моё отчество. Подруга в этот момент очень оживилась и стала задавать вопросы один за другим. Она была полностью поглощена процессом и получала ответы, как кажется, именно те, которые желала услышать. Вдруг она произнесла вопрос, от которого меня ударило, словно током.

— На ком женится Василий из купеческого дома по крайней сельской улице?

Улыбка выдавала все ее ожидания, и у меня потемнело в глазах. Приподнятое настроение вмиг исчезло, и я резко убрала руку с блюдца, прикрыв ладонью свой рот.

— Что такое? — переспросила она, — тебе что, не интересно?

Не отрывая ладонь от лица, я отрицательно покачала головой.

— Перестань, это всего лишь игра, — принялась она уговаривать меня.

Возможно, она была права, это была всего лишь игра, единственное, мы не знали, с кем именно сейчас играем. Как вдруг блюдце дернулось под рукой подруги и пошло к букве. Это выглядело, как если б она сама вела его по листу бумаги, однако на поворотах блюдце тормозило и поворачивало так резко, что пальцы девушки скользили по инерции в противоположную сторону. Она и вправду чуть касалась его, блюдцем управлял кто-то другой, невидимый нашему глазу. Черная стрелка останавливалась около букв, порой даже заезжая на них. Из-под чьей-то невидимой руки выходили уже целые предложения:

«Валя положи руки назад. Кому сказал! Положи свои дрянные руки на блюдце».

Мы застыли, глядя друг на друга. Подруга кивнула головой на доску, прося послушаться агрессивных указаний разгневанного духа. Я подала знак, что не буду больше участвовать в этом. Тогда она наклонилась и тихо сказала мне:

— Если мы хотим, чтоб дух ушел, надо его отпустить. Мы вызывали вдвоем, вдвоем и провожать.

Моя природная дисциплина и ответственность заставили меня снова положить руку на блюдце. Я видела в ее словах смысл, и необходимость отправить ругавшийся бранными словами дух обратно. Ожидая, когда моя подруга начнет отпускать свою умершую тетюшку, я увидела, что вместо этого она второпях что-то прошептала и, застыв, смотрит на нашу самодельную гадальную доску. Через несколько секунд блюдце снова тронулось и вывело: «Валя».

Девушка резко посмотрела на меня пронзительным взглядом. Я демонстративно убрала руку и блюдце остановилось.

— Ты обманула меня, — обиженно произнесла я.

— Мне надо было знать: на ком он женится, — раздался резкий и сухой ответ.

— Я бы не стала так легко верить всему сказанному этим вечером, — пытаюсь смягчить ситуацию, начала я, — конечно, Василий всем нравится, я не знаю девочек, кому б он был неприятен. Но на ком он женится — это слишком далекое будущее, в которое нет смысла заглядывать.

Я пыталась снова вернуть беседу в более спокойное русло, хотя, признаться, мне было очень приятно слышать свое имя в качестве будущей жены этого особенного для меня парня. Думаю, я не смогла тогда полностью отыграть своим лицом безразличие,

и губы мои нечаянно украсила счастливая улыбка, а глаза полный надежды взгляд. И уже в следующий момент послышался вызывающий тон подруги:

— Ты думаешь, ты победила сейчас?

— Я ничего не думаю, давай отпустим дух, и не будем ругаться!

— Ладно, давай отпустим, — ответила она сквозь зубы, и положила руку на доску.

В это же мгновение блюдце принялось быстро крутиться под ее пальцами и стремительно что-то писать. Я наклонилась, чтоб не упустить смысл сказанного и прочесть все правильно. Но первое же слово заставило меня отшатнуться назад — это была непристойная брань, которая лилась, словно быстрая река, не останавливаясь и не разбавляясь приличными словами. Моя подруга тоже прочла эти выражения и пренебрежительно отдернула руку. В мгновение ока блюдце сорвалось с гадальной доски и влетело в стену, разбившись на мелкие осколки.

Мы в испуге выбежали из дома. Со стороны соседнего двора доносилась гармонь и шумные голоса сельской свадьбы.

— Это была не тетя, — сказала я, усаживаясь на веранду.

— Да, я тоже думаю, это был кто-то злой и лживый, — заключила моя подруга, садясь рядом со мной.

Я растаяла перед ее справедливыми словами и решила поговорить откровенно, чтоб убрать все стены непонимания между нами.

— Да, мне нравится Василий, и я знаю еще одну девочку, которая говорила, что влюблена в него. Когда мы вырастем, он сам выберет кого-то из нас себе в жены, — бодро произнесла я.

Надо отметить, что отыгрывать вероятность поражения, когда ты знаешь точно, что победишь, оказалось намного легче, чем и вправду предположить свой проигрыш. Я прекрасно понимала, чем вызвано моё приподнятое настроение и желание помириться, конечно, мотивацией, которую я получила от спиритического сеанса. Если б этот дух назвал имя подруги вместо моего, на вопрос о будущей жене Василия, я бы тоже была огорчена и лишенная всякой надежды на исполнения своих девичьих грез и мечтаний.

Я до сих пор виню себя за эту ошибку тогда: вместо того, чтоб давать ей ложные надежды, сохраняя всеми путями нашу дружбу, нужно было просто сказать правду. Однозначно я лишилась бы подруги, но я бы сохранила миру доброго человека. Вместо этого я продолжала ошибаться, и, чтоб снова поднять её настроение, даже скорее из-за эгоистических чувств, чтоб она не омрачала мой эмоциональный подъём, я произнесла:

— Если хочешь, мы можем снова погадать и вызвать кого-то другого, а затем сравнить их ответы.

Девушка сразу воодушевилась, в её глазах опять появился тот блеск и задор, который я так любила в ней. Она своей энергией и азартом зажигала меня, и я чувствовала себя в такие моменты рядом с ней полной решимости осуществить самые смелые планы и замыслы. Вдобавок мне, разумеется, хотелось ещё раз подтвердить информацию о том, что в один прекрасный день мы с Василием свяжем себя брачными узами. И было б абсолютно неплохо услышать то же самое уже от кого-то другого, в качестве стопроцентного подтверждения нашей судьбоносной свадьбы.

Раньше я часто думала о том вечере, о своих чувствах, о том юношеском запале в погоне за мечтой. Мне казалось, еслиб я не сказала всего этого, то моя подруга не стала б моим врагом, и возможно не стала бы той, кем сейчас является, что намного важнее любой дружбы. Но слова были произнесены, обещания даны и все пошло своим чередом, только по другой дороге.

— Давай поиграем в игру, называя по очереди достоинства Васьки, — неожиданно предложила она.

Мне показалась эта игра весьма забавной, и мы принялись перечислять его голубые глаза, кучерявый светлый чуб, острый нос, тонкие губы в игривой улыбке. Мы могли продолжать вечно, если б наши родители не вернулись с праздника.

Я шла домой и всерьез думала о том, что подруга мне несколько не уступала в этой игре, она знала его так же хорошо, как и я. Думаю, она тщетно пыталась указать игрой на самое главное, что Василий ей так же дорог, как и мне. Как жаль, что тогда я не поняла даже этого.

Эти раздумья мучили меня недолго, и я быстро переключилась на детальные фантазии своей будущей свадьбы. Укутавшись в них, словно в свое мягкое одеяло, я быстро уснула. Той ночью мне приснился сон, который я помню, во всех его подробностях, по сей день.

«Проснувшись от стука в дверь, и не понимая, надо ли мне вставать открывать или просто почудилось, я прислушиваюсь к звукам вокруг. Настойчивый стук повторяется, и я встаю с кровати. Подойдя к окну и отодвинув занавеску, я смотрю на улицу, чтоб узнать, кто стучится в такой поздний час. У двери моего дома стоит Василий, он выглядит абсолютно таким же, как мы его описывали накануне, перечисляя все достоинства парня в своей детской игре. Вдруг он оборачивается на меня так словно почуял мой взгляд, и я сразу понимаю, что это не он. Предо мной предстала поистине пугающая картина, будто бы кто-то натянул на себя его маску: на лице застыла зловещая улыбка, глаза

блестели безжизненным блеском, словно были позаимствованы у детской игрушки. Само лицо казалось восковым, и, не шевеля ни одним мускулом, он произнёс:

— Впусти меня, я твой будущий муж.

Мне стало по-настоящему жутко. Мой страх нарастал ещё и от того, что это нечто, переодевшись в Василия, забыло про его ноги. Парень был виден только наполовину, лишь его верхняя часть по пояс, ног же не было вовсе. Я прищурила глаза, чтоб понять, что же прячется за этим неумело, а точнее бесчеловечно созданным образом, но не смогла разглядеть».

Я проснулась от стука в дверь, за окном было ещё темно и всё напомнило мне картину из моего сна. Сев на кровати, я прислушалась снова. Отчетливо слышав стук в дверь на границе сна и бодрствования, сейчас я слушала абсолютную тишину, ничто не выдавало чьего-то присутствия с той стороны двери. У меня внезапно появилось непреодолимое желание выглянуть в окно, повторяя свой сон. Набравшись смелости, я встала и направилась к занавескам. Вдруг, дотронувшись до плотной бежевой ткани, мои руки похолодели от ужаса, и я тот час отшатнулась от окна. С другой стороны двери кто-то издавал тихие звуки. Пятясь назад как можно дальше от входа, я с ужасом услышала этот леденящий кровь звук. По другую сторону двери кто-то двигал блюдце, словно водил им по гадальной доске.

Наутро моя подруга зашла за мной очень рано. Она ждала меня во дворе на качелях, которые монотонно поскрипывали. Несмотря на лето, это утро оказалось прохладным, и, выходя к ней, я торопливо одела свитер прямо поверх ночной рубашки. Усевшись рядом, я принялась повторять за ней движения, что б снова раскачать эти тяжелые скрипучие качели. Заспанными глазами рассматривая свои вязаные носки в яркую полоску, поверх которых были одеты сандалеты, я принялась внимательно слушать ее.

— Как только все улеглись, — начала она, — я стала чувствовать, будто бы кто-то смотрит на меня. Мне пришлось включить свет и немного походить по комнате, но как только я леглась в кровать и пыталась закрыть глаза, у меня появлялось жуткое ощущение, словно человек склонился надо мной и рассматривает моё лицо. Я разбудила родителей, точнее маму, папе после свадьбы соседей было явно не до моих ночных тревог. Она согласилась лечь со мной в зале на диване, только так мне удалось уснуть. Посреди ночи в нашей комнате раздался грохот, я вскочила, мамы рядом не оказалось, но была включена настольная лампа. В приглушенном свете я увидела нашу гадальную доску, которая рулоном упала со шкафа, но так, словно ею кто-то со всей силы ударил о пол. Я поняла, что мы должны были обязательно отпустить этот дух, сейчас он злился и не давал мне спать. Ночью отпускать его было страшно, и я подождала рассвета. Как только небо окрасилось розовым, я достала блюдо, села на пол и попросила духа уйти с миром. Блюде не двигалось, и мне надо было переспросить «Здесь ли дух». Только я хотела убрать руку, как блюдо зашевелилось. Он пожелал мне доброго утра и извинился за то, что напугал ночью, — она сделала паузу, будто собиралась с мыслями продолжать или нет, но все же продолжила. — Я уже хотела произнести слова, что отпускаю его, но решила задать самый последний вопрос, тем более сейчас дух казался достаточно добрым и вежливым, и мне захотелось этим воспользоваться. Ты можешь злиться на меня, обижаться сколько хочешь, но я опять спросила на ком женится Василий, — на выдохе закончила она.

— И что он ответил? — лишь через некоторое время спросила я.

— Он сказал, что все в моих руках, и он поможет мне завоевать Васю, — воодушевленно ответила подруга.

— Ты не думала, что он тебя обманул?

Моему недовольству не было предела. Если же судьбой предначертан наш союз с Василием, зачем все портить и просить помощи у духа. Я злилась и совершенно по-детски начинала верить, что у нее все-таки получится завоевать парня, руководствуясь потусторонней помощью.

Тут она ловко спрыгнула с качелей и развернулась ко мне лицом. Ее ноги были согнуты, и, тыча пальцем мне в грудь, она восторженно воскликнула:

— Он мне сказал, что ты так и скажешь! Прямо этими же словами и повторил!

Я немного замешкалась, дух явно опережал меня на пару ходов, и я начинала проигрывать, убеждая подругу заканчивать со странным увлечением. Мало того, я еще и являлась подтверждением правдивости предсказаний этого хитрого гада, который явно не собирался никуда уходить.

— Давай вместе проверим его слова, — снова заговорила я, — давай вызовем у меня дома другого духа, пусть он все нам подтвердит.

Это было очень смелым решением, ведь мы уже вызвали одного, которого не смогли потом отправить обратно. Но я была полна решимости доказать своей подруге, что этот нахальный дух ей врет, и мы должны как можно быстрее от него избавиться.

— Хм, давай попробуем, — прикусив нижнюю губу, ответила она.

В тот день мои родители должны были идти на крестины, и вечером я оставалась одна. Договорившись о времени встречи, мы разошлись по домам. Я забыла ей рассказать свой сон, даже скорее мне не хотелось больше затрагивать тему Василия и подрывать вновь возведенные мосты нашего взаимопонимания.

Тем не менее, не проходило ни часа, чтоб я не вспоминала свой жуткий сон. Мне отчего-то казалось, что это какой-то ребус, который я непременно должна разгадать. Почему там было только половина Василия? Почему он имел такой жуткий взгляд? Как мог говорить, не шевеля губами? Зачем хотел зайти ко мне домой? Эти вопросы крутились в моей голове. Я уже догадалась, что это дух хотел проникнуть в мой дом. Он выбрал Василия, потому как понимал, что я захочу впустить любимого. Но почему он воссоздал такую нелепую пародию вместо реалистичной? Разве это не глупо — сделать половину человека и ожидать, что я поверю в его реальность. Ничего не сходило, вопросы крутились в моей голове и не находили ответов.

Я лежала в зале и пыталась читать книгу, но то и дело эти вопросы снова и снова не давали моему пытливному уму погрузиться в художественную литературу, заданную на лето. Над

нашим диваном весел ковер со странными узорами: на коричневом фоне причудливыми лианами расходились красные и бежевые цветы. Какими-то загогулинками они связывались с орнаментом внутреннего волнистого прямоугольника, который был наполнен странными объектами, напоминающими обилие чьих-то гербов. Этот ковер явно развивал абстрактное мышление, и я часто рассматривала его, пытаясь понять смысл композиции и задумку дизайнера. Так и сейчас, покручивая пальцем прядь волос, я рассматривала его и думала о своем сне.

Мой отец был очень умный человек, он не только руководил колхозом, но так же писал научные работы по аграрным тематикам. Увидев, что меня тревожат какие-то мысли, он спросил напрямую. Я, конечно же, не могла ответить правду во всей ее красе, и сформулировала все довольно абстрактно, подобно ковру на стене.

— Я не понимаю смысла в чьем-то поведении, поэтому пытаюсь найти в его действиях хоть какую-то логику.

Он посмотрел куда-то наверх, почесал подбородок и ответил:

— Ты не можешь найти логику «его» поведения, потому что думаешь, что «он» такой же, как и ты. Если «он» такой же, как и ты, значит обладает твоей логикой, но если «он» на тебя не похож, то будет иметь логику другую.

И это был прорыв. Отец одной фразой поставил все на свои места: тот, кого мы вызывали, не был душой человека! Он не владел человеческими понятиями, он делал по-своему, потому что никогда не был человеком. От этой мысли мне стало физически нехорошо. Теперь все сходилось: он слышал нашу игру, в которой мы с подругой описывали нами любимого человека, и воссоздал его по описанию. Надо сказать, что наша характеристика не затрагивала ног Василия, поэтому их это существо изобразить не смогло. Мне надо было срочно поговорить с подругой, рассказать о своем открытии, и я с нетерпением ждала вечер. Только от одной мысли, кем мог быть этот дух, находящиеся у нее дома, мне становилось по-настоящему страшно.

— Он не человек, и никогда им не был! — выпалила я вслух, даже не ожидая, что отец все еще меня слышит.

Вдруг, он положил газету на стол, снял очки, посмотрел на свои колени и глубоко вздохнул. Было понятно, что он даже не сильно удивился моему высказыванию. Уже тогда меня совершенно поглощали все эти сверхъестественные загадки, какими бы пугающими они не были. Я отчаянно пыталась их разгадать и узнать что-то новое для себя в мире непознанного. Мои родители часто замечали во мне тягу к мистике и всячески

пытались направить мою энергию в другое русло. Как-то почувствовав это, я начала всеми силами скрывать от них свои интересы. И в такие моменты, как сейчас, я опять не знала, чем оправдаться, какую историю придумать наспех, чтоб не раскрыть своих тайных пристрастий. Но он на удивление и не собирался меня расспрашивать.

— Всякая наука имеет корни, исследования и учебники... Понимаешь, абсолютно всякая! — начал отец.

Такое начало диалога, а может и монолога меня крайне озадачило. Да, конечно, я это понимала, что на всякую науку приходилось минимум по одному учебнику, однако, была совершенно уверена, что на свете не придумано учебника, который смог бы сейчас мне помочь.

— Твоя бабушка выбрала необычный путь в своей жизни, — неожиданно он перепрыгнул с учебников на тему моей бабушки. — Этот путь был полон опасности, рискованных испытаний и окончился роковой ошибкой. Она не смогла познакомиться с тобой лично именно из-за нее — эта ошибка стоила ей жизни. Твоя мама не смогла спокойно перенести её уход, и до сих пор чувствует неприязнь к любой мистике. Мы не хотели, чтоб ты выбрала тот же путь, что и она, ровно, как и то же занятие. И ты не обязана это выбирать, у тебя есть масса времени во всем разобраться и не ступать на путь ведуньи. Однако, вопреки мнению твоей матери, я считаю, что ты вправе получить знания своего рода, которые они копили и собирали для тебя. Видишь ли, — продолжил он, сделав паузу, — никто из великих ученых не начинал изучение предмета с нуля. Человек набирал базу знаний из уже написанных до него учебников, от исследователей-предшественников, и делал правильные выводы, складывая их ошибки в багаж своего опыта.

Я все еще не понимала, о чем он говорит. Моя мать была хорошим врачом в районной больнице, и бабушка в свое время сделала все, что б она им стала. Но бабуля заболела однажды, и мама не смогла ее спасти. Подробностей мне никто никогда не рассказывал. А когда мама забеременела мной, бабушка скончалась, и мы не смогли познакомиться с ней при жизни.

В чем заключалась ее роковая ошибка я узнала намного позже, и рассказала мне об этом мама из первых уст, но это требует отдельной истории, а возможно даже отдельного рассказа.

Сейчас же мой отец выносил мне из родительской спальни темно-зеленую книгу в кожаном переплете. Она была довольно большой и натертой до блеска. Отец протянул мне ее со словами:

— Это знания твоего рода, читай их и бережно храни эту

книгу. Я не прошу тебя продолжать вашу вековую женскую деятельность, наоборот я прошу тебя хорошо подумать прежде, чем вступать на путь ведуньи. Но я прекрасно понимаю, что ты нуждаешься в этой книге, чтоб понимать происходящие вокруг тебя вещи. Чтоб правильно реагировать на те явления, объяснить которые не сможет ни один школьный учитель. Ты имеешь право знать об их силе и, в особенности об их опасности. Я просто обязан, как твой отец, сделать все, чтоб ты могла уметь защищаться от них, коль уж так вышло, что мы с матерью не можем защитить тебя.

Только открыв книгу, в моей голове сложились все слова отца, словно картонный пазл. Эта книга являлась родовым наследием ведьм, где многими поколениями были прописаны правила, классификации, законы, способы защиты и нападения, рецепты и многое другое. Книга писалась на древнем колдовском языке, который мне необходимо было выучить. В конце ее прилагался словарь, написанный неимоверно мелким почерком, который не представлялось невозможным прочесть без лупы. Я была в полном восторге, мои чувства выплескивались через край и отец это видел. Он понимал, что рано или поздно такой прорыв в моем сознании должен был наступить, и он считал, что лучше рано, чем слишком поздно.

Первым делом я нашла отдел про потусторонних существ, приходящих отвечать на наши вопросы, и, вооружившись лупой, занялась переводом. Вечер подкрался незаметно, книга полностью поглотила меня. Там насчитывалось шесть классов и тридцать шесть подклассов разных существ, проникающих в наш мир через гадания. Некоторые из них мне показались вполне похожими на то, что я видела в своем сне. Это были «безликие» — длинные тени, не имеющие ни лица, ни характера, заимствующие все у человека, с которым контактируют. Эти сущности жили чужими эмоциями, вселяя в людей ложные надежды. Для них не имело значение, какие именно эмоции человек испытывает, подъем от мечтаний и надежд или горе от поражений и их краха. Поэтому они сначала обнадеживали людей ложными обещаниями, а потом всячески препятствовали их осуществлению. Затем снова находили нужные слова, чтоб обнадежить человека и так повторялось до бесконечности. Всю жизнь человек мог гнаться за своей мечтой, слушая указания «безликого» и по итогу никогда ничего не получить, а лишь отдавать ему все свои эмоции и всю свою жизнь.

Во мне бурлили чувства восхищения своим родом и тем объемом знаний, которые прописывались в этой книге. Пересев ближе к окну, чтоб видеть свою подругу, я продолжала изучение

главы. У меня было столько новостей для нее, но она все не появлялась. Мне было хорошо видно проселочную дорогу с одним фонарем, по которой она должна была идти, и я ждала ее появления с минуты на минуту. Взглянув на границу леса с невероятно красивыми переходами темнеющего неба, вдруг я почувствовала какую-то внутреннюю свободу. Словно воздух стал чище, а дышать стало легче, так сильно мне не хватало всех этих знаний, которые словно тяжелые зерна копились во мне и вот, наконец, проросли.

На небе появилось довольно много звезд, и даже возшла луна, когда я поняла, что она не придет. В ожидании и размышлениях я провела еще часа полтора или два, как во мне зародилась тревога за свою подругу, особенно в преддверии ночи.

Было уже около полуночи, и, услышав звук открывающейся двери, я спрятала свой подручный учебник и притворилась спящей. Проснувшись уже только утром, меня не покидала мысль, что нужно сходить к моей подруге и провести ее.

Стояло прекрасное солнечное утро, я, второпях позавтракав и одевшись, выбежала на улицу. Ночью прошел дождь, и вся зелень была потрясающе яркой, вдали желтело ярким пятном скошенное поле, а на горизонте виднелись невероятно высокие кучевые облака. Во мне ощущался внутренний подъём, мне не терпелось всё рассказать подруге и показать книгу, которую я прихватила с собой.

Дверь открыла её мать и сказала, что дочка спит.

— По всей видимости, она не спала всю ночь и легла только под утро, — заявила она.

Я на секунду растерялась, но быстро придумала историю о том, что мне необходимо забрать у нее свою книгу. Мать впустила меня и провела в комнату дочери, которая, как оказалось, уснула в зале. Ее комната была пуста, но я хорошо здесь ориентировалась, отлично зная эти книжные полки на фоне светлых обоев в мелкий цветочек, и её дубовый шкаф, достающий практически до самого потолка. Всё, что я хотела, это проверить обстановку и забрать её гадальную доску с собой.

Положив колдовскую книгу на кровать, я принялась обследовать комнату. Первым делом, я проверила на шкафу, затем заглянула под кровать, проверила стопки литературы и тетрадей на столе, и даже заглянула под ковер, но этой чертовой доски нигде не было. Шкаф не отпускал моё внимание, и я пару раз обернувшись на него, решила все-таки заглянуть внутрь. Дверь была тяжелой и открылась со скрипом. Я отодвинула одежду на вешалках и проверила его дно. Затем посмотрела под стопками одежды на каждой полке и вдруг каким-то немыслимым образом, тяжелая дверь с силой захлопнулась, ударяя меня по плечу и голове. Я склонилась от боли, и сделала шаг назад. На эти звуки прибежала хозяйка дома и помогла мне выпрямиться, не преминув сообщить, что на моем лбу красный отпечаток от двери. Женщина с одновременной жалостью в глазах и совершенным недоумением, что я делаю в шкафу ее дочери, аккуратно подтолкнула меня к выходу. Я чуть было не забыла свою книгу на кровати, как, к счастью, она взяла ее в руки, и вежливо протянула мне.

Выйдя из дома, я решила снова зайти сюда вечером, когда

подруга проснется. На обратном пути яркое солнце слепило мне глаза, и я шла, смотря себе под ноги. Мой взгляд с мелкого щебня перешел на книгу, и я увидела три огромные царапины от длинных ногтей, которых определенно не было раньше. В то же мгновение я развернулась от солнца, чтоб рассмотреть их подробнее. Эти жуткие царапины выглядели свежими и довольно угрожающими. Это было самое красноречивое сообщение от духа, которое он только мог мне оставить. «Он атаковал меня» — первое, что пришло мне в голову. Находясь под сильным впечатлением, возможно, я даже произнесла это вслух. Но самым поразительным было то, что я ошиблась. Безликие, по своей характеристике, никогда не атаковали самостоятельно, они всегда использовали в любых своих действиях человека. Если моя подруга спала, то и безликий должен был быть в бездействии. Это был не он, и мне надо было заново начинать свои поиски.

Уже вечерело, и я снова подошла к дому подруги. Постучав в дверь и прождав пару минут, я поняла, что мне не откроют. Весь день я изучала по книге визитеров из другого мира. О некоторых было написано очень много, были рассказаны методы борьбы с ними и даны заклинания на выбор. Про некоторых говорилось в паре слов и давалось всего лишь одно короткое заклинание. Двое были обозначены именами, но ни характеристики, ни заклинаний на них не было. Тот, который мог атаковать и имел длинные когти, описывался всего двумя предложениями. Никаких ритуалов по его изгнанию прописано не было, лишь короткое заклинание, что могло ослабить его силы на время.

Обойдя дом вокруг, я подошла со стороны окна, шторы были плотно задернуты, но свет в доме горел. Постучав в стекло, я позвала подругу по имени. Смотря на эти желто-коричневые шторы в ожидании ответа, я вдруг с содроганием увидела невероятно высокую тень с длинными руками и ужасными тонкими пальцами. Руки этой тени были, пожалуй, самым жутким зрелищем. Они буквально касались своими неестественно тонкими и искривленными фалангами земли, что явно выдавало ее нечеловеческий облик. Я, оторопевши, попятилась назад. Тень прошла мимо, немного приостановившись напротив окна. Через секунду я увидела вторую тень — это была моя подруга. Она отдернула штору и посмотрела на меня. Я собралась с силами, приблизилась и попросила жестом открыть мне. Когда она приоткрыла окно, я поинтересовалась все ли хорошо, и не приходил ли дух к ней снова. Она не выразила никаких эмоций, но сказала, что через минуту выйдет ко мне на крыльцо.

Я прождала минут десять, на что она ответила:

— Он меня не пускал.

— Если хочешь, пройдемся по полю, еще не так темно, — предложила я.

Она согласилась, и мы побрели сквозь высокие полевые цветы. Здесь пахло невероятно вкусно, а под ногами громко распелись сверчки. Прорепетировав весь день, я совершенно растерялась и не знала с чего начать. Все мысли сбились, а перед глазами все еще стояла высокая тень с руками до пола.

— Кто тебя не пускал? — набравшись смелости, я перешла к делу.

— Понимаешь, — начала она, будто заучила кем-то написанный текст, — тогда вечером я хотела пойти к тебе, но что-то не выпускало меня из дома. Вдруг у меня появилось непреодолимое желание погадать. Ты знаешь, блюдце почти сразу тронулось с места и ответило на мой вопрос прежде, чем я его озвучила вслух. Я была совершенно поражена таким возможностям, и поняла, что дух слышит мои мысли. Так мы начали новый способ общения. Только я задаю в мыслях вопрос, он сразу отвечает мне буквами на доске. Он знает всё про всех, а теперь и я. Бывает, он сильно ругается непристойными словами, если я не соглашаюсь с ним или хочу сделать по-своему. Но потом всё равно оказывается, что он был прав.

— Так ты теперь знаешь всё про всех? — выдержав паузу, спросила я.

— Да, и не только это. Он учит меня магии, самой настоящей магии. Я смогу исполнить теперь всё, что только пожелаю.

Я молчала, мне казалось, что это сон. С моей подругой что-то явно творилось, она говорила по-другому, думала по-другому, она была совсем другой. Сегодня она смотрела на меня так, будто я скрываю что-то плохое, а она об этом прекрасно знает. Самое обидное, что это было совсем не так — я ничего не скрывала, мне напротив хотелось с ней всем поделиться, однако только не Василием, разумеется.

Она изменилась за эти сутки, взгляд был потухший и задумчивый, казалось, ей рассказали все войны человечества за один раз, и она навсегда разочаровалась в этом мире. Еще более жутким было то, что она, казалось, постоянно ведет внутренний диалог с кем-то. Я начинала за нее всерьез беспокоиться, но как подступить к ней совершенно не знала.

— А ты не думала, что он может навредить тебе? Возможно, он лжет? Ты вообще видела его? — пытаюсь не выдавать тревогу, продолжила я.

— Он же дух, как его можно увидеть? — удивленно переспросила она, — ко всему прочему, я не вижу причин не верить ему, ведь до сего момента всё, что он мне сказал — в

точности сбылось!

— Я видела твоего духа, он явно не человеческий... — начала я свой смелый рассказ.

Как вдруг моя подруга остановилась, оглянулась назад и застыла. Я спросила, слушает ли она то, что я ей сейчас рассказываю, но она не слышала. Она посмотрела на меня и сказала, что ей надо возвращаться домой. В попытке взять ее за руку, я потянулась к ней всем своим телом, но она холодно отстранилась и пошла в сторону дома.

Как же так получилось, что играя в гадание, мы вызвали, сами не зная кого. Теперь это существо, явно отвратительного вида и мысли, завладело сознанием одной из нас. Мало того, оно еще и настраивает подругу против меня, подтасовывает факты, хитрит и вводит ее в полное заблуждение.

— Подожди, я тоже хочу узнать его получше, хочу задать ему свои вопросы! — выкрикнула я.

Она остановилась и сказала:

— Он мой учитель, ты должна уважать его, а ты не уважаешь!

— Никто б не смог его уважать, услышав столько брани, — воспротивилась я.

Это был мой последний шанс спасти её, и мне нельзя было упускать его. Возможно, больше мы никогда не сможем вот так прогуляться по полю и поговорить с глазу на глаз.

— А как его имя ты спрашивала? — я не прекращала разговор, догоняя её.

— Валентин!

Валентин — хорошее имя, только не для нечисти. Такого у меня в книге не было, и я была уверена, что он опять соврал. Если б я только могла точно узнать, как его звать, я б смогла постараться изгнать его из дома своей подруги.

Решившись на последний отчаянный шаг, я подбежала к ней поближе и произнесла:

— Я тоже хочу у него учиться, дай мне шанс поговорить с ним! Мы же лучшие друзья, давай учиться у него магии вместе!

Она остановилась и замерла, будто спрашивала у кого-то разрешение. Он читал её мысли, это было абсолютно понятно, даже когда она не прикасалась к гадальной доске и была за пределами дома. Спустя всего мгновение её глаза заблестели, а на лице появилась улыбка. Она взяла мою руку и произнесла:

— Он тебе понравится! Мы сможем начать колдовать вместе!

Этот Валентин не смог открыть книгу, которую я к нему притащила по своей глупости, ровно так же, как не смог сейчас прочесть мои мысли. Видимо оттого, что я тогда во сне не впустила его к себе в дом, мои помыслы оказались для него скрыты. Все это было мне на руку, и я уже собралась назначить встречу, чтоб удалиться для детальной подготовки, как подруга, не отпуская моей руки, заявила:

— Пойдем прямо сейчас, я вас познакомлю!

Что было совершенно неожиданным и буквально застало меня врасплох. Я не могла сейчас отказаться, ровно, как не представляла, что буду предпринимать против этого Валентина.

Как же так получалось, что читая книгу сутками напролет, я не подготовилась к решительным действиям. В книге был заговор, чтоб узнать истинное имя нечисти, которое я прочитала, но не выучила. Несмотря на то, что оно было довольно коротким, я никак не могла воспроизвести в голове эти витиеватые слова.

Моя подруга вела меня за руку, и я, воспользовавшись моментом, закрыла глаза. Ясно представив, что иду по дороге к своему дому вместо дома подруги, я мысленно зашла на его порог, и прошла в свою комнату. Отчетливо воображая, что подхожу к кровати, и вижу свою колдовскую книгу на ней, там же, где и оставила.

Вдруг книга раскрылась перед моими глазами сама, я не командовала ей. Она словно прекрасно знала, что я ищу, и открылась на странице с нужным мне заклинанием. Я видела то место, где оно было написано, но не могла его прочесть. Буквы скакали и расплывались, и мне пришлось так сильно сосредоточиться над текстом, что, кажется, я перестала дышать на это время. Концентрируясь с закрытыми глазами, я всеми силами пыталась сделать буквы в своем воображении четче. Прищуриваясь так, будто у меня плохое зрение, я, преодолевая себя, старалась сфокусировать его. Внезапно проявилась первая буква, затем вторая, и спустя мгновение я уже могла прочесть первое слово. Затем прояснилось второе, и в итоге я уже видела все пять слов. Повторяя их, и стараясь заучить, я обнаружила, что мы уже прошли поле и подошли к дому моей подруги.

Я зашла в ее комнату и почувствовала, как мои ноги подкосились. Подруга же, наоборот, радостно засуетилась, доставая доску, и находилась в крайне приподнятом настроении. Ей не терпелось познакомить меня со своим учителем, и она выглядела очень взволнованной. Принеся с кухни две восковые

свечи, она поставила их на полку прямо над нашими головами.

— Зачем это, разве нельзя оставить гореть свет? — с нескрываемой тревогой произнесла я.

— Учитель не любит дневной или искусственный свет, только пламя свечи настраивает его на нужный лад, — пояснила она.

Я надеялась, что этот демон не умеет задувать свечи, так как на улице уже почти стемнело и мне совсем не хотелось остаться посреди спиритического сеанса в полной темноте.

Мы уселись напротив друг друга, положив по два пальца на блюдце, ровно так же, как и в тот первый раз, когда все только начиналось.

— Говорить вслух не обязательно, учитель уже здесь и стоит только в мыслях задать вопрос, как он тут же на него ответит, — наклонившись ко мне, почти шепотом сказала она.

— Начинай беседу первой, мне надо побороть свой страх, — тихо ответила я.

Моя подруга улыбнулась, закрыла глаза и видимо задала свой вопрос. Блюдце стало ездить по доске очень быстро, совсем не так, как раньше, и я уже не улавливала всех букв. Но когда оно остановилось, подруга заулыбалась и поблагодарила учителя за ответ вслух. Я с ужасом представила, как много времени она проводит в таком общении, что сходу собирает буквы в слова. Она взглянула на меня и дала знак, задавать свой вопрос. Я решилась на хитрость, откуда не возьмись храбрость, граничащая с глупостью, толкнула меня поиграть с демоном в его же игры. Закрыв глаза, я мысленно начала свой монолог.

«Здравствуй дух, я знаю, что ты меня слышишь, и обращаюсь к тебе. Я потомственная ведьма, и обладаю знаниями и силой своего рода. Меня тревожит вопрос на ком жениться Василий. Не торопись с ответом, мне нужна только правдивая информация. Если ты откроешь мне ее, я буду верной твоей ученицей и помогу тебе, чем только смогу». Это была чистая ложь, я не собиралась обучаться у этого существа, ровно, как и помогать ему. Единственной моей целью было показать подруге, как быстро ее учитель откажется от своих слов, в погоне за другим учеником, который является ни просто подростком с горой желаний, а потомственной ведьмой. Собственно, в чем конкретно отличие простого подростка и подростка, считающего себя ведьмой, мне было сложно тогда понять. Однако в тот момент эта несусветная глупость выглядела в моих глазах очень весомым аргументом.

Через мгновение я почувствовала за своей спиной присутствие кого-то огромного. Затем я ощутила, как мощная волосатая рука накладывается сверху и начинает давить, создавая движение блюдца под собой. В тот момент я не могла ни о чем

думать, как только об этих ужасающих ощущениях чьей-то невидимой лапы поверх моей руки. Сердце моё бешено заколотилось, а в висках начало стучать. Моя подруга пристально следила за черной стрелкой и губами собирала буквы в слова. Я старалась изо всех сил, но не могла читать, эти неопишуемые ощущения не давали мне сконцентрироваться, и я просто отстранившись, следила за быстрым движением блюдца.

Когда оно, наконец, остановилось, подруга бросила на меня взгляд и попросила повторить свой вопрос вслух. Она явно была озадачена ответом, полученным от учителя, а я даже не знала, что он мне ответил. Я была в тупике, который сама себе устроила. Что я собственно сейчас должна говорить подруге, как мне повторить свой вопрос, даже не зная ответ на него. И надо было решаться быстрее, она вопрошающе смотрела на меня.

— Я снова спросила про Василия, ты же знаешь, это мой больной вопрос, — ответила я, как мне показалось совсем неплохо, — а какой был ответ? Блюдце так быстро крутилось, что я не успела прочесть...

Она опустила глаза в стол, и не глядя на меня сказала:

— Учитель предупредил меня, что ты никогда не станешь мне лучшим другом, а ему хорошей ученицей, потому что ты всегда считала себя намного лучше меня. Ты считаешь меня соперницей, а не подругой. Ты играешь со мной, а не дружишь.

Что я могла ответить на это? Я никогда так не считала, но мой вопрос говорил об обратном. Меня раскусили и обыграли, мне было совершенно нечем крыть. Я закрыла глаза и мысленно прочитала заклинание из книги, а затем потребовала: «назови свое имя». Лохматая рука снова придавила мою, но я сосредоточилась на доске, буквах и черной стрелке. Моя подруга тоже следила за блюдцем, и через несколько секунд у меня было имя «Анатасия».

Я не помнила ничего про такого демона, был ли он в классификации, и мне необходима была книга под рукой, чтоб что-то предпринять.

— Что ты спросила? — раздался вопрос моей подруги.

— Я спросила настоящее имя твоего учителя, — выпалила я.

Она задумалась, будто снова с кем-то общалась, но уже без доски и блюдца. Затем отвела глаза, будто это было что-то совсем неважное, и спросила меня снова:

— Ты хочешь еще что-то узнать у моего учителя? Думаю это твой последний шанс пообщаться с ним. Он не настроен больше встречаться с тобой. Ты разочаровала нас.

Во мне вскипела буря эмоций, демон полностью держал контроль над ситуацией, и в открытую говорил, что моя подруга

и двери ее дома отныне закрыты для меня.

— Да есть, последний! — ответила я, — но мне надо произнести его вслух. Прошу не убирай руки с блюда, пока я не закончу.

Девушка изобразила скуку на лице, и снисходительно положила свои пальцы на блюдо. Я произнесла громко и отчетливо: «отпускаю тебя дух, Анатасия, в твой мир. Откуда ты пришел, туда и возвращайся».

После этой фразы блюдец остановилось. Оно совсем замерло, и мы замерли вместе с ним. Моя подруга убрала с него свою руку, подняла глаза, они почему-то смотрели сквозь меня в стену. Ее рот открылся и совершенно мужской голос произнес: «отпускаю тебя, Валентина, в твой мир. Откуда ты пришла, туда и возвращайся».

Она смотрела в стену и не приходила в себя, я встала из-за стола, мои руки и ноги тряслись. В спешке выйдя из дома, оступившись на последней ступеньке, я наконец-то была на улице. Ноги сами несли меня домой, голова кружилась. Я была целиком и полностью как в эмоциональном, так и физическом ужасе.

Забежав домой, я закрыла дверь, прислушиваясь, не следует ли за мной кто-нибудь, что, впрочем, было уже не так важно, следует или нет. Теперь я абсолютно точно понимала разницу между: впустить демона в свой дом и впустить его в свою душу, и она была колоссальной.

Открыв свою книгу, первым делом я проверила правильность заклинания, которое использовала. Оно было правильным, я все вспомнила верно, если такой вид контакта с книгой можно было назвать памятью. Во мне снова зародилась надежда, и я выпалила вслух, перелистывая книгу в раздел классификаций демонических существ:

— Может битва и проиграна, но войну я еще могу выиграть!

Я замерла: в разделе демона Анатасия, где не было написано абсолютно ничего. Ни его описания, ни характеристик поведения, ни признаков присутствия, и соответственно ни одного слова по тому, как его изгнать. Лишь очень мелким шрифтом что-то виднелось в скобках сразу под именем. Я вооружилась лупой и прочла надпись, которая была сделана на моем родном языке.

«Прочтя с конца, ты все поймешь,

Борьбу с ним брось или умрешь».

Холодный пот прошиб меня от этих строк. Я поняла, что моя война закончена, если я хочу остаться в живых. Оставив все попытки снова проникнуть в дом подруги или вразумить ее, я все же не могла не наблюдать за ее жизнью, не переставая искать

способы борьбы с ее демоном.

За это время она переехала в другую деревню. Каким-то чудесным образом ее отцу предложили дом вдвое больше прежнего и должность председателя соседнего колхоза.

Ее уже давно не было ни рядом со мной, ни в моей жизни, но все равно что-то внутри меня не могло смириться с тем, что наша родовая магия не способна справиться с какими-то вещами, и вместо борьбы она просто предлагала отстраниться. Мне казалось это неправильным, и долгое время я считала свою подругу жертвой обстоятельств, вина во многом, что случилось тогда, себя.

Хочу отметить, что прояснил ситуацию твой дед, Василий. Он никогда не поддавался никакому виду магических воздействий, и дело было совсем не в его силе. К нему ничего не прилипало, так как не могло найти отзыв в его душе. Таких, как он, раньше называли блаженными. В нем не было никаких чрезмерных страстей или амбиций, обид или скрытой агрессии, в нем не было даже эгоизма или претензий к жизни. Он был «чист», демону было нечего предложить ему. Никто не мог подкупить его душу обещаниями, жадной победы, заинтересовать его чем-то, за что он мог бы потом расплатиться. На его примере я сделала определенные выводы и правила защиты от демонов, занесла их в колдовскую книгу: когда нет врага внутри себя, внешне враги не страшны...

Я осталась под большим впечатлением от рассказа бабушки. Правда, у меня появился какой-то осадок от осознания непобедимости некоторых существ.

— Получается, что темная магия сильнее светлой? — снова разделив магию по цветам, спросила я.

— Почему ты сделала такой вывод? — отозвалась бабушка.

— Ну, есть же демоны, которым ничего не возможно сделать светлomu магу, — пояснила я.

— Так же как и тёмные силы не в состоянии что-либо сделать с человеком блаженным.

— Да нет же, я чувствую иначе. Демоны они страшные и способны напугать до полусмерти, — никак не соглашалась я, — они куда опаснее.

— Не волнуйся, для многих людей, которыми правят алчность или тщеславие, человек блаженный или не от мира сего выглядит намного опаснее, чем любой из известных им демонов.

Чертово Колесо

Стоял тёплый летний вечер. Мы пили чай на веранде и следили за полетом огромного ночного мотылька в густом от запаха трав воздухе. Наш сад не отличался особой красотой или разнообразием. Но в нем произрастало много, по бабушкиным словам, полезных растений. Вокруг беседки, чередуясь друг с другом, росла Полынь, Лаванда и Ночная Гвоздика. Именно она своим сладковатым запахом приманивала вечерних бабочек и шмелей. В низине деревянного забора были высажены кусты Красной Ромашки. Это редкое растение, которое бабушка называла Пиретрум, обладало очень сильными магическими свойствами. Пиретрум был способен не только распознать гостя со злыми намерениями, но и заставить его вскоре после визита удалиться восвояси, поэтому Красная Ромашка росла у нас по всему периметру дома, украшая забор.

В то самое время, когда я рассматривала эти кроваво-красные цветы на фоне зеленых укропных листьев, наша калитка скрипнула, и по дорожке к беседке прошел стройный мужчина, в чистой рубашке с закатанными рукавами и рабочих штанах. Это был дедушкин друг Владимир, с соседней улицы. Дедушка радостно поприветствовал друга, но тот был заметно чем-то удручен. Он присел к нам за стол, и бабушка поспешила в дом, чтоб налить ему чай. Я сразу увидела, что мужчину что-то мучает, и как он прокручивает в уме какой-то текст, стараясь подобрать нужные слова. Дедушка завёл беззаботный разговор, но, казалось, друг его совсем не слушал. Затем он посмотрел на меня, отвел взгляд и, повернувшись к бабушке, тихо сказал:

— Я к твоей супруге за советом...

Дед улыбнулся, взял подмышку газету, свой чай, затем встал, похлопал друга по плечу и пошёл в дом. Мне не хотелось уходить и пропустить все самое интересное, поэтому я вскочила и помчалась ловить мотылька вблизи веранды. Бабушка вышла с чаем и плюшками, и приветливо спросила:

— Василий сказал ты ко мне?

— Да, соседка, к тебе, — тихо произнёс он, — я не из тех, кто придумывает всякое и боится всего на свете. Только тут такое дело, — он помог бабушке поставить чай на стол и продолжил, — я напуган. Есть знаки скорой кончины и всякие предвестники, я слышал, знаю. Но чтоб такое..., — он всё никак не мог начать свой рассказ, смотрел в пол и мешал ложкой чай, забыв положить туда сахар.

— Володь, пока беда не явилась вслед за предвестниками,

можно еще всё исправить, — подтолкнула бабушка его к рассказу, — однако, нужно хорошо разобраться в этих самых предвестниках, и это, пожалуй, самое важное для благополучного разрешения дела.

— Права, права... — наконец осмелел он, — Ты же знаешь, что каждый день я езжу на своё поле и обратно. Никогда ничего странного не случалось, а тут вдруг телега везет меня в другое место, соседка, понимаешь?! Я сам не знаю, как это выходит: еду в нужном направлении, и лес и дорога вдоль знакомая. Потом ручей и мост через него, потом поворачиваю направо. За поворотом все тот же лес, и за лесом должно быть поле. А поля нет! Иду пешком, поле есть, еду на телеге — поля нет!

— А что там есть? — спросила бабушка нахмурившись.

— Кладбище там, — сказал он полушепотом, приблизив свое лицо к бабушкиному.

— А пешком когда идешь, кладбища нет? — косо смотря на мужчину, ещё раз переспросила бабуля.

— Нет там никакого кладбища, и никогда не было, понимаешь? Но моя телега меня привозит на какое-то несуществующее, так сказать, старое кладбище, — пояснил он.

Оба собеседника стихли. Я слышала, как дядя Володя закурил, а бабушка отхлебнула чай и причмокнула. После слегка затянувшейся паузы она сказала:

— Ну что, поедem завтра вместе, посмотрим на кладбище. Лучше всего на рассвете, когда еще все спят, кроме солнышка.

— Хорошо, соседка, зайду завтра, к пяти будь готова, — протараторил мужчина, и, пожелав спокойной ночи удалился.

Я тут же подбежала к бабушке, та задумчиво смотрела дяде Володе вслед.

— Можно я тоже поеду?! — взмолилась я.

— Позже скажу, надо сначала получить предсказание. Если дело не шибко опасное, то поедem вместе, я тебе обещаю, — с очень доброй улыбкой, поглаживая мои волосы, ответила она.

Отправив меня умываться, бабушка спустилась в свой погреб. Часто она посылала туда меня, и я по списку приносила ей все необходимое. И только в редких случаях она спускалась сама и выбирала инструменты для гадания «по чутью».

Как только дедушка уснул, мы зажгли свечи в большой комнате. На круглом столе бабушка аккуратно разложила камни с разнообразными символами внутри, которые назвала «руны». Она сообщила, что руны незаменимы в гаданиях о близкой смерти и, отделив часть камней, отодвинула их в сторону. Остальные она в особом порядке разложила по кругу попеременно с сушеными веточками трав. Я уселась за стол,

задрал одну ногу, и положив голову на сложенные руки. Меня клонило в сон, но я не хотела ничего пропустить. Бабушка прочитала заклинание и подожгла один из травянистых пучков. Пламя быстро схватилось, и сухоцвет громко захрустел. Когда огонь успокоился, бабушка стала водить зажженным пучком по кругу.

Первый круг был ровный, никаких изменений не происходило. Она закрыла глаза и прошептала вопрос. На втором круге над одним из камней, знак внутри которого напомнил мне человечка с поднятыми к солнцу руками, трава стала сильно хрустеть. Бабушка отодвинула руку и через мгновение снова поднесла к этому камню пылающую травинку. Раздался уже знакомый треск, а краска, которой был нарисован человечек, на моих глазах перелилась красноватым светом. Ритуал был закончен, бабушка дала догореть траве, и поблагодарила все атрибуты за помощь, бережно собрав их. После чего мне было разрешено снова заговорить с ней.

— Ну что, я поеду? — нетерпеливо вопрошала я.

— Нет, тебе туда нельзя. Руны сообщили мне о царстве мертвых, которых лучше не тревожить попусту. Я поеду одна, но расскажу тебе все во всех подробностях, — ответила бабушка.

Голос её звучал низко и был наполнен тревогой, но в то же время какой-то неистовой внутренней силой.

Когда я проснулась, бабушки уже не было. Меня разбирало любопытство, и я никак не могла дождаться ее возвращения. Мне не сиделось у окна, не стоялось у двери. Я, то и дело, выходила во двор и даже за калитку в надежде увидеть знакомый силуэт. Бабушка появилась только через час и, как оказалось, вопросов у неё только прибавилось.

Мы уютно усьелись в саду, где солнце пробивалось сквозь бурную листву, согревая нас своими угловатыми фрагментами, и бабушка начала свой рассказ:

— Володя заехал на рассвете, и мы поехали по обычной дороге, ведущей к его полю. Перед развилкой, где он обычно поворачивал направо, я попросила остановить телегу. Пройдя пешком в сторону поля, я осталась там, зайдя за череду густого кустарника, и крикнула соседу подъехать. Но ни через минуту, ни даже через пять минут никто не появился. Выйдя немного вперед, что б увидеть перекресток, я вдруг обнаружила, что тот пуст. На нём никого не было, представляешь?! Я посмотрела по сторонам, но его повозка пропала из виду. Растерявшись от удивления, я просто остолбенела. Такого исчезновения мне ещё не приходилось видеть в своей жизни, а видела я, как ты знаешь, многое. Походив немного из стороны в сторону и присев на

дорогу, я постаралась разглядеть следы. Это было нелегко, дорога там каменистая и следы не просматриваются четкими углублениями. Сосредоточившись на одном месте, где отпечаток читался лучше, я услышала, что меня кто-то позвал по имени. Обернувшись, я увидела, что передо мной стоит телега, которая взялась ровным счетом ниоткуда, и можно сказать, просто выросла из-под земли. С нескрываемым удивлением я спросила, был ли сосед снова на кладбище, на что он одобрительно закивал головой.

Я скомандовала ему снова развернуться и ехать на поле. Теперь я наблюдала за телегой из другой точки, и если она куда-то пропадала, то сейчас я должна была это зафиксировать.

На моих глазах Володя развернул телегу и поехал к полю. Он повернул направо, направился к высокому кустарнику и скрылся из вида. Я ликовала, что он оказался, наконец, на своем поле, но добежав до него, я, как и прежде, не обнаружила ни повозки, ни ее хозяина.

Стоя там и осматривая абсолютно пустое пространство, я услышала, как меня позвали во второй раз. Выглянув из-за кустов на дорогу, я обнаружила телегу, стоящую на перекрестке, позади меня. Нам больше ничего не оставалось, как ехать вдвоем.

— Ну что ж, поехали, посмотрим на это кладбище вместе! — сказала я и забралась на телегу.

Мы развернулись и направились снова в сторону поля. Повернув направо и проехав густой кустарник, перед нами открылся довольно большой холм посреди смешенного леса. На нем произрастали поодиночке высокие тонкие Березки и старые размашистые Ели. Холм был обнесен прерывистой крупной кладкой из серого камня, а среди деревьев виднелись такие же серые могильные камни. Одни были практически целые, другие полуразрушенные, некоторые были наполовину погребены под землёй, и обросли густой растительность, но абсолютно все казались позабытыми людьми. Кладбище выглядело заброшенным и невыразимо старым.

Я слезла с телеги и подошла к остаткам кладбищенских ворот. Они были поистине уникальны. Это был свод с готическими формами, с обеих сторон которых на меня грозно смотрели грифоны. Сверху ворота были увенчаны надписями на непонятном для обывателя языке, который впоследствии я узнала — это оказался очень древний, самый первый колдовской язык. Я не смогла целиком прочитать эту надпись, ровно, как и понять её смысл.

Это поразительное место полностью овладело мной. Я ступила на землю кладбища и продолжила свой путь,

рассматривая все эти потрясающие старинные захоронения. Многие надписи на могильных камнях были выполнены на уже знакомом ведьмам языке, но каким-то другим, измененным способом. Мне показалось кладбище не просто старым, а уходящим к истокам жизни человеческой! Попытавшись рассмотреть даты жизни, я обнаружила, что на могилах их нет вовсе. Я не нашла там ни одной цифры, представляешь, и ни одной даты! — возбужденно рассказывала бабушка. — Я закрыла глаза, чтоб что-то почувствовать от этого места, но в тот же миг открыла их, и череда мурашек пробежала с головы до самых моих пят. Я настолько была увлечена самим местом, что не заметила отсутствие каких-либо звуков. Стояла мертвая тишина. Это место не населяли ни птицы, ни животные, кажется даже насекомые, такие непривередливые жители, избегали этого клочка земли. Мне стало не по себе, и я решила уйти оттуда. Я думаю вернуться с ответом, который мне предстоит сейчас найти. Ко всему прочему, я осмелилась забрать с кладбища небольшой камень, который поможет в проведении ритуала на подсказку и помощь, — закончила она, демонстрируя мне небольшой серый камушек.

— После такого путешествия и вправду появляется еще больше вопросов, — надеясь выслужиться перед бабулей и в следующий раз поехать с ней, заключила я.

— Ты права, история очень необычная, все-таки не каждый день попадаешь в скрытые от человека места.

— Что это значит «скрытые от человека места»? — теперь уже с неподдельным интересом спросила я.

— Есть такие места на земле, которые люди, владеющие магией, могут скрыть от взора обычного человека. В этих местах замыкаются дороги, и человек не может пройти вперед, к тайному месту.

— Но в ситуации дяди Володи все по-другому! — отметила я, — Там, напротив, он попадает в тайное место!

— Да, что-то размыкает заколдованную в этом месте дорогу, — немногословно ответила бабушка.

Этот разговор меня слегка запутал. Для начала мне надо было уложить в своем сознании, что есть замыкающиеся магией дороги и тайные места, куда человек не может попасть, а потом уже расспрашивать дальше.

Я нашла в саду по поручению бабушки не заросший травой островок земли, где она ловко очертила палочкой совершенно ровный круг и поставила в самый центр, принесенный ею, осколок могильного камня. Сказав мне, что я должна взять в погреб и принести ей для обряда, она села перед кругом и

закрыла глаза. Вдруг камень на моих глазах словно вытиснулся из небольшого углубления, и покатился вбок. Я с особой услужливостью, не тревожа бабушкину медитацию, тихо поставила его обратно и, повторяя беззвучно нужные ингредиенты, направилась в погреб.

Там, как и прежде, царила специфическая атмосфера. На моё удивление, в нем никогда не было плохого запаха и плесени. Этот погреб не был похож на другие, здесь всегда вкусно пахло травами, и на кончике языка появлялся ягодный привкус. Я взяла несколько пучков сушеных трав и мешочек с рунами. Мне хотелось скорее посмотреть на ритуал бабушки, и я быстро повернулась к лестнице, но её там не было. На минуту растерявшись, я обернулась вокруг себя и посмотрела вверх, там было темно, и только высоченная труба возвышалась надо мной. Где-то там высоко виднелось небо, и колышущиеся на ветру деревья. Ветер трепал слегка пожелтевшую листву какого-то большого дерева. Вдруг на меня упало что-то твёрдое, похожее на несколько маленьких камушков. Они ударили меня по лбу, и я опустила голову. Это были орешки, лесные зелено-коричневые орешки. Снова подняв глаза, я увидела привычный спуск в погреб и пропавшую на мгновение лестницу. Захотев поднять орешки и отнести их бабушке, я обнаружила, что на полу уже ничего нет. Положив рядом с собой травы и руны, я принялась обыскивать пол погреба, но орешки пропали так же неожиданно, как и появились. Мне ничего не оставалось делать, как подняться наверх и поведать бабушке о своей минутной галлюцинации.

Она очень удивилась и надолго задумалась, даже отказавшись от ритуала. Вложив кладбищенский камень мне в руки, она попросила меня закрыть глаза. Я держала камень, слыша, как бабуля что-то над ним нашептывает. Сначала камень был достаточно холодный, потом обычной температуры моего тела и вдруг он стал гореть. Выронив его из рук, я посмотрела на свои ладони, которые сильно покраснели в местах, где кожа касалась камня.

— Это странно, но ты чувствуешь скрытое место лучше меня, — произнесла она.

Меня переполняло чувство собственной важности в этом деле и какого-то сильного возбуждения. Возможно, мне всегда нравился тот страх в глубине живота, который я испытывала перед тайной и неизвестностью. Он возникал одной точкой, чуть ниже пупка и начинал пульсировать. Превращаясь в шар, страх втягивал все моё существо внутрь себя, а затем взрывался, окатывая неистовой волной с головы до ног. Когда я выросла и увидела передачу про супер новые звезды, то поняла, что

мистические тайны всегда зажигали во мне одну из них. Такие звезды сначала сжимались в одну маленькую точку, а потом с неимоверной силой взрывались, распространяя энергию жизни на огромные расстояния. Это зрелище и его описание очень мне напомнили те самые ощущения перед новым делом. Быть может, в глубине меня в тот самый момент и вправду загоралась суперновая звезда, и своим взрывом давала мне жизненно важную энергию для преодоления всех предстоящих испытаний.

Только солнце встало, я услышала, как подъехала телега, и мы вышли из дома. На улице было довольно прохладно, но совершенно безветренно. Запах росы и первые лучики солнца вселяли надежду, что день будет жарким. Забравшись последней на повозку, я уселась спиной к бабушке, и все еще в полудреме смотрела, как дом отдаляется от меня. Видимо я ненадолго уснула, потому как, приоткрыв глаза, я увидела, что мы уже поворачиваем к полю, и череда темного леса озаряется теплыми красками рассвета. В лучах солнца поле начинало дышать, длинные травы изгибались целыми пластами и плавно клонились, будто говорили «доброе утро» друг другу. Мы снова повернули и переехали через короткий деревянный мостик над тонкой речушкой. Спустя несколько минут телега остановилась. Бабушка позвала меня сесть рядом, и мы завернули за высокий кустарник. Въехав на поляну, передо мной предстала картина, которая была в точности такой, как вчера описала мне ее бабушка.

Правда на этот раз на поляне было довольно ветрено, и хорошо различался шум листвы. Мы спустились на землю, и зашли на территорию кладбища. Пройдя вперед, бабушка стала рассматривать деревья, произрастающие вокруг нас. Мы шли не торопясь, и я, забыв про осторожность, принялась жадно обследовать каждую могилу. Заметив это, бабушка взяла меня за руку, и повела за собой. Я не чувствовала на кладбище тревогу или страх. Здесь царила тишина и умиротворение.

Все могилы были абсолютно разные, они притягивали к себе и будто говорили "подойди поближе". Практически все могильные камни были выполнены в форме свода. Силуэт одной был более угловатый и больше похож на треугольник, у другой — практически превращался в полукруг, однако не было ни одного квадратного среза или конического. У многих в верхней части над всеми надписями был изображен глаз. Некоторые могильные камни обрамляли, словно картину обрамляет рама, длинные корни деревьев. Они будто бы вплелись в камень и стали неразлучны, пытаясь навсегда закрыть ту немногую информацию, что была в нем высечена. Одна могила была меньше других и сверху её украшали три луны: растущий месяц, полнолуние и луна убывающая. В ней вроде бы не было ничего особенного, но растения вокруг выглядели совершенно другими, они сильно не соответствовали данной местности. У её подножья красовались Кувшинки и Лилии, с боков всё густо поросло Клевером, а сверху одиночно в зеленой траве выглядывали розоватые Маргаритки и фиолетово-синие Анютины Глазки. Этот могильный камень словно врос в небольшой холм, порождая вокруг себя жизнь. Я долго провожала его взглядом, и самые теплые чувства родились у меня к захороненному там человеку, мне почему-то казалось, что это непременно должна быть молодая и красивая женщина.

Поразительно, как красноречиво многие могилы здесь могли рассказать о себе, без каких либо скульптур, и слов о них из человеческой памяти. Это было действительно самой настоящей магией — показать себя после смерти: кем ты был, что излучал, как выглядел, при этом не оставив своего портрета на поверхности мрамора и не увековечив ни единого мемориального слова.

Повинуясь бабушкиным шагам, я всё ещё не могла оторвать глаз от этого странно притягательного места. Слева около очередной могилы, я увидела маленький холмик с миниатюрной статуей. Кто-то похоронил рядом с собой свою кошку, и это было

самое милое захоронение, которое я когда-либо видела в своей жизни. Совершенно реалистичная статуя изящной кошки сидела и облизывала свою лапу.

Не могли остаться незамеченными и те немногие надписи на могилах, которые были поистине уникальны и не ассоциировались абсолютно ни с чем. Стоит отметить, что интереса к бабушкиной колдовской книге у меня пока что не появилось, и я совершенно не владела этим странным языком. Но здесь и сейчас, понимая всю важность и масштабность данного тайного знания, я впервые ощутила желание обучиться ему.

Было очень непривычно не увидеть здесь ни единого креста, что являлось такой неотъемлемой частью любого кладбища, на которых мне приходилось бывать в своей жизни. Я повернулась к бабушке и тихо спросила:

— Кто они все?

— Кто? — рефлекторно переспросила она.

— Все эти люди, кто здесь похоронены, кто они?

— Они все колдуны.

От этих слов мне снова стало не по себе. Я принялась ещё больше вглядываться в колдовской язык, в надежде разобрать степень опасности каждого из этих колдунов. Тем временем бабушка меня вела к определённом месту, и когда я подняла глаза, то увидела слегка пожелтевший Орешник впереди нас. Понимая весь смысл его, я спокойно спросила:

— Он тут один?

— Похоже, один, больше Орешника я здесь не заметила, — утвердительно ответила она.

Мы склонились над могилой, расположенной прямо под этим деревом. Бабушка захотела перерисовать символы с нее, чтоб детально изучить их дома, и мне было велено достать бумагу и кусочек угля. Отмечу, что часто в заколдованных местах не пишут шариковые ручки и даже простые графитовые карандаши. Но мел и уголь пишут всегда, поэтому для записей на бумаге, отправляясь на мистическое дело, я всегда складывала в свою матерчатую сумку карандаш угольный, а для надписей на предметах — меловой. Внимательно переписывая знаки с надгробной плиты, бабушка пыталась повторить мельчайшие нюансы утонченного письма. Буквы, высеченные в камне, выглядели совершенно одинакового размера. В надписи невозможно было различить ни заглавных букв, ни знаков препинания, и даже пробелов, разделяющих слова, тоже не было.

Я смотрела по сторонам и по-детски старалась найти еще хотя бы одну могилку кошки. Мельком я взглянула на то, что переписывалось с камня, и, с удивлением поняла, что надписи

сильно разняться. Бабушка пристально смотрела на могильную плиту, пытаясь повторить знак, и выводила на листке совершенно другой. Остановив ее, я объяснила своё видение. На что бабушка отдала мне лист и попросила переписать знаки своей рукой. С мастерством каллиграфа, я принялась переписывать буквы с плиты на чистый лист. Она с немалым интересом следила за мной, а когда я закончила, взяла листок в руки и заключила, что теперь она может это прочитать. По какой-то причине надписи не открывались ей, но, по еще более непонятной причине, они открылись мне.

— Возможно, он открывается тебе в оригинале, потому что ты еще не ведьма? — предположила бабушка, задавая вопрос больше себе.

Мне же все больше начинало нравиться это место, оно не только было по-особому гостеприимно к моей персоне, казалось, оно даже убаюкивает и приглашает меня прилечь на свою густую траву.

— Колдуны, наверное, такие же люди, как и мы, — все больше умиляясь этим местом, произнесла я.

— Я бы не была так уверена... — каким-то далеким голосом послышался бабушкин ответ, который я совершенно не восприняла всерьез.

— Скорее это кладбище добрых чародеев, а не колдунов, — выводя свои поэтические чувства, продолжала я.

Именно эти мысли и ощущения посетили меня, когда я легла на зеленую траву и ее мягкость полностью обволокла моё тело. Голубое небо так приятно успокаивало, а шум листвы словно напевал мне свою колыбельную песню. Вдруг, я почувствовала какое-то шевеление под коленкой. Приподняв ногу, я дотронулась до этого места рукой, будучи уверена, что меня щекочет колосок, одиноко растущий среди своих трав-сестер. Внезапно моя рука прошла по чему-то гладкому и шевелящемуся. Это было черное насекомое с длинным лаковым панцирем и несказанным количеством чёрных ножек, находящихся в ежесекундном движении. С ужасом отбросив омерзительное творение на землю, и стараясь не упустить его из вида, я пристально уставилась в густую траву. В то же мгновение я обнаружила, что вся она плотно заселена разнообразного вида насекомыми, и прямо на моих глазах сквозь нее пробиваются сотни блестящих черных и темно-коричневых панцирей. Вся земля буквально кишела различного вида сороконожками, червями и тараканами. Я в панике стала прыгать с ноги на ногу и отряхивать атакующих меня мелких и крупных насекомых. Бабушка тоже спохватилась, и на её подоле уже пригелось немалое количество быстрых рыжих

тараканов. Мы принялись бежать к выходу, но насекомые то и дело обнаруживались на нашей одежде. Меня буквально трясло от неприязни к этим назойливым созданиям, и я даже почувствовала лёгкое головокружение от такой неожиданной атаки. Поднеся руку ко рту, я с трудом сглотнула слюну, и в ту же секунду кто-то пощекотал мою шею. Рука сама опустилась, и, словно в кошмарном сне, я нащупала крупного быстрого таракана, который неумолимо принялся прятаться в гуще моих волос.

В тот же момент вся земля кладбища пришла в движение. Из каждой могилы стали вылезать, перебирая многочисленными ножками извивающиеся сколопендры, крупные дождевые черви, быстрые тараканы и мелкие пауки. Мы принялись бежать, но теперь найти чистый клочок земли было практически невозможно, всё оказалось усеянным этими бегающими тварями, которые то и дело хрустели под моими ногами, пытаясь забросить себя поверх нашей обуви. Мной одолела такая паника, что я не помню, как очутилась на телеге. Осмотрев свои ноги, я никого не обнаружила, в то время, как бабушка стояла в стороне и топтала ногами совершенно пустую землю.

— На земле никого нет, — крикнула я ей, но она всё ещё боролась с невидимым нашествием могильных насекомых.

Наш сосед таращился на неё с телеги, и, повернувшись ко мне, спросил:

— Что это на вас нашло такое?

— Бабуль, прыгай на телегу, сейчас же! — проигнорировав вопрос дяди Володи, закричала я.

Она широкими прыжками, задрав платье, подбежала к телеге, и благодаря сильной мужской руке ловко запрыгнула наверх. Бабушка посмотрела назад и сквозь отдышку произнесла:

— Хорошие у них тут охранники.

На обратном пути бабушка перевела мне фразу, переписанную моей же рукой с колдовской могилы, которая звучала так: «Я хочу увидеть тебя здесь ночью». Вытаращив на бабушку глаза, я лишь спустя время могла снова заговорить с ней:

— Там же земля кишит насекомыми, как туда снова идти, ещё и ночью?

Будучи абсолютно уверенной, что мне не по зубам такое испытание, я наотрез отказалась сопровождать бабушку.

— Надо снять заклятие, которое охраняет покой усопших на этом кладбище, и никаких насекомых больше не будет, — с поразительным спокойствием ответила она.

Мне не верилось, что эти омерзительные создания полностью исчезнут, если мы произнесем заклинание. И ко всему мне не

давал покоя вопрос: «почему эти колдуны, которые там покоиться, так хотели, чтоб мы посетили их обитель именно ночью». Я долго сражалась со своими фобиями, чтоб снова пойти на дело, но детальные воспоминания дневного ужаса волнами то и дело обдавали меня с ног до головы.

— Бабушка, ну почему же ночью? — жалобно протянула я.

— Колдовское кладбище имеет определенные защитные миражи, все, что мы там видели, не являлось реальным. Сам же владелец могилы нуждается в нашей помощи, он настроен на контакт с нами. Думаю, он не станет вредить или пугать. Однако ночь является очень важным временем суток для всех колдунов, многое, что скрыто в свете дня на колдовской земле, открывается в свете Луны.

— А почему ты так уверена, что мы имеем дело с колдуном, а не колдуньей? — неожиданно для себя, спросила я.

— Потому что, когда колдун говорит "Я", то оно отличается от "Я" сказанного колдуньей. Тебе это сложно понять, для тебя всегда существовало лишь одно я и для мужчин и для женщин. В колдовском языке местоимений "Я" два, для мужчин своё, для женщин своё, — пояснила бабушка.

Мне и вправду тогда было это сложно понять. Но с возрастом я узнала особенности многих языков, в некоторых напрочь отсутствует мужской и женский род. Порой в таком языке догадаться, кто пишет тебе письмо, возможно только, если человек указал в нем свое имя. Помню, тогда мне мало хотелось знать об особенностях колдовского языка, спустя время я не раз сожалела, что не стала изучать его с ранней юности.

До вечера бабушка что-то читала в своей книге. Она порой перелистывала за раз по много страниц, а потом долго водила веточкой под одними и теми же словами. Смотря то на меня в упор, то в оконную даль, она надолго задумывалась и что-то неясно бормотала.

Неуклонно приближался вечер, и я с сожалением смотрела, как солнце покидает небосклон. Я все еще не могла полностью довериться заклинанию против кладбищенских насекомых, но и подвести бабушку я тоже не могла. Наступило время, когда ее внучка подросла и обладала нужной ей внимательностью, определенными знаниями и быстрой смекалкой. Благодаря этому она начала воспринимать меня, как своего настоящего помощника. Бывало, я сама ощущала себя ее штурманом, который замечает то, что иногда остается незамеченными, вовремя призывает, увлеченную своим делом, ведунью к решительным действиям и просто поддерживает в нужный момент физически и эмоционально.

Бабушка составила список всего, что нам может понадобиться и отправила меня в погреб. Уже через несколько минут моя тряпичная сумка была набита черными свечами, свертками с заклинаниями, бутылочками с каким-то порошком, льняными мешочками с сушеными травами, а завершал это все карманный фонарик. Сосед уже нас ждал у калитки, и мы отправились в уже знакомый нам путь.

Если сказать, что мне было тревожно, так лучше ничего не сказать. Дорога прошла очень быстро, и я практически не заметила, как мы подъехали к полю. Бабушка позвала меня подсесть ближе, и мы свернули уже в привычный поворот за высокими кустами. Тут в ее глазах мелькнуло восхищение этим местом. Она обернулась к соседу и сказала полупшепотом:

— Смотри, какая тут ночью красота!

Мы слезли с телеги на землю и увидели, что кладбище совершенно преобразилось. В свете луны теперь его было совсем не узнать. Красивая изгородь из серого камня и изогнутых завитками прутьев украшала кладбище по периметру. Черный кованый металл величественными изгибами обрамлял каменный свод огромных ворот, которые теперь были абсолютно целыми. Эти ворота, казалось, могли раскрыть свои прутья, словно рот, и заговорить с тобой. Они всем своим видом показывали, какие могущественные люди захоронены на этой земле, и как весомо должно быть основание путника зайти на их территорию.

Перед самыми кладбищенскими воротами бабушка, вооружившись палкой, очертила большой круг. Жестом, показав мне, где сесть на землю, она достала из моей матерчатой сумки длинную черную свечу. Не с первой попытки заставив фитиль разгореться, она аккуратно поместила свечу в центр круга. Тут же к насыщенному воздуху цветущих тут растений добавился кисловатый запах Ромашки. Затем она произнесла короткое заклинание, которое состояло всего из трех слов. Повторяя его все быстрее и быстрее, оно сложилось в какое-то другое слово, всего одно, и воспринималось на слух уже иначе, чем тех три, с которых все началось.

Вдруг лошадь дяди Володи пришла в сильное волнение. Мы обернулись и увидели, как она крутиться из стороны в сторону, так словно надоедливые мухи окружили ее. Лишь только одна мысль о насекомых заставила меня замереть и прислушаться, если ли вокруг нас пресловутое жужжание. Сосед потерял поводья, и уже в следующую секунду лошадь скачком прыгнула в сторону колдовавшей ведуньи. Та отшатнулась и, не удержав равновесие, покатила на землю. Я осталась по другую сторону повозки и, когда добежала до бабушки, то она уже стояла на коленях, как ни в чем не бывало, и что-то внимательно разглядывая.

— Бабуль, как ты? — вскрикнула я, поднимая ее с колен.

— Погоди, смотри, что ритуал показал нам! Она наклонилась еще ниже и указала мне на одно из колес повозки. Внимательно присмотревшись, я увидела, что на его внутренней стороне что-то светиться. Мы придвинулись ближе и увидели, что на деревянных деталях колеса высечены какие-то знаки. Эти символы изнутри озарялись странным зеленоватым светом, и это зрелище приводило меня в какой-то восторг и оцепенение. Бабушка переползла на другую сторону, не вставая с колен, и

пробормотала:

— Только одно такое... — Снимай колесо, — обратилась она к соседу.

К тому времени сосед уже не удивился такой просьбе и безоговорочно быстрыми движениями принялся снимать колесо, на которое она указала. Луна светила как большой уличный фонарь. Через несколько минут лошадь была выпряжена, а колесо снято, и бабушка жестом дала понять, что мы покатым его на кладбище. Пока к колесу привязывалась веревка, я взялась за него двумя руками и принялась внимательно рассматривать. Эти знаки были неглубокие, но светились в темноте, словно внутри дерева был запечатан фосфор. Не удержавшись, и дотронувшись до одного из символов, я увидела, что он на мгновение исчез из-под моих пальцев, будто его и вовсе не было. Однако как только мой палец отстранился, знак вновь загорелся своим зеленым огоньком.

— Что это за символы?

— Всё потом, на кладбище работаем молча, — скомандовала бабушка, — что бы ты не увидела, чтоб не услышала, ты не должна издавать ни звука. Если ты увидишь кого-то, то не должна смотреть ему в глаза. Когда всё будет завершено, я дам тебе знак, и нам нужно будет уходить с этого места, не оборачиваясь. Чтоб мы не слышали позади себя, ни в коем случае нельзя ускорять ход, входить в панику и тем более бежать. Тебе необходимо понять, что на кладбище живых нет, ни людей, ни зверей, даже вездесущие насекомые тут не живут. Все, что ты увидишь и услышишь там — это мираж, посланный любому, кто потревожит упокоенных здесь магов.

Это предупреждение было дано крайне неожиданно: посреди ночи, в секретном месте, спрятанном от людей, перед воротами колдовского кладбища. Стало ясно, что и отказываться мне уже нельзя, и переспрашивать развернутую характеристику каждого из пунктов уже поздно. Поэтому я просто кивнула головой.

Мы зашли за ворота кладбища, которые не издали ни звука при открытии, словно их каждый день смазывают машинным маслом и держат в отличном состоянии целую вечность. Вкатив колесо на его территорию, мы обнаружили широкую каменную дорогу с узкими ответвлениями к каждой из могил. Все заросли дикой травы куда-то исчезли, появляясь лишь изредка отдельными островками на поворотах и вдоль дорог. Катить колесо в четыре руки было не так уж и трудно, правда мне приходилось толкать его сзади и преимущественно рассматривать каменную кладку. По правде сказать, я и не старалась смотреть по сторонам, мне хотелось быстрее покончить с этим делом и

вернуться домой. Обычно я любила ночные приключения, но образ ошалелых насекомых, кишаших под ногами, совсем сбивал мой настрой на прогулки по здешним местам.

Вдруг боковым зрением я заметила какое-то движение на могилах. Меня бросило в холодный пот, «неужели опять» — подумала я. Моя фобия пересилила, и я с ужасом и волнением, повернув голову, увидела, как все могилы на кладбище поднимались и опускались в каком-то своём для каждой ритме. Это движение просто немыслимо напоминало дыхание человеческой груди. И уже спустя мгновение, наблюдая за этим, я была уверена, что все они именно дышат. От этих мыслей моё собственное дыхание сбилось, а руки снова потеряли силу. Спустя всего пять минут пребывания здесь мне уже хотелось всё бросить и бежать без оглядки. Я принялась себя уговаривать, мне никак нельзя было подвести ни бабушку, ни дедушкиного друга. Тем более это были всего лишь могилы, а не насекомые. Могилы не могли напасть на меня, проползти сороконожкой по моей ноге, они просто дышали, а воздух здесь и вправду был очень вкусный.

Когда мы только заехали на эту поляну, я поняла, что здесь, в отличие от нашей деревни, недавно прошел дождь. Воздух и земля были сырыми, а все цветы благоухали тысячей оттенков. Здесь можно было почувствовать сладкую ваниль, и терпкую ягоду, кору пахучего Дуба и аромат откуда-то взявшегося спелого персика. Такой воздух успокаивал и дарил невероятную гамму ощущений, и я, словно начинающий парфюмер, пыталась разобрать его на составляющие.

Но уже через минуту мои мысли снова скакали от насекомых, к дыханию могил и обратно. Внезапно появилась леденящая мысль, о том, что жуткие твари пытаются вылезти на поверхность, расшевелив могильную землю. Мне надо было срочно искать в воспоминаниях что-то более интересное, чем летний ночной воздух после дождя, который прекрасно подошёл бы к вечерним посиделкам на веранде, но только не здесь и не сейчас. И тут я вспомнила один рассказ из урока по истории, который когда-то сильно впечатлил меня.

Женщины, стиравшие в реке, заметили, что после сильных ночных дождей их белье отстирывается намного легче обычного. Они увидели, как на поверхности воды образуются мелкие пузырьки, которые словно приклеиваются к ткани, после чего она хорошо скользит при трении, оставляя всю грязь в реке. Изучив эти уникальные дни, люди поняли, что если в ночь после похорон на кладбище выше по течению шел проливной дождь, то Боги дарили реке эту чудесную пену для стирки. Данных о том, жертвовали ли они кроме животных еще и людей, чтоб получить

чудесные пузырьки, на данный момент нет. Но долгое время людям не было ничего известно про образование мыла из жира и щелочи, ведь именно тогда они обнаружили первый мыльный раствор, благодаря смеси жира из человеческих трупов, размытых в кладбищенской земле, и речной щелочи. Эти рассказы меня очень вдохновляли, заставляя поверить, что когда-нибудь магия будет разгадана наукой и начнет преподаваться в школах и университетах.

Только я мысленно погрузилась в урок истории, где дар Богов превращался в химию, а химия в колдовство, как последовало нечто ещё более жуткое. Уже не поворачивая головы, и наблюдая за происходящим лишь боковым зрением, я заметила, как на могилах сидят чьи-то тени. Некоторые из них даже поднимались во весь рост и прогуливались по дорожкам. Можно было бы понять и принять, что это призраки колдунов вышли подышать этим прекрасным воздухом после дождя, однако нельзя было не заметить, что рост этих теней превышал два, а порой и три метра. Все они были необычайно рослые, и я непроизвольно подняла на одну из теней свои глаза. Это было почти рефлекторно, разумеется, я помнила предупреждение бабушки, но когда оно звучало, я готовилась встретить кого-то обычного человеческого роста, поэтому такие гиганты просто застали меня врасплох.

Один шёл впереди нас, он был одет в плащ до колен, имел широкие плечи и, как мне показалось, длинные волосы. Они слегка развивались, и я застыла на мгновение, рассматривая это движение полупрозрачных волнистых волос. Вдруг голова его начала поворачиваться, я как под гипнозом уже видела его профиль, его прямой нос переходил в узкие губы и заостренный подбородок, под нависшими бровями вот-вот должны были появиться глаза. Как вдруг бабушка остановилась. Я напоролась на колесо, которое катила и посмотрела ей в лицо. На меня пал гневный взгляд, и в ту же секунду мне все стало ясно. Через мгновение я уже снова смотрела только лишь на вымощенную дорожку.

Мы поменяли направление, я повиновалась всем движениям колеса, и начинала узнавать местность, по земле которой был разбросан лесной фундук. Вдруг бабушка снова резко остановилась, и я опять напоролась на колесо. Осторожно посмотрев впереди себя, мой взор пал на огромную грудку деревянных предметов, возвышающуюся на могиле колдуна. Это были старинные шкафы, по дверцам которых светились знаки, точно такие, как и на нашем колесе. Там был стол, на внутренней стороне которого хорошо просматривались уже знакомые нам символы. Тумбочки, и ещё пару колёс от телеги, табуретки,

скамья и даже бочка. Эти высеченные буквы были написаны вертикальными и горизонтальными засечками. Они чем-то сильно напоминали мне руны, но по виду были более угловатыми и словно вписанными в свои невидимые глазу ячейки — прямоугольники. Они были везде и повсюду, и свет от них окрасил наши с бабушкой лица в слегка зеленоватый оттенок. Представшая перед нами гора из деревянных изделий от мебели до садовых грабель будоражила и потрясала моё воображение. Совершенно непостижимым образом мертвый колдун заставлял людей приносить и складывать ему на могилу вещи, по всей видимости, когда-то принадлежащие ему. Это место и ужасало меня и вызывало глубокое уважение к силе покоившихся там магов, если, конечно, такую посмертную активность можно было назвать покоем!

Мы положили колесо около корыта, в трещине которого странным образом тоже были видны эти символы. Они, словно черви, могли жить внутри цельного куска дерева, так что до появившихся в изделии трещин, о них могли даже не догадываться.

Бабушка дала мне знак идти обратно к воротам кладбища. Мы развернулись, и, потупив свой взор в землю, пошли обратно. Мне стало более спокойно на душе, сердцебиение нормализовалось и казалось, что всё осталось позади. Ещё минуту и мы покинем это жуткое место, еще пару минут, и вернемся на привычную тропу, ведущую к дому.

Вдруг я услышала звук падающих тяжелых деревянных предметов позади себя. Они скатывались и бились друг о друга, издавая мощный треск дерева. Еще через секунду я осознала, что они словно проваливаются сквозь землю и падают в могильную бездну. За нами последовал звук трескающейся земли, которая вслед за деревянной грудой уходила из-под ног. Я рефлекторно ускорила свой шаг, спасаясь от надвигающегося обрушения почвы, но бабушка схватила меня за подол ветровки, и я снова вошла в привычный ритм ходьбы. Краем глаза лишь видя, как вся земля уходит в черноту, я не могла ни бежать, ни кричать, что только увеличивало мою панику.

Вспоминая огромных черных могильных насекомых, я подумала, что апокалипсис очень подходящая замена тому кошмарному миру, и держала себя в руках как могла, считая шаги. Наконец, я увидела большие резные плиты в преддверии кладбищенских ворот. Как вдруг и они демонстративно опустились в чернеющую бездну могильной земли. Казалось, сердце выпрыгнет из моей груди и пересечет черные изогнутые прутья ворот, а моё тело так и останется тут навсегда,

провалившись в никуда вместе с этим чертовым колесом. Я просто закрыла глаза, и сделала пять шагов в прямом направлении, ни к чему не прикасаясь. Через мгновение всё прекратилось. Открыв глаза, я увидела, что стою перед телегой.

Я вывела лошадь из-за высоких кустов на тропу к дому, а сосед с бабушкой вытолкали телегу без одного колеса, спрятав ее в кустах близ поля. Мы молча направились домой. Никто не заговорил из нас, и ровным счетом не произнёс ни одного слова до самого дома. Уже светало. Оказалось, мы провели на кладбище всю ночь, однако для меня время, проведенное там, чувствовалось совсем иначе. Я бы с уверенностью сказала, что всё это путешествие заняло не больше часа, но птицы и восходящие солнце говорили мне совсем об обратном. У меня не было сил спрашивать о чем-то, да и бабушка, казалась, полностью вымоталась. Мы легли спать, и первый раз я уснула, лишь только моя голова коснулась подушки.

Наутро я принялась расспрашивать бабушку о колдуне и этой горе деревянных предметов на его могиле. Бабушка ответила неожиданно для меня:

— Я не знаю, что это всё значило. Нам ещё предстоит с тобой это выяснить. Но мы вернули то, что ему принадлежало, как и многие другие, кто это сделал до нас.

После завтрака я хотела заняться своими записями на «свежую голову», чтоб не забыть важные детали и подробности ночи. Но обнаружила, что испытываю какое-то внутреннее отращивание к этому колдуну. Я определенно на него злилась!

Волна непонимания накатила на меня, и я ходила из угла в угол, в тщетных попытках начать писать.

— Бабушка, получается, они все были черными магами? — со своим обычным пристрастием к разделению мира на белое и черное, спросила я.

— Они были и есть маги! Их невозможно разделить на хороших и плохих. Такого деления не существует!

— Как не существует?

— Ровно так же, как и на любом другом кладбище. Там захоронены обычные люди, которые оставили этот мир. Они любили и были любимы, они ошибались и прощали ошибки, но никто из нас не может сказать, где захоронен плохой человек, а где хороший...

— Но на колдовском кладбище, должно быть, действуют другие законы? Там захоронены люди, обладающие особой силой. Ты только представь, мы столько сделали для этого колдуна, а он отблагодарил нас, напугав до полусмерти. Я до сих пор не знаю, как убежала оттуда.

— В этом нет его вины! Я тебе уже говорила, что вместо

обычного сторожа на этом кладбище работает магия, — спокойно ответила бабушка.

С этим вроде стало всё понятно, но у меня остались сомнения по поводу бабушкиного убеждения в безвинности колдовских душ на том кладбище, и я решилась на последний, крайне дерзкий вопрос.

— Бабуль, обещаю, что не обидишься...

— Обидчивость не основная черта моего характера, говори!

— Ну, вот когда-нибудь ты умрешь, и мы тебя похороним. Твоя подруга из соседней деревни, что подбросила нам вишневый пирог, тоже умрёт. И что, если вас похоронят на одном кладбище, колдовском или нет, но рядом друг с другом? Тебя все считают добрым человеком, светлым магом — магом правды, как ни назови, но ты воплощение чего-то хорошего. Она же нарекает себя черной ведьмой, владеет магией лжи, и её, так или иначе, можно отнести к чему-то злему. Так вот, вас рядом похоронят, и что можно будет сказать про это колдовское кладбище? Кто там похоронен? Только добрые маги, как ты или только злые маги, как она? Ваши души, видимо будут сильно отличаться поведением, находясь там. И если твоя душа будет пытаться помочь людям, заблудшим туда, то, предположительно, её душа постарается сделать всё, чтоб они не ушли оттуда живыми, — выложила я свои умозаключения, как на духу.

— Ты знаешь, почему души на кладбище называют «упокоенными»? — спросила бабушка, на что я покачала отрицательно головой, — потому что их души успокоились. Если они на кладбище, значит, они успокоились, их более не беспокоят земные цели, они более не терзаются земными мучениями. Если духа на кладбище нет, то человек после смерти не успокоился. Он продолжает жить своими прежними ценностями и переживаниями, где-то там, среди живых, где его мир замкнулся. Такие души не понимают, что пора на покой, они не могут отпустить все то, что за мирскую жизнь стало для них так ценно. Они продолжают свою борьбу, которая является для них адом после смерти. Только этот ад они устроили себе сами, никто им в этом не помогал, и понятия Бога здесь не при чем. Так вот, — бабушка сделал паузу и глубокий вдох, — если вдруг так получится, что мы окажемся с «ней» рядом после смерти и наши души будут упокоены на том кладбище, значит, мы обе больше не имеем общих мирских целей, делить нам нечего, а значит и быть врагами нет причин. В этом мире каждый отвечает за себя, за свои мысли и поступки. Если же на кладбище я обнаружу рядом с собой только ее тело, я буду точно знать, где искать ее дух.

— Где? — переспросила я.

Бабушка недоверчиво посмотрела на меня и ответила:

— Он будет заперт в ее доме, где она, возможно продолжает свою войну со мной, а может, празднует мою гибель, даже не зная, что сама тоже отошла в мир иной.

Я не могла тогда понять всего этого, и просто покачала головой. Эти истины пришли ко мне намного позже, но зерна были посеяны, как оказалось, именно тогда.

Бабушка улыбнулась, поджала губы, затем задорно посмотрела на меня и, причмокнув, сказала:

— Пойдём ка лучше сходим к соседу! Проведаем его здоровье и расспросим, откуда у него появилось это колесо.

Только распахнув дверь, все краски утра показались мне снова другими. Быть может, выброс адреналина влиял на моё цветочное восприятие, а может одна из тонких занавесей бытия распахивалась для моего взора и я могла видеть этот мир уже чуточку по-другому. Я никак не могла вернуться мыслями к своей обычной жизни, так сильно повлияла на меня прошлая ночь и все увиденное в тайном месте. Ловя на своем лице золотые летние лучи, я снова задала бабушке вопрос:

— Чем отличается обычный человек от мага? Только лишь знаниями?

— Этими знаниями мы обладаем все без исключения, они в нас заложены самой природой, — неожиданно для меня ответила она.

— Получается мы все маги? Как это понять?

— Знания открывают силу, сила образует действие, действие порождает событие. Если человек дошел до порождения событий в своей жизни, то он маг.

Я отчаянно пыталась сегодня хоть что-то понять, но с самого утра бабушка философствовала и я, внимая каждому слову по отдельности, никак не могла сложить их в единый смысл.

— Когда-то давно мы все были магами, мы все знали и умели. Но потом люди договорились видеть мир без магии, и постепенно ее становилось все меньше и меньше.

Это уже больше походило на полезную информацию, и я с энтузиазмом включилась в дальнейшие расспросы:

— Почему же им захотелось жить без магии? Ведь сейчас, думаю, никто б не отказался быть магом и обладать всеми знаниями бытия.

— Посмотри на это поле, что ты видишь? — бабушка кивнула в сторону зеленого поля с ровными молодыми побегами.

— Я вижу красивое зеленое поле!

— Что ты хочешь сделать, вступив на это поле? — не могла уговорить себя она.

— Хочу пробежать по нему, упасть на эти зеленые побеги, словно на пуховую перину и наблюдать за кучевыми облаками, — развернуто ответила я.

— Представь теперь, что ты лежишь на этом поле и рассматриваешь кучевые облака, скопившиеся над лесом. Вдруг, к тебе приходит способность увидеть поле таким, какое оно есть без скрытых тайн, так как его видят ведьмы. Ты закрываешь глаза и поднимаешься в воздух, переворачиваешься и смотришь вниз, видишь сверху себя, беззаботно лежащую на траве. Ты смотришь сначала на поле и, в ту же секунду видишь каждую травинку, каждую землишку по отдельности. Под каждым камнем, около каждого корешка кишит жизнь, не особо приятная тебе, от микроскопических тварей до муравьев, от сороконожек до различного вида жучков и паучков. Чуть глубже есть змеи, нескончаемое количество личинок мух и других насекомых. Это поле напитано жизнью, словно мокрая губка напитана водой. Ты делишь это пространство с миллиардом видов других жителей, о которых предпочитаешь не знать. Рассмотрев внимательно поле, ты теперь смотришь на себя таким же магическим зрением, и так же видишь нескончаемое множество различной жизни внутри своего тела и на его поверхности. От бактерий и микробов, до микроскопических паразитов. Они живут своей жизнью, даже не посоветовавшись и не спросив твоего разрешения. Ты тоже об этом знаешь, но предпочитаешь не знать. Так и люди, впечатленные обилием подробностей нашего мира, который они способны видеть по-другому, при помощи магии, решили все забыть и не видеть. Ведьмы стали редкостью, магическое видение стало тайной, не потому что это является тем, что человек не познал. Магия является тем, что человек отказался помнить.

— Как же они так хранятся, что мы не можем их достать? — немного шокированная таким сравнением, продолжала я свой вопрос.

— Нам всего лишь достаточно спросить себя.

— Почему же никто не спрашивает?

— Потому что никто больше себе не верит...

Книга Вторая

6. Колдовская Любовь
7. Зов Крови
8. Эликсир Молодости
9. Тот, Кто Выше Леса
10. Красные Огни

Картина «3:30» для обложки книги «Мемуары Ведьмы, книга первая» является авторской и написана автором книги Кати Безз, 2019 г.